

ISSN 0869-3129

КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ

1. 2026

18.11.25. Торжественное открытие памятника Кайсыну Кулиеву в столице Турецкой Республики г. Анкара. В церемонии приняли участие мэр муниципалитета Кечиорен г. Анкары Месут Озарслан, полномочный посол Казахстана в Турции Дюсен Касеинов, временный поверенный в делах России в Турции Алексей Иванов, первый секретарь посольства России Эвелина Емузова, руководитель делегации Кабардино-Балкарии Аскер Додуев, автор скульптуры Леуан Ахматов, глава рода Кулиевых – Малик Кулиев, представители дипкорпуса столицы.

12+

**Литературно-художественный
и общественно-политический журнал**

**Учредители
(соучредители):**

ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ
КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
«КБР-МЕДИА»

Главный редактор – В. М. МАМИШЕВ

Редакционная коллегия:

**Светлана Алхасова
Руслан Ацканов
Муталип Беппаев
Адам Готов
Виктор Котляров
Лариса Маремкулова
Светлана Мотгаева
Юрий Тхагазитов
Мадина Хакушева
Пётр Хатуев (отв. сек.)
Мухамед Хафиц**

Общественный совет:

**Борис Зумакулов
(председатель совета)
Касбулат Дзамихов
Мурат Карданов
Николай Маслов
Хаути Сохроков
Аминат Уянаева
Феликс Хараев
Башир Хубиев
Наталья Шинкарева
Сафарби Шхагапсоев**

1. 2026 ЯНВАРЬ–ФЕВРАЛЬ

МУЖСКОЙ ДОМ

Роман

Глава первая

Утро, серое, как будто кто-то накрыл город выцветшим одеялом. Небо над рекой висело низко, цеплялось за шпили и крыши, и Марк, стоя у окна своей тесной квартиры, смотрел на улицу, где редкие прохожие шли, сутулясь под мелким дождем. Он держал в руках чашку с остывшим кофе, пальцы его были длинные, нервные, с обкусанными ногтями – следствие привычки, от которой он так и не избавился с детства. Квартира была маленькая, однокомнатная, с высоким потолком, но заставленная так, что казалось, будто стены вот-вот сдадутся под напором вещей: старый синтезатор в углу, заваленный нотными тетрадами, книги на полках и на полу, стопка немых тарелок в раковине. На подоконнике – горшок с засохшим фикусом, который Марк поливал раз в месяц, когда вспоминал.

Он был не то чтобы высок, но худощав, с той худобой, которая приходит не от спорта, а от постоянной внутренней тревоги, от недосыпа и пропущенных обедов. Лицо его, с острыми скулами и глубокими тенями под глазами, казалось бы красивым, если бы не усталость, ввевшаяся в кожу. Волосы, тёмные, чуть тронутые сединой у висков, он зачёсывал назад, но они всё равно выбивались непослушными прядями. Ему было сорок два, но в зеркале он видел себя то мальчишкой, который когда-то бегал по дворам родного городка, то стариком, который уже не ждёт от жизни ничего нового.

Марк отошёл от окна, поставил чашку на стол, где лежали раскрытые ноты, испещрённые карандашными пометками. Он пытался сочинять. Последние месяцы работал над симфонией – амбициозной, как он сам себе обещал, но каждый раз, когда садился за синтезатор, звуки выходили какими-то рваными, словно куски ткани, которые он не мог сшить в единое полотно. Он включил синтезатор, пробежался пальцами по клавишам, но вместо мелодии получилась какофония, от которой он поморщился. «Не то», – пробормотал он, потирая виски. Он знал, что талант у него есть, но знал и другое: этого таланта, как ни крути, не хватало, чтобы пробиться туда, где имена гремят, а залы полны. Он не любил об этом думать. Это было как признание поражения, а Марк, с его упрямством, сдаваться не умел.

Вечером он встретился с друзьями в баре на углу набережной. Бар был шумный, с деревянными столами, покрытыми пятнами от пролитого пива, и запахом жареной картошки. За столом сидели трое: Глеб, звукорежиссёр с бородой, как у лесоруба, и вечно ироничной улыбкой; Катя, певица, которая пела в кабаках, но мечтала о сцене Мариинки; и Дима, скрипач, который, как и Марк, подавал надежды в юности, но теперь играл на корпоративах. Они пили тёмное пиво, шутили, вспоминали старые времена, когда казалось, что всё ещё впереди. Марк был в центре разговора, как всегда: он умел рассказывать, умел держать паузу, чтобы все ждали его следующей фразы. Он говорил о фестивале в Европе, о том, как агент обещал ему знакомства, которые «всё изменят».

– Ну, Марк, если ты там зажжёшь, не забудь про нас, простых смертных, – сказал Глеб, поднимая кружку.

– Да ладно, – отмахнулся Марк, но внутри у него что-то ёкнуло. Он хотел верить, что это правда, что этот фестиваль – его последний шанс, что он наконец-то вырвется из этой вязкой рутины, где он – всего лишь Марк, который когда-то подавал надежды.

Катя посмотрела на него внимательно, её глаза, подведённые чёрным карандашом, были чуть грустными.

– Ты правда веришь, что они тебя там заметят? – спросила она тихо.

Марк пожал плечами. Он не хотел говорить, что боится: боится, что его работы никто не возьмёт, что он вернётся в эту же квартиру, к этим же нотам, к этой же пустоте.

– Посмотрим, – сказал он наконец, и разговор перешёл на другое.

Дома он позвонил бывшей жене, Свете. Они развелись три года назад, и развод был как долгая, изматывающая болезнь: сначала ссоры, потом молчание, потом холодное оформление бумаг. Света была той, кто верил в него больше всех, но и той, кто первой устал от его неудач. Он набрал её номер, сидя на диване, с бокалом дешёвого вина в руке.

– Свет, я еду в Европу, – сказал он, стараясь, чтобы голос звучал небрежно. – Фестиваль. Агент говорит, там будут люди, которые могут... ну, ты понимаешь.

Света молчала секунду, потом ответила:

– Это здорово, Марк. Правда.

Её голос был сонный, но ровный, без сарказма, но и без того тепла, которое он когда-то в нём слышал. Он попросил позвать дочку, Аню. Аня взяла трубку, и её голос, звонкий, подростковый, сразу заставил его улыбнуться.

– Пап, это так круто! Ты будешь там, как настоящий композитор! Я тобой горжусь, – сказала она, и Марк почувствовал, как горло сдавило. Он не сказал ей, что боится провала, что этот фестиваль – как последняя карта, которую он разыгрывает в игре, где давно проигрывает.

– Спасибо, Ань, – сказал он. – Я тебе оттуда что-нибудь привезу.

Он повесил трубку и долго смотрел в тёмное окно, за которым город спал под дождём. Где-то там, в этом городе, была его дочь, которая верила в него, и была его жизнь, которая, кажется, уже не верила в него самого.

Глава вторая

Утро за городом было холодным, с низким туманом, который стелился над прудами, будто кто-то разлил молоко по траве. Марк сидел на заднем сиденье машины агента, Вадима, и смотрел в окно, где мелькали сосны и редкие деревенские дома с покосившимися заборами. Вадим, худощавый, с острым носом и вечно бегающими глазами, вел машину, то и дело поглядывая в зеркало заднего вида, словно проверяя, не сбёжал ли Марк. Он был из тех людей, которые говорят слишком много и слишком быстро, как будто боятся, что их перестанут слушать.

– Марк, ты понимаешь, это твой билет, – говорил Вадим, постукивая пальцами по рулю. – Этот фестиваль – не просто тусовка, там будут люди, которые решают. Решают, понимаешь? А Игорь Сергеевич, ну, продюсер, он... он, знаешь, человек с весом. В прямом и переносном смысле, – Вадим хихикнул, но, не услышав ответа, продолжил: – Ты просто будь собой, но, знаешь, не слишком... ну, не перегибай с этой своей задумчивостью. Улыбайся, говори про музыку, про свои идеи. Они это любят.

Марк молчал, глядя на проплывающие за окном поля. Он чувствовал себя не в своей тарелке, как будто его везли на смотрины, где он должен понравиться строгому жениху. Вадим был подобострастен, это сквозило в каждом его слове, в каждом жесте, и Марку это не нравилось. Но он терпел. Надо так надо.

Они приехали к прудам, где уже стояла чёрная иномарка с тонированными стёклами. Рядом, на складном стуле, сидел Игорь Сергеевич – продюсер. Он был грузным, с красным лицом и густыми бровями, которые, казалось, жили своей жизнью, то хмурясь, то приподнимаясь в саркастической усмешке. На нём была дорогая куртка, но мятая, будто он спал в ней. Рядом лежали удочки, ящик с наживкой и бутылка коньяка, уже початая. Игорь Сергеевич встал, протянул руку Марку, сжал его ладонь так, что кости хрустнули.

– Ну, композитор, – сказал он, оглядывая Марка с ног до головы, как мясник, прикидывающий тушу. – Садись, будем рыбу ловить. А то Вадим тут расписал тебя, как нового Шостаковича.

Марк выдавил улыбку, чувствуя, как щёки деревянно напрягаются. Он сел на другой стул, взял удочку, которую ему сунул Вадим, и попытался вспомнить, когда в последний раз рыбачил. Кажется, в детстве, с отцом, на том же пруду в их городке, где вода пахла тиной, а отец молчал, глядя на поплавок, как на икону.

Разговор не клеился. Игорь Сергеевич говорил коротко, отрывисто, больше о себе: о том, как он вытаскивал никому не известных музыкантов, как договаривался с оркестрами, как «эти европейцы» любят, когда всё по их правилам. Вадим поддакивал, вставлял комплименты, от которых Марку становилось неловко. Сам он молчал, кивая, когда требовалось, и смотрел на поплавок, который неподвижно лежал на воде. Он чувствовал себя лишним, как будто его выставили на витрину, чтобы продюсер решил, стоит ли он того.

Вдруг поплавок Игоря Сергеевича дёрнулся, ушёл под воду. Продюсер вскочил, стул под ним скрипнул, едва не сломавшись.

– Вот она! – заорал он, лицо его покраснело ещё сильнее. – Марк, держи, держи её, чёрт возьми!

Марк, не успев сообразить, поддался этой суете. Он бросил свою удочку, шагнул к воде, поскользнулся на мокрой траве и, не удержав равновесия, плюхнулся в пруд. Вода была ледяной, пахла илом и чем-то металлическим. Он схватился за леску, которую тянул Игорь Сергеевич, но рыба дёрнулась, и леска лопнула с тихим щелчком. Марк, мокрый, с прилипшими к лицу волосами, выбрался на берег, чувствуя, как ботинки хлопают. Игорь Сергеевич смотрел на него – сначала хмуро, глаза его сузились, а потом он расхохотался, громко, раскатисто, хлопая себя по коленям.

– Ну ты даёшь, композитор! – выдавил он, вытирая слёзы. – Это ж надо, в воду за рыбой! Шут гороховый!

Вадим тоже засмеялся, но нервно, поглядывая на Марка, как на ребёнка, который опозорил родителей. Марк заставил себя улыбнуться, хотя внутри всё кипело. Он чувствовал себя не просто мокрым, а униженным, как будто его заставили плясать в дурацком колпаке. Он отряхнулся, сел обратно, стараясь не смотреть на продюсера, который всё ещё посмеивался, наливая себе коньяк.

Обратно ехали молча. Вадим снова был за рулём, но теперь его голос звучал тише, почти заискивающе.

– Марк, ты не переживай, – говорил он, не отрывая глаз от дороги. – Игорь Сергеевич, он такой, грубоватый, но человек деловой. Он в тебя верит, правда. Это твой шанс, понимаешь? Такие люди, они... они решают. Ты просто держись, делай, что говорят, и всё будет.

Марк смотрел в окно, где уже стемнело, и огни встречных машин мелькали, как далёкие звёзды. Он пожал плечами, не сказав ни слова. Надо так надо. Но в груди у него росло что-то тяжёлое, как будто туда положили мокрый камень, который он теперь должен был тащить с собой.

Глава третья

Осенний парк был тихим, только листья шуршали под ногами, да где-то вдалеке лаяла собака. Марк шёл рядом с Аней, своей дочерью, и

смотрел, как она поправляет шарф, длинный, вязаный, который когда-то подарила ей бабушка. Аня была тоненькая, с длинными светлыми волосами, которые она убирала за уши, и с глазами, такими же тёмными, как у Марка, но живыми, будто в них всегда горел какой-то внутренний свет. Ей было четырнадцать, но в её движениях, в том, как она наклоняла голову, когда смеялась, уже проглядывало что-то взрослое, как будто она торопилась вырасти.

Марк чувствовал, как сердце сжимается от любви, от этого щемящего чувства, которое возникало каждый раз, когда он видел её. Он любил её до слёз, до какого-то почти физического желания обнять и не отпускать, чтобы защитить от всего, что может принести этот мир. Они шли по аллее, где клёны роняли красные и жёлтые листья, и Аня рассказывала о школе, о подругах, о том, как на уроке литературы она читала стихи и учительница похвалила её за выразительность.

– Пап, я решила, – вдруг сказала она, остановившись и посмотрев на него. – Я хочу поступать на актёрский. Ну, знаешь, в театральный. Я уже хожу на курсы, мы там сценки ставим, и мне так нравится! Я чувствую, что это моё.

Марк посмотрел на неё, пытаясь скрыть тревогу, которая тут же шевельнулась в груди. Он знал, что такое мечтать о сцене, о признании, знал, как это затягивает, а потом бьёт по рукам, если не выходит. Но в её глазах была такая вера, такая уверенность, что он не смог сразу возразить. Он только кивнул, поправил ей шарф, который сполз с плеча, и спросил:

– Ты всё продумала, Ань? Это же не просто, театральный... Конкурс большой, и потом, это такая профессия, знаешь, нестабильная. Ты уверена?

Аня улыбнулась, и в её улыбке было что-то от той девочки, которая в пять лет просила его сыграть ей на пианино «что-нибудь волшебное».

– Пап, я знаю, что будет трудно, – сказала она. – Но я хочу. Когда я на сцене, я как будто... не знаю, как будто я настоящая. И потом, ты же тоже делаешь, что любишь, правда? Ты же композитор, и ты не сдаёшься.

Марк почувствовал, как горло перехватило. Она верила в него, как в бога, как в человека, который всегда знает, что делать, который всегда найдёт выход. И от этой веры ему было одновременно тепло и больно, потому что он знал, какой он на самом деле: уставший, сомневающийся, балансирующий на краю очередной надежды. Но он не хотел, чтобы она это видела. Не сейчас.

– Ты права, – сказал он, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо. – Главное – делать, что любишь. Но обещай, что будешь готовиться серьёзно. Курсы – это хорошо, но надо ещё читать, смотреть спектакли, учиться. Я тебе помогу, если что.

Аня засмеялась, обняла его за руку и потянула дальше по аллее.

– Пап, ты как всегда, сразу про работу! – сказала она, но в её голосе не было укора, только радость. – Я уже читаю, между прочим. Станиславского, представляешь? И ещё мы с девочками ходили на «Гамлета», я чуть не плакала в конце.

Они остановились у ларька с кофе, Марк купил ей горячий шоколад, а себе – эспрессо, и они сели на скамейку, глядя на пруд, где утки лениво плавали среди опавших листьев. Аня рассказывала о своих курсах, о том, как они импровизировали на сцене, как она играла в сценке старушку и все смеялись, но не над ней, а с ней, и как это было здорово. Марк слушал, кивая, и думал о том, как она похожа на него в детстве – такая же упрямая, такая же уверенная, что всё получится. Но он знал, что жизнь умеет подрезать крылья, и боялся, что её мечта, такая яркая сейчас, может стать её же ловушкой.

– А ты, пап, как готовишься к фестивалю? – спросила она вдруг, отпивая шоколад и глядя на него с той же верой, которая делала его одновременно счастливым и уязвимым. – Расскажи, как там будет? Ты будешь на сцене выступать?

Марк замаялся. Он не хотел говорить, что всё висит на волоске, что продюсер, с которым он познакомился, смотрел на него, как на шута, что он сам не уверен, возьмут ли его работы. Но, глядя в её глаза, он не мог солгать.

– Буду показывать свои композиции, – сказал он, стараясь говорить легко. – Там будут люди, которые решают, что ставить, а что нет. Если всё сложится, может, мои вещи сыграют известные оркестры. Но это не сразу, Ань. Надо работать.

– Ты сделаешь это, пап, – сказала она твёрдо, как будто это было уже решено. – Ты же лучший. Я знаю.

Он улыбнулся, но внутри что-то дрогнуло. Он хотел быть для неё лучшим, хотел, чтобы она гордилась не только мечтой о нём, но и реальным человеком, который сидит рядом. Они допили свои напитки, и Аня потянула его к каруселям, которые виднелись в конце парка.

– Пойдём, покатаемся, как раньше! – сказала она, и Марк не смог отказать. Они сели на старую карусель, где лошади скрипели и пахли краской, и Аня смеялась, как ребёнок, а он смотрел на неё и думал, что ради этого смеха он готов терпеть любые фестивали, любых продюсеров, любые унижения. Лишь бы она верила. Лишь бы она была счастлива.

Когда они прощались у метро, Аня обняла его крепко, прижавшись щекой к его куртке.

– Пап, ты позвони, когда приедешь в Европу, ладно? Я хочу знать всё-всё! – сказала она.

– Позвоню, – пообещал он, и смотрел, как она уходит к эскалатору, маленькая фигурка в длинном шарфе, пока она не скрылась из виду. А потом он повернулся и пошёл домой, чувствуя, как любовь к ней и

страх за неё смешиваются в груди, как две мелодии, которые он никак не может соединить в гармонию.

Глава четвёртая

Вечер в квартире Марка был тихим, только за окном шуршал дождь да редкие машины проносились по улице, оставляя за собой шлейф света от фар. Он вернулся домой с бутылкой хорошего коньяка – не того дешёвого, что обычно брал в магазине у дома, а настоящего, армянского, с тёплым золотистым оттенком, который обещал уют и спокойствие. Марк поставил бутылку на стол, рядом с раскрытой нотной тетрадью, и налил себе в тяжелый стеклянный стакан, который когда-то купил на блошином рынке. Коньяк пах мёдом и древесиной, и первый глоток обжёг горло, но потом разлился по телу теплом, как будто жизнь и вправду начала налаживаться.

Он сел в старое кресло, обитое потёртым вельветом, и смотрел, как отсветы фонарей играют на потолке. В голове было спокойно, почти торжественно, как перед большим событием, которое ещё не случилось, но уже отбрасывает тень надежды. Завтра утром – аэропорт, Европа, фестиваль, шанс. Он не хотел думать о том, что может не сработать, не сегодня. Сегодня он позволил себе поверить, что всё будет хорошо.

Марк встал, подошёл к шкафу, где лежала дорожная сумка, и начал неторопливо собирать вещи. Рубашки, аккуратно сложенные, пара свитеров, ноты – всё, что могло понадобиться. Он двигался медленно, с какой-то внутренней уверенностью, как будто каждый сложенный предмет был частью ритуала, приближающего его к новой жизни. Телефон зазвонил, когда он укладывал в сумку блокнот. Это был Вадим, агент, его голос, как всегда, был чуть суетливым, с ноткой беспокойства.

– Марк, всё в порядке? – спросил он. – Завтра в восемь в аэропорту, не опоздай, ладно? Игорь Сергеевич уже звонил, уточнял. Ты как, готов?

– Всё хорошо, Вадим, – ответил Марк, стараясь, чтобы голос звучал ровно. – Не переживай. Буду вовремя.

– Ну, смотри, это важно, – Вадим помолчал, потом добавил: – Ты молодец, Марк. Всё будет на уровне.

Марк повесил трубку, улыбнулся уголком рта и вернулся к коньяку. Он сделал ещё глоток, потом подошёл к пианино, стоявшему у стены. Клавиши были холодными под пальцами, и он начал играть – тихо, почти наугад, мелодию, которая крутилась в голове последние дни. Она была несовершенной, но в ней было что-то живое, как дыхание. Он играл, глядя в окно, где город растворялся в ночной сырости, и вдруг вспомнил стихотворение, которое читал когда-то, ещё в юности. Это был не Бродский, не Ахматова, а что-то менее известное, но цепляющее. Он встал, нашёл на полке тонкую книжицу, почти забытую, и открыл на нужной

странице. Стихи были Александра Кушнера, не самые знаменитые, но те, что когда-то задели его своей точностью.

*Петербург, ты ответишь за всё: за дожди,
За каналы, что в сумерках гаснут,
За гранит, что хранит в себе холод и злость,
За мосты, что разводят нас в час тот.*

Он читал вполголоса, и слова ложились на мелодию, которую он только что играл, как будто они были созданы друг для друга. Город за окном казался продолжением этих строк – серым, строгим, но родным до боли.

Телефон снова зазвонил, и на экране высветилось имя дочери. Марк взял трубку, и голос Ани, звонкий, полный жизни, ворвался в его вечер.

– Пап, привет! – сказала она. – Я просто хотела сказать спасибо за сегодня. Было так здорово! Я уже всем подружкам рассказала, что ты едешь на фестиваль. Они все завидуют, говорят, твой папа – звезда!

Марк засмеялся, чувствуя, как тепло разливается в груди.

– Ну, звезда – это громко сказано, Ань, – ответил он. – Но спасибо, что веришь в меня.

– Я всегда в тебя верю, – сказала она, и он услышал, как она улыбается. – Удачи тебе там, пап. Ты будешь лучший.

Вдалеке послышался голос Светы, бывшей жены, она что-то крикнула, и Аня засмеялась:

– Мама тоже тебе удачи желает! Погоди, я ей трубку дам.

Марк услышал, как Аня передала телефон и убежала, и голос Светы, спокойный, но с лёгкой усталостью, зазвучал в трубке.

– Марк, Аня правда рада за тебя, – сказала она. – Она в последнее время так переживала, знаешь, всё спрашивала, как ты там, один. А теперь прям воспрянула духом. Говорит, её папа теперь в Европу едет, звезда будет.

Марк молчал, чувствуя, как её слова одновременно греют и колют. Он хотел что-то сказать, но Света продолжила, и в её голосе мелькнула тень прежней иронии:

– Ну, может, теперь у тебя всё наладится. Алименты хоть вовремя платить будешь.

Это был удар, не сильный, но точный, как укол иглой. Она сделала его нехотя, и устало, словно проходя мимо, так, между прочим, как старого пса у двери пнула. Марк замер, чувствуя, как улыбка сползает с лица. Он хотел ответить, но в горле застряло что-то тяжёлое, и он только выдавил:

– Я стараюсь, Свет...

– Знаю, – ответила она, и её голос смягчился, но не до конца. – Ладно, удачи тебе там.

Они попрощались, и Марк положил трубку, глядя на телефон, как

на что-то чужое. Он вернулся к коньяку, допил остатки из стакана, чувствуя, как горечь напитка смешивается с горечью её слов. Потом он выключил свет, лёг на диван, не раздеваясь, и смотрел в потолок, где отсветы фонарей всё ещё танцевали. Завтра аэропорт, завтра новый шанс. Но сейчас, в этой тёмной комнате, он чувствовал себя не композитором, не звездой, а просто человеком, который пытается не утонуть в собственных надеждах.

Глава пятая

Ночь была глубокой, чёрной, как чернила, разлитые по стеклу. Марк спал, уткнувшись лицом в подушку, когда телефон на тумбочке разорвал тишину резким, настойчивым звоном. Он дёрнулся, глаза ещё слипались, а рука нащупывала телефон в темноте, опрокинув при этом пустой стакан из-под коньяка. Экран светился, высвечивая имя: Артур. Младший брат. Марк моргнул, пытаясь прогнать сон, но мозг был как ватный, мысли путались, как провода в старой коробке. Он нажал на зелёную кнопку и поднёс телефон к уху.

– Алло, – голос его был хриплым, чужим, как будто принадлежал кому-то другому.

– Марк, – голос Артура был тяжёлым, как камень, падающий в воду. – Мама умерла.

Слова повисли в воздухе, и Марк почувствовал, как они оседают в груди, но не сразу, не целиком. Он сел на кровати, пытаясь осознать, взвесить эту новость, но она была слишком большой, слишком неподъёмной для его спящего сознания. Только что он плыл в спокойном океане сна, где всё было тёплым, упорядоченным, где завтра ждал аэропорт и надежда на новую жизнь. А теперь этот голос, этот холодный, ровный тон Артура выдернул его на поверхность, и он задыхался, не понимая, где берег.

– Что... как? – выдавил он, растирая лицо ладонью. – Когда?

– Полчаса назад, – сказал Артур. – Инсульт. В больнице. Всё быстро.

Марк молчал, глядя в темноту комнаты. Он пытался собрать мысли, но они рассыпались, как песок сквозь пальцы. Мама. Её лицо, всегда строгое, но с мягкими морщинками у глаз, когда она улыбалась. Её голос, который звал его к ужину, когда он, мальчишка, носился по двору. Он хотел сказать что-то правильное, что-то, что выразило бы эту боль, этот шок, но вместо этого из него полез какой-то словесный мусор.

– Артур, я... слушай, я завтра должен лететь, – начал он, и голос его дрожал, как будто он оправдывался перед учителем. – У меня фестиваль, это важно, ты же знаешь, это мой шанс, может, последний... Я не знаю, как... я...

Он замолчал, чувствуя, как слова тонут в тишине на том конце

провода. Артур не отвечал, и это молчание было хуже крика. Марк представил его лицо – резкое, с жёсткой линией рта, с глазами, которые всегда смотрели так, будто видели тебя насквозь. Он ждал, что брат скажет что-то, подскажет, как быть, но тишина затягивалась, и Марк чувствовал, как в нём нарастает паника.

– Ты же приедешь? – наконец спросил Артур, и в его голосе не было вопроса, только ожидание, тяжёлое, как приговор.

Марк открыл рот, но слова снова путались. Он хотел сказать, что приедет, что, конечно, будет на похоронах, но в голове крутились другие мысли: фестиваль, продюсер, который хохотал над ним у пруда, агент, который твердил про «шанс», Аня, которая верила в него. Он начал мямлить, голос его стал тоньше, жалобнее.

– Артур, я... я не знаю, как всё успеть. Это же не просто так, это моя карьера, я столько лет... ты же понимаешь, я не могу всё бросить, я приеду позже... на третий день... может...

Он осёкся, потому что тишина на том конце провода стала ещё гуще, почти осязаемой. А потом Артур заговорил, медленно, спокойно, но с такой жёсткостью, что Марк почувствовал, как холод пробежал по спине.

– Да, ты всё тот же, – сказал он. – Ясно.

Это «ясно» ударило, как пощёчина. Марк почувствовал, как в нём закипает что-то горячее, злое, и он закричал, не сдерживаясь, слова вырывались, как камни из рогатки.

– Что значит «ясно»? Что ты вообще знаешь, а? Ты сидишь там, в своём городке, чинишь свои фуры, а я тут пашу, как проклятый, чтобы хоть что-то сделать, чтобы не утонуть! Ты думаешь, мне легко? Думаешь, я не хочу быть там, с вами? Но у меня есть шанс, Артур, понимаешь? Шанс! И ты мне тут будешь свои «ясно» кидать?

Он кричал, задыхаясь, и голос его дрожал, но Артур молчал. Только дыхание, тяжёлое, едва слышное, доносилось из трубки. А потом – короткое, как выстрел, и контрольный:

– Это же мама... Пошёл ты.

Гудки. Артур бросил трубку. Марк смотрел на телефон, чувствуя, как кровь стучит в висках. Он нажал на кнопку вызова, раз, другой, но потом, с каким-то яростным отчаянием, швырнул телефон об стену. Тот ударился с глухим стуком, экран треснул, но Марк не посмотрел, не поднял. Он сел на кровать, обхватив голову руками, и сидел так, пока дыхание не выровнялось.

Он встал, подошёл к окну, распахнул его, впуская холодный ночной воздух. Город смотрел на него равнодушно, фонари мигали, как далёкие маяки. Марк вернулся к столу, налил ещё коньяка, но пить не стал – просто смотрел на янтарную жидкость, которая дрожала в стакане. Он думал о матери, о том, как она всегда находила слова, чтобы успокоить

его, даже когда он сам в себе сомневался. И теперь её нет, а он стоит здесь, в этой холодной квартире, и не знает, что делать.

Он подошёл к пианино, сел, но играть не стал. Просто положил руки на клавиши, чувствуя их холод. Потом встал, взял сумку, которую собирал вечером, посмотрел. Рубашки, свитера, ноты – всё, что так аккуратно складывал несколько часов назад, теперь казалось ненужным. Он не знал, поедет ли он завтра в аэропорт, или в свой городок, на похороны. Но в этот момент, в этой тишине, он понял, что не может просто улететь, как будто ничего не случилось. Он закрыл шкаф, вернулся к кровати и лёг, глядя в потолок. Коньяк так и остался стоять на столе, нетронутый, как напоминание о том, что спокойствие, в которое он почти поверил, было лишь иллюзией.

Глава шестая

Ночь в квартире Марка была как тёмная вода, в которой он барахтался, не находя дна. Он ходил из угла в угол, босые ноги шлёпали по холодному линолеуму, а мысли путались, как нитки в старом клубке. Телефон лежал на полу, экран треснутый, но всё ещё светящийся, напоминая о разговоре с Артуром, о его жёстком «пошёл ты». Марк остановился у окна, прижал лоб к холодному стеклу, но город за окном молчал, равнодушный, мокрый от дождя. Он пытался собраться, решить, что делать – аэропорт, фестиваль, похороны, – но мысли ускользали, как рыба из рук, как та, что он пытался поймать у пруда.

Он повернулся к кухне, чувствуя, как пустота в желудке смешивается с пустотой в голове. Надо было что-то делать, чем-то занять руки, чтобы не сойти с ума. Он открыл холодильник, свет от лампочки резанул глаза. Там было немного: пара яиц, кусок колбасы, початая бутылка водки, помидор, начавший сморщиваться, и пол-огурца, завернутого в плёнку. Марк вытащил всё это на стол, достал сковороду, старую, с потёртым тефлоном, и поставил на плиту. Яичница – простое, земное, то, что делала мама, когда он возвращался поздно, а она сидела на кухне, не ложась, пока не убедится, что он дома.

Он разбил яйца, они зашипели на раскалённой сковороде, и запах, тёплый, домашний, на миг перенёс его в детство, в их маленький дом, где мама резала хлеб толстыми ломтями, а отец ворчал, что она слишком балует детей. Марк нарезал колбасу, неаккуратно, куски получались разной толщины. Он бросил их на сковороду, и они зашкворчали, пуская жир. Потом он взялся за овощи – помидор развалился под ножом, сок потёк по пальцам, огурец хрустел, когда он резал его тонкими кружками. Хлеб он нарезал криво, корка крошилась под ножом, но он складывал всё на тарелку, как будто это был какой-то ритуал, способ удержать себя в реальности.

Он сел за стол, перед ним стояла яичница, дымящаяся, с чуть подгоревшими краями, нарезка овощей, хлеб, и бутылка коньяка, которую он купил вечером. Он потянулся к ней, но остановился. Коньяк пах вчерашней жизнью – той, где был фестиваль, надежда, разговоры с Аней, её вера в него. Теперь эта жизнь казалась бесконечно далёкой, неуместной, как чужая и пестрая одежда, которую он надел по ошибке. Он поморщился, отодвинул бутылку и достал из холодильника водку. Она была холодной, запотевшей, и когда он налил её в тот же стакан, где был коньяк, запах спирта ударил в нос, резкий, честный.

Марк выпил, не закусывая, чувствуя, как водка обжигает горло, как растекается по телу, притупляя острые углы мыслей. Он съел ложку яичницы, пожевал кусок хлеба с колбасой, но вкус был механическим, как будто он ел не ради удовольствия, а чтобы просто жить дальше. Он налил ещё, выпил, потом ещё раз, и с каждым глотком боль в груди становилась чуть тише, но не уходила. Он думал о маме, о том, как она всегда знала, что сказать, как она жила ради них, а он теперь не может даже решить, ехать ли на её похороны. Он думал об Артуре, о его холодном голосе, о том, как он прав, назвав его «всё тем же». И об Ане, которая ждёт, что он станет звездой, а он, кажется, снова подведёт её.

Под утро, когда небо за окном начало сереть, телефон снова зазвонил. Экран мигал, несмотря на трещины, и Марк, морщась от света, увидел имя Вадима. Он взял трубку, голос его был хриплым, как будто он не говорил целую вечность.

– Марк, я тебя разбудил? – голос Вадима был бодрый, слишком бодрый для пяти утра. – Не можешь уснуть? Я тебя понимаю, брат, это ж такое событие! Слушай, я только что говорил с Игорем Сергеевичем. Он сказал, на фестивале будет его друг, европейский продюсер, из топовых, представляешь? Он хочет тебя показать, Марк, это такой шанс! Такие деньги, такое будущее! Мы с тобой в круг войдём, о котором и не мечтали!

Вадим захлёбывался от восторга, его голос звенел, как будто он уже видел их имена на афишах. Марк слушал, держа телефон одной рукой, а другой сжимая стакан. Он пытался почувствовать тот же восторг, но внутри была только пустота.

– Да, да, – выдавил он, и голос его был тусклым, как старый фонарь.

Вадим замолчал на секунду, будто почувствовал что-то.

– У тебя всё в порядке? – спросил он, и в его тоне появилась тень беспокойства. – Всё же в силе? Аэропорт, восемь утра?

Марк смотрел на стол, на остатки яичницы, на пустую бутылку водки. Он хотел сказать правду, сказать про маму, про Артура, про то, как он не знает, что делать, но вместо этого соврал, как будто это было легче.

– Всё ок, – сказал он. – Просто нога что-то приболела, позавчера в пруду подвернул. Но всё в порядке. Встретимся в аэропорту.

Вадим засмеялся, его смех был резким, как хлопок.

– Славно ты тогда в пруд упал! – сказал он. – Игорь Сергеевич до сих пор ржёт, говорит, ты на фрика похож, но именно такой сейчас в тренде. Ладно, давай, до встречи!

Он повесил трубку, и Марк остался сидеть, глядя на телефон. Слова Вадима – «фрик», «тренд» – резанули, как нож. Он встал, подошёл к раковине, где лежала бутылка водки, и налил полный стакан, почти до краёв. Он выпил одним глотком, жёстко, как будто наказывал себя, и поморщился, чувствуя, как спирт обжигает всё внутри. Стакан в руке задрожал, пальцы сжали его так, что стекло чуть не треснуло. Он смотрел на него, на этот мутный стакан, и видел в нём своё отражение – усталое, с тёмными кругами под глазами, лицо человека, который не знает, куда идти. Марк уронил стакан и уткнулся в ладони.

Серое утро уже ползло по городу, дождь перестал, но асфальт блестел, как зеркало. Он думал о маме, о её руках, которые всегда пахли хлебом, о её голосе, который успокаивал его даже тогда, когда он сам в себе сомневался. Он думал об Артуре, о его презрении, о том, как он прав. И об Ане, которая ждёт от него чуда, которого он, может быть, не сможет ей дать. Он стоял у окна, чувствуя, как время тянется, как стрелки часов ползут к восьми утра, и не знал, что выберет – аэропорт или поезд, фестиваль или похороны, себя или семью.

Глава седьмая

Утро было сырым, с привкусом железа и асфальта, как будто город пропитался ночным дождём. Марк стоял у подъезда, сжимая ручку тяжёлого чемодана, который казался неподъёмным, словно в нём лежали не вещи, а все его сомнения и страхи. Колёса чемодана скрипели по неровным ступеням, когда он спускался вниз, цепляясь за перила, чтобы не потерять равновесие. Такси уже стояло у дома – потрёпанная жёлтая машина, с мигающей лампочкой на крыше. Водитель, невысокий узбек с густыми бровями и усталыми глазами, выскочил из машины, молча подхватил чемодан и закинул его в багажник с ловкостью, выдающей привычку.

Марк сел на заднее сиденье, пристегнулся, ремень холодно щёлкнул. Водитель вернулся за руль, ткнул пальцем в экран навигатора, где высветилась карта.

– Аэропорт? – спросил он, голос его был низким, с лёгким акцентом.

Марк молчал, губы сжаты так, будто он боялся, что из него вырвется что-то лишнее. Водитель обернулся, посмотрел на него, прищурившись, как будто пытался разглядеть, что не так.

– Аэропорт, да? – повторил он, чуть громче.

– Да, – отрезал Марк, сухо, почти грубо. – Аэропорт.

Машина тронулась, и город поплыл за окном – серые дома, мокрые тротуары, редкие прохожие, кутающиеся в шарфы. Марк смотрел на них, но видел не их, а Артура, своего младшего брата, каким он был в детстве. Ему было девять, худой, с острыми локтями и глазами, в которых всегда горела какая-то упрямая искра. Они тогда влезли в драку – Марк, подросток, лет четырнадцати, и его дружки против другой компании, постарше, покрепче. Артур, хоть и младше, бросился за него, не думая, размахивая кулаками, как маленький зверёк. Они вернулись домой, оба в рваных куртках, с фингалами под глазами, кровь запеклась на губе у Марка. Мама всплеснула руками, её лицо побелело, она схватила полотенце, смочила его водой, начала вытирать их лица, причитая: «Господи, да что ж вы за мальчишки такие!» Парни предвидели реакцию матери и боялись реакции отца. Они ждали ее, сутуло опустив плечи. Отец, сидел за столом, смотрел на них спокойно, почти с одобрением. «Нормально, – сказал он, отхлебнув чай из кружки. – Плохо было бы, если б один без фингала пришёл». Марк тогда засмеялся, несмотря на боль в скуле, а Артур только фыркнул, но в его глазах была гордость.

Машина въехала в аэропорт, и суета терминала накрыла Марка, как волна. Люди с чемоданами, объявления по громкой связи, запах кофе и пластика. Он катил свой чемодан, колёса гудели по плитке, и поднимался на эскалаторе, чувствуя, как сердце колотится, как будто он бежал. Наверху, среди толпы, он увидел знакомую суетливую голову агента, который уже махал ему рукой, и рядом – массивную фигуру Игоря Сергеевича, который говорил по телефону, отмахиваясь от Вадима, как от назойливой мухи. Его голос, громкий, с хрипотцой, перекачивался через английские слова, которые Марк не понимал, но чувствовал их важность.

– Марк, вот ты где! – Вадим подскочил к нему, глаза блестели, как у ребёнка перед Новым годом. – Всё готово, билеты, документы, всё на мази! Игорь Сергеевич договорился, там будет такой человек, ты не представляешь! Это твой билет в жизнь, Марк, я серьёзно!

Марк кивнул, но слова Вадима скользили по нему, как дождь по стеклу. Они шли к стойке регистрации, толпа гудела вокруг, а в голове Марка всплывало другое – вечер в их старом доме, когда он, ещё мальчишка, делал уроки в своей комнате. Дверь была приоткрыта, и он слышал, как мама с отцом говорят на кухне. Её голос был тихим, но твёрдым, как будто она уже всё решила. «Мне предлагают место директора, Жора, – говорила она. – Но я не могу. Дети важнее. Марк, Артур – они моя карьера, моя любовь». Отец молчал, потом сказал: «Я тебя поддержу, ты знаешь. Но подумай, это твой шанс». Она только покачала головой: «Мой шанс – это они». Марк тогда не понял, о чём они, но её слова врезались в память, как мелодия, которую он не мог забыть.

Они стояли у стойки, Вадим уже протянул свой паспорт девушке за стойкой, которая улыбалась профессиональной улыбкой. Игорь Сергеевич

закончил разговор, сунул телефон в карман и посмотрел на Марка, как на товар, который ещё нужно оценить. Марк почувствовал, как внутри всё сжалось, как будто кто-то завязал узел. Он открыл рот, чтобы сказать что-то, но вместо этого слова вырвались сами, тихие, но твёрдые.

– Мой шанс – это они...

– Что?

– Извините, Игорь Сергеевич, – сказал он, глядя на продюсера. – Спасибо за всё. Но я вынужден уехать. Моя мама умерла.

Вадим замер, паспорт всё ещё в руке, рот приоткрыт, как будто он не мог поверить. Игорь Сергеевич поднял брови, его взгляд стал тяжёлым, но он молчал, только смотрел, как будто ждал, что Марк сейчас рассмеётся и скажет, что это шутка. Но Марк не засмеялся. Он развернулся, подхватил ручку чемодана и пошёл прочь, не оглядываясь. Шаги его были твёрдыми, но внутри всё дрожало, как струна, которую слишком сильно натянули. Он слышал, как Вадим что-то кричит ему вслед, и мечется между чемоданом, регистрацией и грузной фигурой Игоря Сергеевича, но слова тонули в гуле аэропорта, как в воде.

Он вышел на улицу, где такси всё ещё стояли в ряд, как жёлтые жуки. Марк остановился, вдохнул холодный воздух, чувствуя, как он обжигает лёгкие. Он не знал, что будет дальше, но знал одно: он едет домой. К маме, к Артуру, к отцу. К тому, что осталось. Чемодан скрипел за ним, как старый товарищ, а город молчал, провожая его равнодушным взглядом.

Глава восьмая

Такси катило по Нальчику, и Марк смотрел в окно, где мелькали мокрые тротуары, серые дома, фонари, отбрасывающие тусклые пятна света. Дорога казалась бесконечной, асфальт блестел под колёсами, и в этой монотонности было что-то знакомое, почти городское – те же лужи, тот же холодный воздух, пробивающийся через приоткрытое окно. Он сидел на заднем сиденье, чемодан рядом, тяжёлый, как якорь, прижимавший его к реальности. Руки лежали на коленях, пальцы нервно теребили шов джинсов, а в голове крутился водоворот мыслей – о маме, об Артуре, о том, как он ушёл из аэропорта, оставив Вадима с разинутым ртом и продюсера с его тяжёлым взглядом. Он не знал, правильно ли поступил, но знал, что не мог иначе.

Водитель, молодая женщина с короткими тёмными волосами, заправленными за уши, бросала на него взгляды в зеркало заднего вида. Её глаза, карие, с лёгкой искрой любопытства, то и дело находили его лицо, но он не смотрел на неё, уткнувшись в окно. Машина повернула, и вместо широких городских улиц за окном замелькали узкие переулки, покосившиеся заборы, старые кирпичные дома с облупившейся краской. Это был не вчерашний город. Это был его городок, тот самый, где он

рос, где каждый уголок хранил воспоминания, как пыль в старых книгах. Марк моргнул, осознавая, где он, и в груди что-то сжалось – он уже здесь, дома, куда приехал на поезде, а теперь едет на такси к кладбищу.

– Вы местный? – спросила женщина, её голос был мягким, с лёгкой хрипотцой, как будто она много курила или просто устала говорить.

– Да, – ответил Марк, сухо, не отрываясь от окна. Он не хотел разговоров, не хотел, чтобы кто-то лез в его мысли, которые и без того были как разбитое стекло.

– А я смотрю, вы не похожи на наших, – продолжила она, и в зеркале мелькнула её улыбка, чуть насмешливая, но не злая. – Чемодан, вид такой... столичный. Из Москвы или Питера, да?

– Был там, – буркнул он, надеясь, что она отстанет.

Она не отстала.

– А сюда зачем? Родных навестить? – спросила она, и её взгляд снова скользнул по нему, внимательный, почти изучающий.

Марк сжал губы, чувствуя, как в горле встаёт ком. Он не хотел говорить про маму, про похороны, про то, как всё внутри него рвётся на части.

– На похороны, – сказал он наконец, так тихо, что она, кажется, не сразу расслышала.

– Ох, простите, ах, да, кладбище же... Я дура... – сказала она, и её голос стал тише, но не потерял той живости. – Соболезную. Это тяжело.

Марк кивнул, не глядя на неё. Машина свернула в очередной переулок, и он узнал этот поворот – здесь, за углом, была булочная, где мама покупала им с Артуром пирожки с капустой, когда они возвращались из школы. Теперь булочная была кафешкой. Он смотрел на неё, и в памяти всплыло, как мама, смеясь, вытирала ему крошки с подбородка, а Артур дразнил его за это. Тогда всё было проще, всё было целым.

– Вы не особо разговорчивый, да? – сказала женщина, и в её тоне не было обиды, только лёгкое поддразнивание. – Я Лена, кстати. А вас как зовут?

– Марк, – ответил он, всё так же сухо, но её имя почему-то осталось в голове, как мелодия, которую он не хотел запоминать.

– Марк, значит, – повторила она, и он почувствовал, как она снова смотрит на него в зеркало, но теперь с каким-то тёплым интересом, как будто он был не просто пассажиром, а загадкой, которую ей хотелось разгадать. – Ну, Марк, если что, я тут часто катаю. Если надо будет, звоните.

Он не ответил, только кивнул, и она замолчала, будто почувствовала, что перешла какую-то грань. Машина ехала дальше, по узким улочкам, мимо старых деревьев, которые гнулись под ветром, мимо дворового стадиона, где он когда-то играл в футбол с мальчишками. Городок был маленьким, по сравнению с Питером, и каждая улица, каждый дом был как страница из старого альбома, где всё знакомо, но уже чужое. Он

смотрел на это всё, и в груди росло чувство, что он вернулся не домой, а в какое-то прошлое, которое уже не принадлежит ему.

Такси затормозило у ворот кладбища, и Лена обернулась, посмотрев на него уже без улыбки, но с какой-то мягкой серьёзностью.

– Приехали, – сказала она. – Удачи вам, Марк. И... держитесь там. Я подожду...

Он кивнул, открыл дверь и пошёл к воротам. Она смотрела ему вслед, он чувствовал её взгляд, но не обернулся. Кладбище лежало перед ним, серое, тихое, с рядами могил. Где-то там, среди этих холодных камней, была его мама, и он знал, что должен идти, но ноги были как свинцовые. Он остановился у ворот, сжимая ручку чемодана, и смотрел на тропинку, ведущую внутрь, как будто она вела не к могилам, а к чему-то большему, к тому, что он ещё не готов был принять.

Глава девятая

Кладбище встретило Марка тишиной, нарушаемой лишь шорохом ветра в голых ветвях тополей и скрипом гравия под ногами. Ворота, ржавые, с облупившейся краской, остались позади, и он шёл по узкой тропинке, таща за собой чемодан, который казался нелепым здесь, среди могил и крестов. Воздух был холодным, пах землёй и увядшими цветами, и Марк чувствовал, как этот запах оседает в лёгких, тяжёлый, как воспоминания. Впереди, у одной из могил, собралась небольшая группа людей – тёмные фигуры в чёрных пальто, сгорбленные, как будто их придавило небо.

Кто-то заметил Марка и сказал что-то вполголоса. Все остановились, их руки замерли с покойницей, которую собирались опустить в могилу, и все повернулись к нему. Взгляды были разные: одни с любопытством, другие с укором, третьи – просто пустые, как будто люди уже вычерпали все эмоции и теперь просто ждали, когда всё закончится. Марк почувствовал, как эти взгляды прилипают к нему, как мокрый снег, и ускорил шаг, хотя ноги были тяжёлыми, словно он шёл по воде.

Артур стоял чуть в стороне, у края могилы, в старой кожаной куртке, с руками в карманах. Он поднял голову, когда Марк приблизился, но тут же опустил взгляд, переминаясь с ноги на ногу, как будто земля под ним была горячее. Его лицо было напряжённым, скулы заострились, и Марк понял, что брат всё ещё злится, всё ещё держит в себе тот ночной разговор, его «пошёл ты». Марк хотел что-то сказать, но слова застряли, как кость в горле, и он просто прошёл мимо, к гробу.

Мама лежала там, накрытая простынями, которые пахли горько, как осень. Марк наклонился, чувствуя, как взгляды людей жгут спину, как будто он на сцене, а они – зрители, ждущие, что он сделает, что скажет. Он хотел почувствовать что-то тёплое, родное, но ничего не было – ни

души, ни той любви, которая всегда жила в ней. «Какая душа на кладбище», – подумал он, и эта мысль была горькой, как вкус земли во рту.

Он наклонился ближе, так, чтобы никто не услышал, и прошептал:
– Счастливого пути, мам.

Голос его дрогнул, и он быстро выпрямился, отходя к отцу, который стоял чуть поодаль, опираясь на трость. Жора был в старом пальто, которое висело на нём, как на вешалке, и лицо его, морщинистое, с жёсткими складками у рта, казалось вырезанным из дерева. Они посмотрели друг на друга, и Марк ждал, что отец скажет что-то – упрёк, как Артур, или что-то тёплое, как мама умела. Но Жора молчал, только глаза его, выцветшие, но цепкие, смотрели прямо в Марка, как будто видели всё – его сомнения, его бегство из аэропорта, его страх. Марк хотел заговорить, но не нашёл слов, и они стояли так, молча, пока маму не опустили в могилу.

Марк почувствовал, как что-то внутри него оборвалось, как струна, которую слишком сильно натянули. Люди вокруг зашевелились, кто-то начал бросать горсти земли в яму, кто – лопатой. Марк смотрел, как земля падает, как она покрывает дерево, и думал о том, как мало он сказал маме при жизни, как редко говорил ей, что любит. Он заметил, как Артур, всё ещё стоя в стороне, бросил свою горсть земли с какой-то злостью, как будто это был не ритуал, а протест. Жора, наоборот, сделал это медленно, почти торжественно, и Марк вдруг вспомнил, как отец учил их с братом держать молоток, чинить забор, как он всегда говорил: «Делай, как надо, или не делай вовсе».

Когда всё закончилось, люди начали расходиться, их шаги шуршали по гравию, голоса захихали. Марк остался стоять у могилы, и подумал, что чемодан всё ещё рядом, в такси, как нелепый спутник. Артур подошёл ближе, но не посмотрел на него, только сказал, тихо, но с той же жёсткостью:

– Ты всё-таки приехал.

Марк кивнул, не зная, что ответить. Он хотел сказать что-то примирительное, но Артур уже повернулся и пошёл к воротам, где его ждал старый друг, какой-то местный парень, которого Марк смутно помнил. Жора тоже двинулся к выходу, опираясь на трость, но на полпути остановился, обернулся и сказал:

– Пойдём домой, Марк. Хватит тут стоять.

Марк пошёл за отцом, чувствуя, как кладбище остаётся позади, но его тяжесть всё ещё лежит на плечах. Они вышли за ворота, где стояла та же жёлтая машина такси, и Лена, водитель, стояла, прислонившись к капоту. Она посмотрела на Марка, её глаза были внимательными, но без лишних вопросов.

– Едем? – спросила она.

– Да, – ответил Марк, и голос его был тише, чем он хотел.

Он сел в машину, Жора рядом. Откуда-то вынырнул Артур, увидел,

что отец с Марком, помялся, потом развернулся и сел к другу. Все поехали, молча, по узким улочкам городка, где каждый дом, каждый забор был как эхо прошлого. Марк смотрел в окно, и думал, что эта дорога, этот день, эта могила – всё это теперь часть его, как нота, которую он никогда не сможет сыграть правильно.

Глава десятая

Вечер опустился на городок тяжёлым покрывалом, и воздух стал густым, пропитанным запахом сырой земли и остывшего дня. Частный дом, где когда-то жили они все – Марк, Артур, мама, отец, – стоял на краю улицы, с покосившимся забором и старой яблоней, чьи ветви гнулись под тяжестью недозревших плодов. Марк сидел на деревянных ступенях крыльца, чувствуя, как доски холодят через джинсы. Где-то в комнате стоял чемодан, всё ещё не распакованный, хотя шел четвертый день, как напоминание о том, что он здесь, но не до конца. В руках он держал бутылку лимонада, холодную, запотевшую, которую Артур принёс из кухни, не сказав ни слова, просто сунув ему в руку.

Артур сидел на ступень ниже, чуть сгорбившись, его локти упирались в колени, а бутылка покачивалась между пальцами. Его лицо, освещённое тусклым светом фонаря над крыльцом, было резким, с твёрдой линией скул и глазами, которые избегали смотреть на Марка. Тишина между ними была густой, как дым, и Марк чувствовал, как она давит, но не знал, как её разорвать. Он сделал глоток лимонада из детства и посмотрел на улицу, где вдалеке мигали огни соседних домов.

– Говорят, ты завис в пабе? – вдруг сказал Артур, и его голос, низкий, с хрипотцой, был пропитан укором, но не злым, а усталым, как будто он уже привык к разочарованиям. – Мать только положили.

Марк сжал бутылку, чувствуя, как стекло холодит ладонь. Он хотел возразить, сказать, что не побежал, что просто не знал, куда себя деть, но слова застряли. Он вспомнил, как зашёл в местный паб после похорон, как сидел за стойкой, глядя в стакан. Он не искал опьянения, но близкое присутствие алкоголя, его лёгкий, раздражающий градус были как якорь, который на миг удержал его от падения в пропасть. Но объяснять это Артуру он не хотел – или не мог. Он стал так далек от местных традиций и этого мира...

– Не зависаю я, – сказал он наконец, тихо, почти шёпотом. – Просто... воздуха не хватало... Вот я и ушел...

Артур фыркнул, сделал глоток лимонада и отвернулся, глядя на тёмный силуэт яблони. Его пальцы постукивали по бутылке, и Марк знал этот жест – Артур всегда так делал, когда злился, но не хотел кричать. Они молчали, и тишина снова накрыла их, как одеяло, под которым было неуютно, но тепло. Марк смотрел на брата, на его широкие плечи,

на руки, огрубевшие от работы, и вспоминал, каким он был в детстве – упрямым, но всегда готовым броситься за него в драку, даже если шансов не было. Теперь между ними была стена, и Марк не знал, как её пробить.

– Слушай, – сказал Артур, не поворачиваясь, – мне с фурой помочь надо. Ремонт там, несложный, но одному не справиться. На неделе начнём, если не свалишь обратно в свой Питер.

В его голосе была привычная ирония, но за ней Марк уловил что-то ещё – не просьбу, а почти вызов, как будто Артур проверял, останется ли он, сделает ли хоть что-то для семьи. Марк кивнул, хотя Артур не видел.

– Хорошо, – сказал он. – Помогу.

Артур ничего не ответил, только сделал ещё глоток детского вкуса, и бутылка в его руке звякнула, когда он поставил её на ступень. Они сидели молча, глядя в разные стороны – Марк на улицу, Артур на землю под ногами. Фонарь над крыльцом мигал, отбрасывая неровные тени, и где-то вдалеке залаяла собака, резко, но быстро замолчала. Марк подумал о маме, о том, как она сидела на этом же крыльце, когда они с Артуром были детьми, как чистила яблоки, складывая кожуру в миску, и рассказывала им истории. Он хотел сказать об этом Артуру, но слова казались лишними, ненужными, как ноты, которые не складываются в мелодию.

Они допили, и бутылки, пустые, стояли между ними, как маленькие памятники их молчанию. Артур встал, потянулся, хрустнув суставами, и бросил, не глядя на Марка:

– Пойду спать. Завтра в семь в гараже.

Марк кивнул, остался сидеть, слушая, как скрипит дверь, когда Артур зашёл в дом. Он смотрел на тёмный двор, на яблоню, которая казалась призраком в полумраке, и чувствовал, как усталость накатывает, но не та, что зовёт ко сну, а другая, глубокая, как будто он нёс на плечах весь этот день, весь этот городок, всю свою жизнь. Он поднялся, и посмотрел на дом, где пахло старым деревом и маминым борщом, который уже никогда не будет сварен, и развернулся.

Глава одиннадцатая

Вечер в городке был мягким, почти тёплым, несмотря на осень, и воздух пах прелыми листьями и далёким дымом от чьего-то костра. Марк вышел из дома, когда солнце уже село, оставив за собой тонкую розовую полосу на горизонте. Он не планировал никуда идти, но сидеть в старом доме, где каждый скрип половиц напоминал о маме, было невыносимо. Артур ушёл к себе в комнату, Жора смотрел телевизор, и Марк, чувствуя себя лишним, надел куртку и шагнул на улицу. Чемодан, всё ещё не распакованный, стоял в углу, как молчаливый укор.

Он прошёл пару улиц, когда услышал знакомый голос.

– Эй, композитор, ты что, по ночам теперь гуляешь? – Лена, водитель такси, стояла у забора соседнего дома, прислонившись к старому мотоциклу, который выглядел так, будто не ездил со времён Советского Союза. Её тёмные волосы были распущены.

Марк остановился, слегка растерянный.

– Ты... тут живёшь? – спросил он, кивая на дом за её спиной – старый, с облупившейся краской на ставнях, но с аккуратно подстриженным кустом у крыльца.

– Ага, сосед твой, можно сказать, – она ухмыльнулась. – Пойдём, что ли, посидим в сквере? А то ты с таким лицом ходишь, будто весь мир на тебя обиделся.

Марк хотел отказаться, но её улыбка, чуть насмешливая, но тёплая, как будто подтолкнула его.

– Ладно, – сказал он, и они пошли в сквер, который был в двух кварталах, на углу главной улицы.

Они сели в углу, где свет от лампы был тусклым. Лена рассказывала что-то про город, про местных, про то, как однажды возила пьяного мужика, который пытался петь ей арию из «Евгения Онегина» прямо в машине. Марк слушал, иногда вставляя пару слов, и чувствовал, как её лёгкость, её умение смеяться над жизнью, как будто смывает часть его тяжести. Но всё равно где-то в глубине, лежала боль – о маме, об Артуре, о том, что он оставил в аэропорту.

Когда они собрались домой, ночь уже была глубокой, звёзды пробивались сквозь облака, как иголки через ткань. Лена вдруг остановилась, посмотрела на него с хитринкой в глазах и сказала:

– Пойдём, покажу тебе кое-что. Только не спрашивай, куда, а то передумаю.

– Это что, теперь я должен за тобой в тёмные дебри тащиться? – спросил Марк, но пошёл за ней, чувствуя, как в нём просыпается что-то мальчишеское, давно забытое.

Она привела его к старому саду на окраине городка, за высоким забором, который был больше для вида, чем для защиты. В темноте виднелись силуэты деревьев, усыпанных грушами и яблоками, их запах – сладкий, чуть терпкий – витал в воздухе. Лена подмигнула ему и ловко перелезла через забор, её джинсы зацепились за гвоздь, но она только хихикнула.

– Давай, не тормози! – шепнула она. – Или ты только с чемоданом смелый?

Марк, ворча, полез следом, чувствуя себя нелепо – взрослый мужик, лезет в чужой сад, как пацан. Он перевалился через забор, чуть не упав, и оказался среди деревьев, где Лена уже срывала грушу, хрустящую, спелую.

– Держи, – она кинула ему грушу с прохладной кожурой. – Лучше, чем в магазине, клянусь!

Они срывали фрукты, тихо, но с каким-то азартом, как будто вернулись в детство. Марк посмотрел на грушу, надкусил, и сок потёк по подбородку, сладкий, как воспоминание. Он засмеялся, сам не ожидая от себя этого звука, и Лена подхватила, её смех был заразительным, как мелодия.

Вдруг в доме, стоявшем неподалёку, зажегся свет, окно вспыхнуло, как глаз, и чей-то голос, грубый, мужской, крикнул:

– Эй, кто там шарахается?

Лена схватила Марка за руку, её пальцы были тёплыми, несмотря на холод, и потянула его к забору.

– Валим, композитор! – прошептала она, давась смехом.

Они перемахнули через забор, Марк споткнулся, яблоко выпало из кармана, но он не остановился. Они бежали по переулку, запыхавшиеся, пока не остановились в тёмном углу, где свет фонаря не доставал. Лена прислонилась к стене, тяжело дыша, но улыбка её была шире, чем луна над головой. Марк, всё ещё держа грушу в руке, посмотрел на неё и сказал:

– С детства не крал чужое, знаешь. А ты, авантюристка, каких искать. Это ж надо, в сад лезть, как пацанка!

– Ой, не ной, – она толкнула его в плечо, всё ещё смеясь. – Ты ж сам полез, не я тебя за шиворот тащила! Признайся, весело было.

– Весело, – согласился он, и в его голосе мелькнула теплота. – Но, если нас поймут, я скажу, что ты меня заставила. Под дулом пистолета.

– Пистолета? – Лена фыркнула. – У меня только такси и характер, композитор. Но за тобой должок – в следующий раз ты придумаешь, как нас в беду завести.

Они стояли в переулке, переводя дыхание, и Марк вдруг почувствовал, как этот момент, этот смех, этот украденный плод в руке, как будто возвращают ему что-то, что он потерял давным-давно. Лена посмотрела на него, её глаза блестели в полумраке, и он подумал, что, может, этот городок, этот вечер – не конец, а начало чего-то, что он ещё не понимает.

Глава двенадцатая

Марк уснул рано. Воздух в городке был густой, как смола, и только луна, тонкая, как обрезок ногтя, висела над крышами, бросая слабый свет на двор. Марк спал чутко, ворочаясь на старой кровати в своей детской комнате, где до сих пор пахло пылью и старым деревом. Сон был рваным, полным обрывков – мамин голос, скрип колёс чемодана, Лена, смеющаяся с грушей или яблоком в руке. Его разбудил шум – лай, резкий, яростный, а потом крики, хлопанье дверей и чей-то мат. Он сел на кровати, сердце колотилось, как будто он сам бежал. Он посмотрел на часы – нет еще двенадцати. Из окна доносился голос Артура, низкий, но напряжённый, и ещё чей-то, женский, полный злости.

Марк накинул куртку, сунул ноги в ботинки и вышел во двор. Там, у забора, стояла соседка, тётя Валя, в халате, наброшенном поверх ночной рубашки, с фонариком в руке. Её лицо, обычно доброе, с ямочками на щеках, теперь было красным от гнева. Артур стоял напротив, держа за ошейник их пса, Рекса, здоровенного кобеля с шерстью, как чёрный уголь, и глазами, в которых мелькала смесь вины и дикости. Рекс дышал тяжело, шерсть на загривке топорщилась, а у забора валялись перья, белые, как снег, и несколько мёртвых кур, с вывернутыми шеями.

– Артур, это уже не первый раз! – кричала тётя Валя, тыча фонариком в сторону пса. – Он опять моих кур задавил! Три штуки! Я их для яиц держала, а теперь что? Это ж не собака, а зверь какой-то!

Артур молчал, сжимая ошейник, но его лицо было твёрдым, как камень. Марк подошёл ближе, чувствуя, как холодный воздух кусает кожу. Он хотел что-то сказать, но тётя Валя повернулась к нему, её глаза сверкнули.

– Марк, ты хоть вразуми своего брата! – сказала она. – Эту псину давно пристрелить надо, а он всё тянет, всё жалеет! Житья от него нет! Я понимаю, похороны и всё... Но...

Дверь дома скрипнула, и на крыльцо вышли Жора и двое его друзей – старики, с которыми он тусовался ещё в девяностые. Они были как из старого фильма про бандитов: Миша, худой, с лицом, как у старого ястреба, и Рома, коренастый, с татуировкой на шее, которая выцвела, но всё ещё напоминала о прошлом. Жора, опираясь на трость, спустился на ступеньку и посмотрел на Рекса с прищуром.

– Ну что, опять твой волк натворил дел? – сказал он, и в его голосе была смесь усталости и сарказма. – Валя, не ори, разберёмся.

Миша затаился, выпустил дым и хмыкнул:

– Разбираться тут нечего. Пристрелить его, и дело с концом. Не в первый раз ведь кур режет. Что, ждать, пока на людей кинется?

– Точно, – подхватил Рома, его голос был хриплым, как гравий под ногами. – Я могу, если что. Одним патроном меньше, и житья всем будет.

Он засмеялся, но смех был сухим, как треск веток. Марк посмотрел на Рекса, который сидел, опустив голову, будто понимая, о чём речь. Пёс был огромным, почти по пояс, с мощными лапами и шрамами на морде, оставшимися от старых драк. Марк никогда особо не любил его – Рекс был Артура, его тень, его спутник. И сейчас, глядя на мёртвых кур, на тётю Валию, которая всё ещё возмущённо размахивала фонариком, он подумал, что старики, может, и правы.

– Может, и правда... – начал он, но осёкся, потому что Артур резко повернулся к нему. Его глаза были тёмными, почти чёрными, и в них была такая сила, что Марк почувствовал себя мальчишкой, которого брат оттаскивает от драки.

– Нет, – сказал Артур, спокойно, но так жёстко, что все замолчали.

– Он наш. Плохой или хороший, он семья. Мы за него в ответе. Дове-
ряет нам, понимаете? Плох или хорош из твоей семьи, ты должен его
обеспечить всем, пока он сам не умрёт.

Слова Артура были слишком громкие, они упали, как камни в воду,
и круги от них разошлись по двору. Марк почувствовал, как что-то в
груди сжалось – эти почти искусственные слова были не только о собаке.
Они были о нём, о Марке, который приехал, но всё ещё был чужим, о
том, как он сбежал из дома, оставив семью, о том, как мама отказалась
от своей карьеры ради них, а он не смог даже приехать вовремя на её
похороны. Он опустил голову, чувствуя, как жар стыда ползёт по шее.

Миша и Рома переглянулись, и в их взглядах было что-то новое – не
насмешка, а уважение, молчаливое, почти незаметное. Миша сказал,
медленно, с лёгкой ухмылкой:

– Ну, Артур, ты прям философ. Пёс твой, значит, семейный. Ладно,
живи, волчара.

Рома хмыкнул, но ничего не добавил, только кивнул, как будто со-
глашаясь с чем-то большим, чем просто спор о собаке. Тётя Валя, всё
ещё ворча, махнула рукой и ушла, бормоча, что подаст на них в суд, но
все знали, что не подаст. Жора посмотрел на Артура, потом на Марка, и
его глаза, выцветшие, но цепкие, как будто сказали: «Разберитесь сами».

Артур отвёл Рекса к будке, проверил цепь, которая болталась, как
будто пёс перегрыз её зубами. Он что-то пробормотал собаке, потрепал
её по загривку, и Рекс лизнул его руку, как будто извиняясь. Марк стоял
в стороне, чувствуя себя лишним, но не уходил. Когда Артур вернулся,
он посмотрел на брата, но ничего не сказал. Они оба молчали, и эта
тишина была тяжёлой, но не враждебной, как будто они оба понимали,
что слова сейчас только всё усложнят.

Жора и его друзья ушли в дом. Марк и Артур остались во дворе,
глядя на тёмный силуэт Рекса, который улегся в будке, свернувшись
калачиком. Марк хотел сказать что-то, может, извиниться за свои слова,
за всё, но Артур опередил его.

– Завтра рано вставать, – сказал он, не глядя на Марка. – Не проспи.

И ушёл в дом, оставив Марка одного. Тот постоял ещё немного,
глядя на звёзды, которые пробивались сквозь облака, и думал, что слова
Артура о семье теперь будут звучать в его голове, как мелодия, которую
он не может забыть.

Глава тринадцатая

Которое по счету утро в городке было холодным, с низким туманом,
цеплявшимся за траву, как дым от догорающего костра. Гараж Артура,
что притулился за домом, был пропитан запахом машинного масла,
ржавчины и старого металла, который оседал на коже, как невидимая

пыль. Фура, старая, с облупившейся краской на кабине, стояла в центре, словно уставший зверь, который всё ещё готов нести груз, но уже без прежней силы. Марк, в старой отцовской куртке, висевшей на нём, как на вешалке, стоял рядом с Артуром, который копался в двигателе. Его руки, чёрные от масла, двигались уверенно, а лицо было напряжённым, как будто он не просто чинил машину, а разбирался с чем-то большим, что не поддавалось словам.

– Ключ на семнадцать, – буркнул Артур, не поднимая глаз. В его голосе была привычная резкость, но за ней угадывалась вчерашняя обида, ещё не остывшая, как угли под пеплом.

Марк порылся в ящике с инструментами, нашёл ключ и протянул его, но Артур, взяв его, бросил взгляд, полный сарказма.

– Ты хоть знаешь, как его держать? – сказал он, вытирая руки о тряпку, которая была грязнее, чем его пальцы. – Или только клавиши нажимать умеешь?

Марк почувствовал, как кровь прилила к щекам. Он не хотел ссориться, но слова Артура задевали, как острые камни, брошенные в упор.

– Я не механик, но и не идиот, – огрызнулся он, сжимая кулаки. – Показывай, что делать, раз позвал.

Артур хмыкнул, кивнул на двигатель.

– Вот тут забилося. Надо снять, прочистить. Держи вот тут, – он указал на металлическую деталь, блестящую от масла. – И не дёргай, а то всё зальём.

Они работали молча, но тишина была тяжёлой, как старый чемодан, набитый ненужными вещами. Марк держал деталь, стараясь не дрожать, но его руки, непривычные к такой работе, подвели, и один болт выскользнул, звякнув о бетонный пол. Артур выпрямился, его глаза сузились, и в них мелькнула знакомая искра раздражения.

– Ну ты и мастер, – сказал он, и его голос был пропитан не просто насмешкой, а чем-то глубже, как будто он ждал, что Марк снова подведёт. – Всё так же, Марк. Всё роняешь, как в детстве.

– Да что ты ко мне цепляешься? – вспыхнул Марк, бросив тряпку, которую держал. – Я сюда приехал, всё бросил, а ты мне каждый раз тычешь, как будто я виноват во всём!

Артур посмотрел на него, его лицо было неподвижным, но в глазах мелькнула боль, старая, застарелая, как шрам под кожей.

– «Приехал... Все бросил...» Нам что, кланяться теперь до земли? Ты уехал, начнем с этого – сказал он тихо, но так жёстко, что слова резанули, как нож. – Уехал и оставил нас. Мама ждала, что ты хоть раз вернёшься, хоть позвонишь не раз в год. А ты всё в своём городе, за своими нотами. А теперь её нет, и ты тут стоишь, как будто ничего не было.

Марк открыл рот, чтобы ответить, но слова застряли, как кость в горле. Он хотел сказать, что не бросал их, что пытался строить свою жизнь,

что мама всегда его поддерживала, но всё это звучало бы пусто, как эхо в пустой комнате. Он отвернулся, глядя на фуру, которая вдруг показалась ему символом всего, что он не смог починить – ни в семье, ни в себе.

В этот момент телефон в кармане завибрировал, и Марк, благодарный за передышку, вытащил его. Экран, треснутый, но всё ещё живой, высветил имя Ани. Он нажал на кнопку, поднёс телефон к уху, и её голос, звонкий, полный жизни, ворвался в гараж, как солнечный луч.

– Пап! Привет! – сказала она, и в её тоне была такая радость, что Марк на миг забыл, где он. – Как там фестиваль? Ты уже в Европе? Мы все ждем смс или звонка... Расскажи, как всё круто!

Марк замер, чувствуя, как сердце ухнуло вниз. Фестиваль... Он совсем забыл про него, про Вадима, про продюсера, про тот мир, который ещё несколько дней назад казался единственным, что держит его на плаву. Теперь он был здесь, в гараже, с руками, пахнущими маслом, и с братом, который смотрел на него, как на чужака. Он растерялся, не зная, что сказать, и начал мямлить, голос его был слабым, как будто он говорил через туман.

– Ань, я... ну, тут такое дело... – начал он, но пауза затянулась. На заднем плане послышался голос Светы, его бывшей жены, резкий, с ноткой нетерпения.

– Аня, дай мне трубку, – сказала она, и через секунду её голос уже звучал в ухе Марка, настойчивый, как стук по столу. – Марк, ты где? Ты не на фестивале? Что опять?

Он сглотнул, чувствуя, как пот холодеет на спине. Артур смотрел на него, прищурившись, но молчал, и это молчание было хуже крика. Марк кашлянул, пытаясь собраться.

– Я... я дома, Свет, – сказал он, и голос его дрогнул. – В городке. Поездка... не удалась.

Света молчала секунду, а потом её голос стал холодным, как лёд, и каждое слово било, как гвоздь.

– Понятно, – сказала она. – Всё с тобой ясно, Марк. Ты остался тем же. Неудачник, нерешительный, вечно всё бросаешь на полпути.

Её слова резали так, что он почти физически почувствовал боль. Марк услышал, как дочка быстро ухлюпала босыми ногами и хлопнула дверью. Он хотел возразить, сказать, что она не понимает, но вдруг, словно вырываясь из глубины, он выпалил:

– Мама умерла, Свет. Были похороны. Я не поехал.

Тишина на том конце была такой, что он слышал, как скрипит стул, на котором сидела Света. Потом она заговорила, и её голос был уже не злым, а растерянным, как будто она споткнулась.

– Господи, Марк... почему ты не сказал? – спросила она, и в её тоне мелькнула тень вины. – Когда? Как?

– Вот, – сказал он, чувствуя, как горло сжимается. – Инсульт. Всё быстро. Я... как-то и забыл... что кому-то надо сказать.

Света молчала, и Марк слышал её дыхание, тяжёлое, как будто она пыталась подобрать слова.

– Я... соболезную, – наконец сказала она, и её голос смягчился, но не до конца. – Аня не знает.

– Знаю, – признался он. Поморщился. – Не сказал ещё. Не знаю, как.

– Расскажу ей, Марк, – сказала Света, и в её тоне была усталость, но уже без злобы. – Она должна знать. И... держись там.

Она повесила трубку, и гудки ударили в ухо, как эхо её слов. Марк опустил телефон, чувствуя, как внутри всё сжимается. Он не сказал Ане про бабушку, не нашёл в себе сил, и теперь её вера в него, её «ты будешь звездой», казалась ещё более хрупкой, как стекло, которое вот-вот разобьётся.

Артур смотрел на него, всё ещё молча, но в его взгляде было что-то новое – не презрение, а тень сочувствия, как будто он понял, что Марк несёт не только свою вину, но и их общую боль. Марк хотел что-то сказать, но вместо этого повернулся к фуре и начал собирать инструменты, разбросанные по полу.

– Давай дальше, – сказал он глухо. – Что там ещё чинить?

Артур кивнул, но не сразу, как будто взвешивал, стоит ли продолжать. Они вернулись к работе, и хотя руки Марка дрожали, он старался держать деталь ровно, пока Артур прочищал деталь. Тишина между ними была уже не такой враждебной, а скорее усталой, как будто они оба знали, что ссора ничего не изменит. Марк смотрел на брата, на его огрубевшие руки, на морщины у глаз, которых не было ещё несколько лет назад, и вдруг вспомнил, как мама, миря их в детстве, ставила между ними миску с пирожками и говорила: «Ешьте, а то сил ругаться не хватит».

Он улыбнулся, едва заметно, и Артур, поймав его взгляд, поднял бровь.

– Чего лыбишься? – спросил он, но без прежней резкости.

– Маму вспомнил, – сказал Марк. – Как она нас мирила. Пирожки ставила.

Артур замер, потом кивнул, и его лицо смягчилось, как будто он тоже увидел ту же картинку – мама, кухня, запах теста. Они продолжали работать, и хотя слова их были скупы, а движения – резкими, в этом общем деле было что-то, что связывало их, как старая верёвка, потрёпанная, но крепкая. Когда они закончили, фура завелась с хриплым рёвом, и Артур хлопнул по капоту, как по плечу старого друга.

– Ну, хоть это ты не завалил, – сказал он, и в его голосе мелькнула тень улыбки.

Марк не ответил, но почувствовал, как что-то в груди отпускает, как

будто он сделал шаг, маленький, но важный, к тому, чтобы стать частью этого дома, этой семьи. Он посмотрел на свои руки, чёрные от масла.

Глава четырнадцатая

Утро в городе выдалось неожиданно солнечным, будто осень решила на денёк прикинуться летом. Лучи пробивались сквозь пыльные стёкла старого дома, где Жора, отец Марка, уже гремел кастрюлями на кухне, бормоча себе под нос что-то про «этих лекарей, которые только деньги тянут». Он был на ногах, несмотря на кашель, который в последнее время цеплялся к нему, как репей. Врачи велели ему лежать, но Жора, с его жёстким взглядом и голосом, как наждачка, посылал их к чертям, утверждая, что «ещё всех переживёт». В девяностые он был рэкетиром, из тех, что одним взглядом могли заставить человека отдать кошелёк, а теперь, в свои семьдесят с лишним, он всё ещё выглядел так, будто мог бы уложить любого, если бы не трость, на которую опирался.

Марк проснулся от стука в дверь своей комнаты. Жора стоял в проёме, в старой фланелевой рубашке из девяностых, с глазами, которые блестели, как у мальчишки перед приключением.

– Вставай, композитор, – прогундосил он. – На рыбалку идём. Миша с Семой уже тут, не тринди, собирайся.

Марк потёр глаза, пытаясь осознать, что его отец, который вчера смотрел на него, как на чужака, теперь зовёт на рыбалку. Он хотел отказать, сослаться на усталость или на фуру, которую они с Артуром чинили, но Жора уже отвернулся, бросив через плечо:

– Через полчаса у машины. Опоздаешь – пешком побежишь.

Во дворе уже стояли Миша и Рома. Миша стоял, щурясь на солнце. Рома держал ящик с удочками и ухмылялся, как будто знал какой-то секрет. Они посмотрели на Марка, выходящего из дома с заспанным лицом, и Миша хмыкнул:

– Ну что, столичный, на рыбку потянем? Или в там только кофе по утрам ловите?

– Ага, – подхватил Рома, – там небось рыба сама в латте плавает, с сиропчиком.

Марк закатил глаза, но невольно улыбнулся. Он сел в старую «Ниву» Жоры, которая пахла бензином и табаком, и они поехали к реке, что текла в паре километров от городка. Дорога была ухабистой, машина подпрыгивала, а Жора, сидя за рулём, ругался на каждую яму, как будто они лично его оскорбляли. Миша и Рома на заднем сиденье вспоминали старые байки, от которых Марк то краснел, то хохотал вполголоса – про то, как они в девяностые «разбирались» с должниками, а один раз случайно угнали трактор вместо машины.

У реки, мутной и ленивой, они расставили удочки, разложили складные стулья и достали термос с горным чаем, который Рома притащил в рюкзаке. Жора сделал глоток и крикнул, как будто проглотил кусок угля.

– Ну, Марк, – сказал он, глядя на сына с прищуром, – не опозорь. Лови, как мужик.

Марк, не привыкший к рыбалке с детства, неловко закинул удочку, и поплавок плюхнулся в воду, как камень. Миша засмеялся так, что чуть не свалился со стула.

– Ох, Жора, твой сын – рыбак, как я балерина! – выдавил он, вытирая слёзы. – Это ж надо, так лупануть, будто рыбу глушить собрался!

Рома подхватил:

– Да ладно, дай ему шанс. Может, он щуку за ноты поймает.

Марк хотел огрызнуться, но вместо этого только усмехнулся, чувствуя, как их подколки, хоть и колючие, как ёжики, всё же греют. Он сидел, глядя на поплавок, который лениво покачивался на воде, и думал о том, как странно быть здесь, с отцом и его друзьями, которые, кажется, до сих пор жили в своём мире, где всё решалось кулаками и словом.

Вдруг поплавок Жоры дёрнулся, и он вскочил, забыв про трость.

– Вот она, зараза! – заорал он, дёргая удочку так, что леска натянулась, как струна. – Марк, не сиди, как пень, тащи лодку!

Лодка, старая, резиновая, лежала у берега, и Марк, поддавшись суете, бросился к ней, не совсем понимая, что делает. Миша и Рома орал что-то про «держи её», а Жора уже лез в лодку, которая опасно качалась под его весом. Марк прыгнул следом, и они оттолкнулись от берега, но лодка, прогнившая от времени, начала подтекать. Вода хлынула внутрь, холодная, как лёд, и Марк почувствовал, как ботинки промокают.

– Пап, она тонет! – крикнул он, но отец только отмахнулся.

– Не трынди, гребём! – рявкнул он, дёргая удочку. – Щука, килограмм на пять, не меньше!

Миша и Рома на берегу хохотали, как будто смотрели комедию. Лодка накренилась, и Марк, пытаясь удержать равновесие, схватился за борт, но Жора, в азарте, дёрнулся, и они оба полетели в воду. Река была мелкой, но ледяной, и Марк, вынырнув, отплевался, чувствуя, как ил липнет к лицу. Жора, мокрый, как кот, всё ещё держал удочку, но леска была пустой – щука ушла.

– Ну ты и рыбак, сынок! – проревел он, но в его голосе был смех, хриплый, но живой. – Чуть меня не утопил, а рыбу спугнул!

Марк, дрожа от холода, выбрался на берег, где Миша и Рома уже чуть не катались по траве от хохота.

– Ох, Жора, – выдавил Миша, – ты его в лодку взял, как в банду! А он тебе такую подставу устроил!

– Да ладно, – добавил Рома, – зато теперь знаем, что Марк не только ноты роняет, но и лодки топит!

Марк, мокрый, с прилипшими к лицу волосами, не выдержал и за-

смеялся, чувствуя, как холод отступает под этим странным теплом их подколок. Жора, выбравшись на берег, хлопнул его по плечу так, что Марк чуть не упал снова.

– Ничего, сын, – сказал он, кашляя, но с ухмылкой. – Все просто, значит, рыба – не твоё. Но держался молодцом.

Они развели костёр, чтобы высушиться, и сидели у огня, передавая термос с чаем. Маркпил, чувствуя, как тепло разливается по телу, и смотрел на отца, на его друзей, на их лица, покрытые морщинами, но живые, как будто время не смогло их до конца сломать. Вспомнил день, но другой, когда он стал фриком... Как будто из прошлой жизни день... А настоящее – вот оно. «Просто рыба – не мое...»

Глава пятнадцатая

Солнце уже клонилось к горизонту, окрашивая небо в багровые и золотые полосы, когда «Нива» Жоры, скрипя и подпрыгивая на ухабах, въехала в городок. Марк, всё ещё в мокрой одежде, дрожал, несмотря на тепло костра, который они разводили у реки. Жора, за рулём, кашлял, но его лицо, освещённое закатным светом, было почти довольным, как будто эта нелепая рыбалка, где они чуть не утонули, была лучшим, что с ним случилось за последнее время. Миша и Рома на заднем сиденье продолжали подтрунивать, вспоминая, как Марк плюхнулся в реку, и их хриплый смех смешивался с запахом табака и самогона, пропитавшим салон.

– Ну, сын, – сказал Жора, бросив взгляд на Марка, – хоть рыбу не поймал, но хоть посмеялись. А то у себя там небось только грустные ноты играешь.

Марк хотел ответить, но только усмехнулся, чувствуя, как усталость и тепло от костра смешиваются в странное чувство уюта, которого он не испытывал давно. Машина свернула на их улицу, и он уже представлял, как зайдёт в дом, скинет мокрые ботинки...

Но едва они подъехали к дому, их встретил гомон голосов. У забора толпились соседи – тётя Валя, всё ещё в том же халате, но теперь с красными от слёз глазами, её муж, дядя Коля, с лицом, белым, как мел, и ещё несколько человек, которых Марк смутно помнил из детства. Их голоса были громкими, взволнованными, и в этом шуме было что-то неправильное, как нота, сыгранная не в том аккорде. Жора заглушил мотор, нахмурился и вылез из машины, опираясь на трость. Марк почувствовал, как внутри всё сжалось, как будто кто-то завязал узел в груди.

– Чего орёте? – рявкнул Жора, его голос, хриплый от кашля, всё ещё был таким, что заставлял всех замолчать. – Что случилось?

Тётя Валя шагнула вперёд, её руки дрожали, и она почти кричала:

– Жора, Артур... Артур под фуру угодил! Прицеп сорвался, придавил его! В больницу увезли, но... но не знаю, жив ли!

Слова упали, как камни, и Марк почувствовал, как земля уходит из-

под ног. Он замер, всё ещё держась за дверцу машины, и её холодный металл был единственным, что казалось реальным. Мысли рассыпались, как песок. Он видел перед глазами Артура, чёрного от масла, с ключом в руке, его взгляд, полный обиды, но и чего-то большего, чего Марк так и не успел понять.

Жора стоял, как будто окаменев, его трость дрожала в руке, но лицо оставалось неподвижным, только глаза сузились, как у зверя перед прыжком. Он повернулся к тётке Вале, и его голос, низкий, почти рычащий, резанул тишину:

– Где он? В какой больнице? Говори, не тяни!

– В районной, – выдохнул дядя Коля, его голос был слабым, как будто он сам боялся слов, которые произносил. – Скорая забрала, минут пять назад. Мы... мы не знаем, что там, Жора.

Жора сжал трость так, что костяшки побелели, и Марк увидел, как его лицо, обычно твёрдое, как гранит, дрогнуло – едва заметно, но дрогнуло. Он повернулся к Мише и Роме, которые стояли позади.

– Едем в больницу, – сказал Жора. – Рома, за руль. Я сейчас не в деле.

Рома кивнул, молча сел за руль, а Миша, бросив окурок на землю, открыл дверцу для Жоры. Марк стоял, всё ещё не двигаясь, чувствуя, как шок и страх перед неизвестным накатывают, как волна. Он видел, как соседи перешёптываются, как тётка Валя вытирает слёзы, и всё это было как в замедленной съёмке, как будто мир остановился, а он остался в нём один. Артур. Фура. Придавил.

Жора повернулся к нему, и его взгляд, обычно колючий, был теперь тяжёлым, как будто он видел в Марке не сына, а кого-то, кто должен взять себя в руки.

– Чего встал? – рявкнул он.

Марк кивнул, механически, и полез в «Ниву», его движения были деревянными, как у марионетки. Он сел на заднее сиденье, рядом с Мишей, который молчал, но его рука, лежащая на колене, дрожала, выдавая, что он тоже боится. Машина тронулась, и Марк смотрел в окно, но не видел ничего – ни домов, ни улиц, ни закатного неба. Он видел только Артура, его лицо, его слова о семье, о Рексе, о том, что они в ответе за своих. И теперь эта ответственность вдруг упал на Марка, и он чувствовал, как всё снова падает в пропасть – его надежды, его попытки вернуться, его жизнь.

Жора, сидя впереди, кашлял, но не говорил ни слова. Его плечи были напряжены, и Марк знал, что отец боится, но не покажет этого. Марк хотел что-то сказать, спросить, но горло было сухим, как пустыня. Он сжал кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладони, и думал только об одном: «Только бы жив. Только бы жив».

Машина мчалась к больнице, и в этом движении, в этом гуле мотора, было что-то отчаянное, как будто они могли обогнать время, обогнать судьбу. Но Марк знал, что время не остановить, и страх, холодный и липкий, уже поселился в его груди, как непрощенный гость...

ВЫСОТА

Товарищ, довольный собой,
Ведёт разговор, не смолкая.
А в мыслях я рядом с тобой,
Молчу, о тебе вспоминая.

Иду в свете вешнего дня,
Попутчику мало внимаю.
Ты – песня и клятва моя,
Тобой небесам присягаю.

Мне сладок мёд губ ледяных
И сплетни меня не пугают.
Пускай клевета бьёт под дых,
Сегодня я добр – всех прощаю.

Любовь клеветой не убить.
Что может любви быть сильнее?
Болтун в пустоту говорит,
Гордыня молчать не умеет.

Товарищ, довольный собой,
Ведёт разговор, не смолкая.
А в мыслях я рядом с тобой –
Моя высота дорогая!

Порой ест глаза едкий дым,
Короткий не помнится путь.
Дано побеждать молодым,
А годы поспешней бегут.

На скачки мир этот похож,
Но лидеров нам не догнать.
Доволен будь тем, что живёшь,
И поле способен пахать.

Всегда будет нужен нам плуг,
Уютный родительский дом.
Мы видим красоты вокруг,
Пока живы мама с отцом.

Надеемся – долго им жить,
Пока не столкнёмся с бедой.
И Бог нам помочь не спешит,
В которого верим порой.

И вроде душа отболит,
Но в праздники радости нет.
Иди хоть куда – путь открыт,
Да только не виден просвет.

Кто враг, а кто друг, не поймёшь
Во время сплошных перемен.
Но коли не с краю живёшь,
Пожары не трогают стен...

Кто к правде стремится – изгой.
Коль кто-то тебя полюбил,
То желчью исходит другой
И тратит на подлости пыл.

Но чаще нас могут сломать –
Кто искренне нами любим,
Им легче огонь разжигать
Из щепок, что вместе храним.

Я выбиться вверх не мечтал,
Считая, что проку в том нет.
И мой урожай очень мал
На ниве мной прожитых лет.

Прошёл я три слоя огня,
Но всё же Аллах сохранил.
Нет большей беды для меня,
Чем та, что отец пережил.

Нас время обманом поит,
Всё больше обмана и зла.

Но жизни полено горит,
Ещё не сгорело дотла.

Кто – впереди, кто – позади,
Куда-то скачем без оглядки...
Обман нам душу бередит,
Надежда же играет в прятки.

Какой-нибудь ловкач и вор
Тебя попать сегодня может.
Рассвет с закатом с неких пор
На полдень сделались похожи.

Мы все усвоили закон –
В почёте тот, кто первым мчится,
И только пыль встаёт столбом,
Над ней «Медведица» искрится.

Кто правду говорит, кто – ложь,
Но правдорубы не в почёте,
Ты дружбу с ними сам прервёшь,
Знать истину не всем охота.

Зерно томится без полей,
Оно лишь в почве прорастает.
И поиск счастья для людей
Порой всю жизнь их занимает.

Вопрос о счастье непростой,
Не всех один ответ устроит,
Что счастье – дом, семья, покой...
Ведь счастье часто – враг покоя.

Нам время не остановить,
А сердцу хочется делиться,
Но счастье трудно разделить,
Оно единым быть стремится.

Оно живёт само собой,
Порой своей пугаясь тени,

Но истинной его ценой
Мы счастье в трудностях оценим.

Всему на свете есть предел,
Но нет предела счастью в мире,
Никто измерить не сумел
Его границ, что мыслей шире.

Когда судьба одарит им,
Блаженствуешь и днём, и ночью,
Но ты становишься слепым,
Я это, братья, знаю точно.

Бессильным счастья не дано,
Им сложно уживаться вместе.
На крыльях двух парит оно –
На слепоте и на блаженстве.

Около дворцов богатых
Полноводнее река.
Мы делить их горе рады,
Как своё, наверняка.

Кто поговорить охотник,
Флаг нести не поспешит.
Тот, кто всё легко находит,
Заполошно не бежит.

Кто увечья выставляет,
Будто знамя, напоказ,
В час суровый исчезает
Или прячется за нас.

Пользу плут всегда находит
В бедствиях простых людей,
Он словами хороводит,
Как затейник-лицедей.

Много стало тех, кто учит,
Дело бреднями поправ.
С ними согласиться лучше,
Спорщиком с глухим не став.

Думая, что всех важнее,
Будут грязь ушатом лить,
Поучая ротозеев,
Как им Родину любить...

Но народ недолго будет
Их пустым речам внимать.
Лжепророкам, знают люди,
Слово правды не сказать.

Слушая кого попало,
Мы не слышим разум свой.
Но глупцов вокруг немало,
Называемых толпой.

Мы без сна прожить не можем,
Хуже, если совесть спит,
И ничто нас не тревожит,
Кроме собственных обид.

Нам богатство, как увечье,
Есть достаток – нет друзей...
Ведь дороже человечность
Золота планеты всей!

Любо хор церковный слушать,
Любоваться на кресты...
Но стирает равнодушие
С лиц все лучшие черты.

Кто служит красоте одной
И ей лишь только присягает,
С любовью встретится большой,
Мы видели, что так бывает.

Кто любит раз и навсегда,
Любимой грезит, где б он ни был,
И для него она одна,
Как солнце и луна на небе.

Но, если гладко всё в любви,
То сплетни непременно будут...

Тут и гадалку не зови,
У нас не любят тех, кто любит.

Любовь превыше чувств других –
Так всем нам кажется в начале.
Мы в юности от глаз чужих
Её старательно скрывали.

Но и печаль любовь несёт,
Нам душу грустью осыпая.
Когда её пора пройдёт,
Уходит, нас не извещая.

Туманы застыт небосвод
И кажется, печаль такая,
Что продохнуть нам не даёт,
Все беды прочие скрывая.

А там, где властвует печаль,
Мечтам не остаётся места,
Мы в хмурых тучах видим даль,
И нас пугает неизвестность.

Далёкое к нам не спешит,
И то, что близко, запоздало.
И, чтобы дальше как-то жить,
Покоя ищем покрывало...

От горьких мыслей не сбежать,
Не удалось ещё такое.
Но можно крик души понять
Лишь в состоянии покоя.

Любовь же может вновь прийти,
Сама собой, когда захочет,
Ломая логики мосты,
До дрожи сердце зашекочет.

И хочешь иль не хочешь ты,
Как тень, пойдёшь за нею следом.
Она живёт без суеты,
Озарена нездешним светом.

Когда любовь нас покидает,
Как будто заново живёшь,
Пусть грусть на сердце камнем давит,
Вперёд размашисто идёшь.

Не нужно груз излишний вьючить,
Чтоб ублажать любовь свою,
Язык слащавой речью мучить,
Кто разлюбили не поют.

Того, кто в трудный день был рядом,
В упор не видим в лёгкий день.
А кто одарит льстивым взглядом,
У сердца ставим, словно тень.

Мстят те нам без забот, открыто,
Кому интриги сходят с рук.
Петель немало ложью свиты
Для торжества житейских мук...

Быть может, правда где-то рядом,
Но лгать в глаза не устаём.
Когда признаться в чём-то надо,
Мы слова правде не даём.

И даже в шутках лжём нередко,
Нам безысходность шепчет ложь.
Как птицу, правду держим в клетке,
Так век спокойней проживёшь.

К лжецам, признаюсь, нет почтения,
Но остальное есть у них.
Им наплевать на чьи-то мненья
И на тщету идей пустых.

Мы близким чаще лжём и легче,
Кто жертвует для нас собой,
Нам кажется, что мы их лечим,
Не доставляя правдой боль.

Так и идём по жизни в гору,
Себя дурача и родных.

А кто сойдёт со склона скоро,
Уже не видит гор крутых.

Обман ведёт тропую торной,
Спасая от беды, ведёт.
Надежде может стать опорой,
Он словно видит наперёд.

Но кто без лжи прошёл сквозь беды,
Бессмертен в памяти людской!
Обман же, и в шелка одетый,
Останется самым собой.

Встретит, с коня не слезая,
Наше рожденье судьба.
Если живёшь, прозябая,
Будет пустою сума.

Только упорных уважит,
Не предающих её.
Этим судьба не однажды
Нам наставленья даёт.

Тот, кто в молчанку играет,
Первым нарушит покой.
Кто храбрецом не бывает,
Если опился бузой?!

Юность свою вспоминаем –
Всё мы когда-то могли...
Ныне эпоха иная,
Лучшие годы прошли.

Под подолами традиций
Видим покинутый рай,
Он и ночами нам снится,
Лишь сновиденья листай.

Если становится плохо,
В этом судьбу мы клянём.
Нам бы согласия немного,
Мы ж уравниловки ждём...

Многих из нас обижают,
Что не завидуют нам.
В сердце ржавеют скрижали.
Хмуримся по пустякам.

Время дано на раздумье,
Мы же изводим его,
Всех уличая в безумье,
Кроме себя самого.

Если во что-то поверим,
Вновь благодарны судьбе –
Нам отворили все двери...
Долг свой прощаем себе.

Только сейчас у народа
Совесть и честь не в цене.
Ну и зачем нам свобода?
Хватит и крошек вполне...

Сад, что обрезки не знает,
Будет дичать каждый год.
Вроде бы он расцветает,
Только плодов не даёт.

Наши мягкость и доброта
Не подмога порой для нас.
Но котомка у всех пуста,
Если жизни огонь погас.

Все чего-то хотят кругом,
А чего, знать бы каждый рад!
Как грядущеепустишь в дом,
Коль с опаской глядишь назад?

Наша правда – не для чужих,
Кто-то басней её сочтёт...
Много прежних идей святых
Превращались врагами в лёд.

О, народ добродушный мой,
Никому не принёс ты боль!

Если враг угрожал войной,
Лишь тогда ты вставал на бой.

Для тебя выше нет вершин,
Чем душевность и доброта.
Но, когда мой народ не един,
Будет рядом ходить беда.

Человеческие мечты
И сердечности горний свет
Скрыли пологом темноты
Дирижёры жестоких лет.

То от крови поля красны,
То тюльпаны на них цветут,
И сменяют друг друга дни,
Как охранники на посту.

И сменяет добро беду,
Словно дождь после снежных выюг.
Вперемешку порой идут
Чувство радости и испуг.

Без тревоги желаем жить,
Но встаём смело в рать бойцов,
Чтобы Родину защитить
По заветам своих отцов.

Пусть немного осталось нас,
Кто прошёл сквозь горнило мук,
Мы не дрогнем в опасный час,
Не опустим безвольно рук.

Даже если враги сильны
И не сломлены до сих пор,
Духом предков крепки сыны,
Как вершины Кавказских гор.

Один народом быть не может,
Как ты его не возвышай...
И золото бессильно тоже,
Коль неподкупная душа.

Народ богат людьми своими,
Что заступили путь врагам,
Навеки обессмертив имя,
Чтоб жить не под пятою нам.

Нет у Отечества окраин,
Свята его любая пядь.
Предатель – для народа Каин,
Его никак не оправдать.

По всей стране – могилы горцев,
Кто в ссылке умер, кто – в бою.
Для них померкли наши горы,
Свет очагов в родном краю.

Всё было – радости и беды,
Застолья и свинцовый шквал...
Но мой народ мечты не предал
И никого не проклинал.

Кто за Отчизну нашу пали
И в испытаньях полегли,
Как знамя для народа стали
И гордостью родной земли.

Всегда сердца их гордо бились,
Они все – близкие мои.
В потомках судьбы их продлились,
К свершеньям новым повели.

Пусть их останки стали прахом
В горах и по России всей,
Земля, что нам дана Аллахом,
От этого ещё родней.

Любую часть земли российской
Мы в сердце бережно храним,
Она заботой материнской
Отплатит сыновьям своим.

И если вдруг беда сгустится
Вновь над Балкарией моей,

Россия сможет заступиться,
Своё плечо подставить ей.

С Россией неразрывно слиты,
Мы вместе путь земной торим.
Когда с большой судьбой един ты,
И сам становишься большим.

Под этим вечным небосводом
Не дремлем мы, и враг не спит...
Народ останется народом,
Пока отвага в нём горит.

Грусть-печаль огнём палит,
Сжечь долга стремится.
Сердце ритм сбить норовит
И остановиться.

Ветер веет, снег метёт,
Землю укрывая.
Скоро превратится в лёд
Вся тропа кривая.

Смотрит между туч луна,
Как в глухой колодець,
Мне подмогою она
И конь иноходець.

Но тропу я сам торю –
Конь с пути собьётся...
Даст Всевышний – не сгорю,
Жизнь мне улыбнётся!

А когда нет больше сил
В замяти безбрежной,
Образ твой, что сердцу мил,
Придаёт надежды.

Вспомню о тебе, беда
Сразу отдалится.
Душу я тебе отдам,
Если пригодится.

Я живучий, я пройду
Через все преграды.
Я у жизни на виду,
Хоть нередко клятый.

Знай об этом, не треножь
Все мои порывы.
Не ищи в признаньях ложь
Для обид фальшивых!

Я признать вину готов,
Так не будь строптивой,
Не давай средь сытых псов
Волку выть тоскливо.

Усмири надменный смех.
Время – примириться.
Тейри* ведь прощает всех,
Кто ума лишится.

Я себя и сам корю –
Так глупцу и надо!
Но, когда я весь горю,
Растоплю преграды!

Жизнь – солёное море без края.
Случай бросил барахтаться в нём.
Мы плывём, на судьбу уповая,
И спасенья счастливого ждём.

Круг спасательный вряд ли кто кинет.
На плаву всё же держим тела.
Коль утонет кто – море поднимет,
Лишь бы шея без камня была...

Перевод с балкарского Валерия Латынина

*Тейри – верховное божество в мифологии балкарцев.

МАРЬЯНИНЫ РАССВЕТЫ

Рассказ

Неужели проспала? Марьяна вскочила на ноги и быстро натянула старенькое платьице. Утренней, а потом и всякой другой работы ей хватает с избытком, надо поторопиться. Первое, сполоснув лицо холодной водой, подоить двух коров и выгнать их в стадо, потом просепарировать молоко и разлить сливки в подготовленные с вечера банки, молоко створожить и сделать сыр, сыворотку слить в посудину и потом добавлять в тесто и другие блюда. Сметану и сыр потом свекровь отвезет на рынок в город, куда езды от их пригородного селенья на маршрутке от силы минут двадцать пять. Дальше надо выпустить домашнюю птицу и задать ей корм.

Потом, заглянув в комнату и проведав детей, приготовить завтрак, накормить всех, убрать за свекрами, мужем, детьми, которых она предварительно умыла и одела, убрать и застелить за домочадцами кровати, подмести и протереть полы. Правда, муж, который вернулся, как обычно, на рассвете, потом добирает сон, ему не нужно идти на работу. Окончив спортфак, он какое-то время отработал в школе, пока шестиклассник, за которым нерадивый учитель не уследил, получил тяжелую травму, хорошо, жив остался, и родители ребенка по соседству не подали на него в суд, обошлось увольнением по собственному. Теперь перебивается разовыми заработками в шаражной строительной бригаде – кому ремонт сварганить, кому сарайчик поставить, но расплодилось столько конкурентов, которые и лучше работают, и меньше берут, что завтра – полная неизвестность.

Свекровь до обеда будет торговать и зайвится, картинно хватаясь за поясницу и жалуясь на то, что в своем солидном возрасте не может позволить себе отдохнуть от трудов праведных, кто же тогда будет столько ртов кормить. Но до обеда Марьяна хоть отдохнет от ее ядовитого языка и вечного брюзжания. Со свекром полегче, он не только кормит скот, когда заканчивается пастбищный сезон, но иногда с ним можно оставлять детей, пока Марьяна после обеда занимается огородом.

Потом надо готовить обед, а еще с утра золовка, у которой дети больше болеют, чем ходят в детский сад, забрасывает к ним своих мальчишек, они всюду пачкают, вечно хотят есть и постоянно обижают ее маленького сына. До вечера, когда за ними придет мать, визг и беготня

не смолкают ни на минуту. Кроме того, почти каждый день у Марьяны стирка, глажка, какое счастье, что есть стиральная машина-автомат, часть ее приданого вместе с мебелью для спальни. Но свекровь периодически со вздохом повторяет, что соседские невестки не в пример больше привезли разного добра в свой новый дом. Видно, не заслужил ее Арсен хорошую жену. Иным везет: приходит невестка в дом к добру, счастью, с ней приходят здоровье, семейный лад и благополучие, а с ее невесткой у сына перво-наперво полетела работа, ни с того ни с чего скончалась здоровая до того сестра мужа...

С сестрой свекра было связано нехорошее дело. Далеко за полночь позвонили и сообщили о ее кончине, бросились искать Арсена, единственного обладателя водительских прав в семье, якобы задержавшегося у друзей за игрой в карты. Но его не было нигде, и, сжалившись, ведь по обычаям надо срочно выезжать, один из приятелей посоветовал поискать сына у Зины, но ни в коем случае не выдавать его. Там он и оказался. Зина была местная аптекарша, приехавшая на год из большого города заработать сельский стаж, но задержавшаяся в силу собственного любвеобилия, по очереди ее богатая плоть увлекала местных джигитов, включая периодами Арсена.

Тогда их сыну было полгода. Арсен пытался отшутиться, что-то придумывать, но Марьяна плакала на похоронах так горько, что ее сочли не в меру сердобольной. Но когда и дома она продолжила рев, он в первый раз влепил ей жесткую пощечину. После этого Арсен почти не скрывал своих походов, да и руки стал распускать, чуть что ему не по нраву. Свекры все видели, все замечали, но мужская жизнь позволяет много чего, у других так же.

Решение уйти от мужа все чаще стало посещать Марьяну, и в один прекрасный день, дождавшись, пока все уйдут из дома, она забрала годовалого сынишку и уехала к родителям, которые тоже жили в другом пригороде, куда можно было добраться с пересадкой в городе. Отец, своенравный человек с непростым характером, встретил ее не очень приветливо. Он – человек в своем роду и родном селе известный и уважаемый, с ним соседи советуются по разным случаям, а тут и старшая дочь не ужилась с мужем и вернулась с ребенком домой, и младшая туда же. В их четырехкомнатном типовом доме сестра с ребенком заняли одну комнату, во второй спят старшие, еще в одной – сын со снохой, четвертая превращена в детскую и игровую.

Куда младшую теперь принимать? Ведь в любом приличном черкесском доме должна быть гостиная, где собрано все лучшее, а у них ее нет, семья разрослась, некуда завести гостей, стыд и срам. В застекленном буфете теперь рядами не выставлена хрустальная батарея из рюмок и бокалов, импортный обеденный сервиз, который блестит гранями и должен занимать там же почетную полку, убран в коробку, диван и два

кресла, накрытые узорным ковролином, служат спальными местами, такой же, только плотнее и ворсистее, постелен на пол и потихоньку вытирается к неудовольствию невестки... Правда, в угоду городской моде исчезают потихоньку ковры со стен, когда-то, в эпоху тотального товарного дефицита, – главный признак благосостояния семьи. Зато шторы-занавески не в пример стали наряднее.

А что скажут родственники, соседи, знакомые? Мол, строит из себя мудреца, а собственных дочерей не сумел воспитать. Тем более, Марьяна сама испортила свою судьбу своими же руками: прекрасно училась в школе, мечтала быть врачом, не добрала какой-то балл и отсеклась на конкурсе, да еще в семнадцать лет выскочила замуж за прохиндея, не посоветовавшись ни с кем. Отец очень был зол на соседку Цацу, жившую через забор, именно на свадьбе ее сына познакомились Марьяна и Арсен. Правда, на Цаце была-таки доля вины, потому что она стала соседям, в особенности Марьяне, нахваливать своего родственника: и хорош он, и воспитан, их дом – полная чаша, у его матери свой молочный бизнес, сестра устроена, замужем за хорошим человеком, мешать не станет, а свекор будущий так вовсе мухи не обидит, как в народе говорят, скотину не потревожит. К слову, это вообще типовая черкесская история. Узнав о предстоящей свадьбе, все вокруг начинают нахваливать родню и семью потенциального жениха.

Сидел в тюрьме? Вступился за честь девушки, герой. Две жены от него сбежали? Как на зло, попались такие мегеры, что волосы дыбом. Наркоманил, не работал, избивал своих жен и детей? Врут все, это наговоры. Подобное до сих пор считается хорошим тоном. Что же касается самой семьи жениха, самое главное правило – не быть, а казаться, притвориться распрекрасными и продержаться в идиллии до рождения ребенка, а дальше – как-нибудь...

Пару раз Марьяна встретила с Арсеном в городе, опасаясь односельчан девушки, раз они пошли в кинотеатр, во второй сходили в парк погулять, а в третий раз он попросту умыкнул ее, с друзьями увез по народной традиции. Так Марьяна осталась без образования и профессии, полностью подпав под недобрую волю этой странной семьи.

Хотя ее не прогнали из родительского дома, Марьяне не удалось найти желанного покоя. Все больше хмурилась невестка, с болью Марьяна видела, как к зашедшему во двор после работы брату бросались его дети, висли на нем, и как ее мальчик тоже топал вслед за ними, а тот рассеянно гладил его по голове и уходил в свою комнату. Через две недели за ней приехала свекровь, видно, самой пришлось и коров доить, и для двух капризных мужиков еду готовить, и рано вставать, и дочери теперь негде было детей держать. С притворной патокой она обняла и родителей, и Марьяну, других членов семьи, при виде внука расплакалась: с тех пор, пока она не видела ребенка, истосковалась по нему, скучают они с дедом

так, что и передать невозможно... Поедем, дочка, домой, я серьезно поговорила с сыном и тот дал слово не огорчать впредь ни жену, ни мать. И Марьяна с ребенком вернулись.

Она ожидала, что муж, если и не обрадуется открыто, все равно покажет хоть как-нибудь, что это время скучал по сыну, по ней. Но никаких эмоций при матери он не показал, а когда остался с ней наедине, уставив немигающий взгляд на жену, со всевозможной злобой стал ей выговаривать:

– Ты что себе надумала, тварина? Я этого не потерплю. Ишь ты: захотела – ушла, захотела – пришла. Я тебя звал обратно? Если бы не сын, который не должен расти в чужой дурной семье, не пустил бы тебя обратно. В следующий раз перебею тебе твои костыли! И не смотри на меня своими коровьими зенками!

Дальше – та же жизнь, не разгибаясь, быть рабыней, обслуживать всех, до обеда в доме, после – сад, огород, и так до поздней ночи, выслушивая вечную брань свекрови, терпя открытые похождения мужа, впрочем, это ее уже не волновало, главное – хоть чуть-чуть выспаться. А тут – новая напасть, забеременела незнамо как, почти во сне. Что делать, убивать неродившегося ребенка? Пришлось открыться свекрови, которая, как ни странно, обрадовалась, видно, посчитала, что такую служанку на привязи двоих детей вряд ли найдет, памятуя о том, как захирел без невестки дом, однако не преминула добавить, что к тем, кто кормится за ее счет, прибавляется еще один рот, а это значит, что ей еще больше надо вкалывать, у сына все по-прежнему, нет ни работы, ни перспектив.

За месяц до родов Марьяна плохо себя почувствовала, она не спала всю ночь, вздремнув на рассвете, чуть не проспала утреннюю дойку. Ей трудно было сидеть на низеньком стуле под коровой, живот мешал наклоняться, сильно болела спина. Соседи, видя такое издевательство, между собой осуждали эту бессердечную, но никто посмел заступиться за Марьяну, и так свекровь почти со всеми в постоянной вражде, ее язык так отточен в базарных баталиях, что равных в этом деле не сыскать. После рождения дочки никто и не думал снять с Марьяны какой-нибудь груз. Ночью ребенок не спал вовсе, и бедная женщина днем от недосыпа шаталась, как на сильном ветру. Один раз свекру вместо сахара положила в чай соль, тот долго отплеывался после и заметил, что невестка совсем стала дурковатой.

Если раньше хотя бы он старался держать нейтралитет, врожденный природный эгоизм подсказал, что нужно присоединиться к большинству, поэтому стадное чувство, когда травят самого слабого, самого беззащитного – вполне обычная ситуация. Когда девочке было где-то полгода, Марьяна увидела себя в зеркале, и, хотя и раньше могла мимоходом увидеть свое отражение, на сей раз ужаснулась самой себе: сожженное на прополке лицо с распухшим носом, красные глаза слезятся хронически,

ноги и впрямь похожи на костыли, худоба такая, что непонятно, в чем душа держится, там, где женщине полагаются по природе выпуклости, у Марьяны сплошь впадины. А ведь она кормящая мать, у нее на руках двое детей, которые никому, кроме нее самой, не нужны. Случись что с ней, понятно, что с ними будет.

Так называемый муж теперь ее попросту не замечал. Когда недавно она подавала ему обед, он с брезгливостью взглянул на ее раздавленные работой и будто покаянные наждаком руки с навечно въевшейся грязью под обломанными ногтями, и отвернулся. В доме у нее всего лишь одна роль – безответной угнетенной служанки, которую никто за человека не считает. Мало того, на нее стал покрикивать собственный сын, которому только исполнилось три года. А ведь ей всего двадцать два года. Теперь у нее постоянно болит желудок, от проблем с гормональными нарушениями дрожат руки, к горлу периодически подступает ком, и она все время пытается его сглотнуть, отчего становится похожа на индюшку, которая давится сухим кормом. Поздней осенью Марьяна чистила огород перед зимними холодами. Сын был с ней, бегал по опустевшим грядкам, малышка, завязанная крепко в деревянную люльку, в доме, спит в комнате с открытой дверью, чтобы в случае чего свекор услышал плач и позвал мать. Вдруг она услышала, как женский голос тихо позвал ее. Соседка через невысокий забор жестом манила ее, прижав палец к губам. Когда Марьяна подошла поближе, женщина полусшепотом сказала:

– Милая моя! Смотрю на тебя и сердце разрывается. Я же помню, какой ты пришла в этот дом и что они сотворили с тобой. Неужели нет никого, кто заступится за тебя? Где твои близкие и родные, наконец, мать и отец?

Как скажешь о том, что был уже неудачный опыт возвращения в родной дом. Правда, сестра уже помирилась с мужем и вернулась к нему, а брат собирается с семьей на заработки в большой город с семьей, но родители не захотят принимать ее.

– У них своих забот не сосчитать, да и не хочется наказывать невестку, у меня ни образования, ни работы. Даже денег нет на билеты домой.

– Это все поправимо. Видишь эту норку в заборе? Я положу сюда деньги тебе на дорогу. Теперь уходи, а то не избежать скандала ни мне, ни тебе.

Марьяна зашла домой и первое, о чем спросила свекровь, что это сплетница-соседка трепалась, не иначе, перебивала ей кости, потому что, голь перекатная, всю жизнь завидует ей. Дальше пошел список соседкиных настоящих и мнимых прегрешений. На вечерней дойке Марьяна улучила момент, побежала в сумерках к заветному камню, быстро нащупала бумажную купюру, теперь надо ее спрятать, а то найдут и обвинят ее в воровстве, ведь своих денег нет, даже дешевое базарное

белье и то покупает ей свекровь, когда старое настолько ветшает, что стыдно его вывешивать для просушки. Нет, ничего у нее не получится, никто ее не ждет, чужой кусок в горло не полезет. Известный закон: дочь – отрезанный ломоть в черкесской семье, если она вековуха, родители ее стыдятся, а если вышла замуж – все, умри там. До сих пор можно услышать от вроде бы разумной грамотной женщины, что мы, мол, с мужем сказали нашей дочери, которая только вошла в другую семью: ты сама выбрала суженого-ряженого, добровольно вышла замуж, запомни: возврата нет (*къэгъазэ уи!экъым*)! А слушатели от восторга цокают языком – вот это воспитание, вот это настоящие родители.

Дочери не полагается ничего, кроме недорогой спальни в качестве приданого, двух подушек и одеял, плюс оконные шторы, кто какие может. Все, что нажили родители – сыну, ведь именно на нем лежит миссия ухода за престарелыми родителями, хотя ушлые невестки эту задачу стали успешно делегировать под разными предложениями дочерям. Но только не в семье Арсена. Много раз Марьяна слышала от свекрови, что ни на кого они с дедом не рассчитывают, пока на ногах, а если будет ей невмочь по старости или болезни, пусть невестка вспомнит все добро, которое она видела и поступает по совести, дочь, сама видишь, квеляя и болезненная, хотя золовка с каждым годом раздавалась все шире и могла за обедом уговорить баранью ляжку, густо сдобренную чесночной подливой. Впрочем, кто считался с желаниями Марьяны?

Ночью Марьяна не могла заснуть, все крутилась, искала удобную позу. Нет и нет, побег не получится, напрасно она одолжилась у соседки, догонит муж и прибьет, как обещал. Чуть ее сморило перед рассветом, тогда-то она вскочила, и, кое-как одевшись, побежала во двор. Чудо открылось перед ней: пушистый снег за ночь накрыл все чистойшей, кипенно белой шубой и шел теперь огромными пушистыми хлопьями, снег хрустел под ногами мелодичным скрипом, отдающимся в ушах. И тут что-то произошло в Марьяниной душе, что-то шелкнуло внутри, будто природа пыталась ей что-то подсказать, посоветовать, будто создатель дал ей сигнал: мир прекрасен, а ты живешь, как крот, не видящий солнца, и все твои дни похожи один на другой, нет в них и толики надежды, и что, о ужас, и ее девочку ждет такая же жизнь. Более того, выросшие дети привыкнут в грош ее не ставить.

Так, надо торопиться, дом проснется только через час, а ближайшая по времени маршрутка придет через десять – пятнадцать минут. Марьяна будит сына и одевает хныкающего малыша, заворачивает в теплый пуховый платок маленькую, сама, как была, в грубых шерстяных носках-самовязках и резиновых калошах, быстро побросав в сумку кой-какую детскую одежку и натянув старенькое пальтишко, не подоив корову, скользит тенью за ворота и успевает прямо на маршрутку, везущую аульчан на раннюю работу в город.

Она хочет оглянуться на дом, но в шею будто вставлен железный прут, не дающий повернуть голову, как бы ни старалась. Если ее отец не пустит домой, решено: умереть сразу, поручив матери заботу о детях... Вот и ее родной дом, вот отец сгребает снег, чистит дорожку к крыльцу. Марьяна, как во сне, шагает к дому, вот отец ее заметил, теперь она может упасть в мягкий снег так, чтобы не пострадал ребенок у нее на руках.

Очнувшись на кровати, Марьяна слышит голос матери, которая одновременно успокаивает плачущих детей и гневно выговаривает отцу:

– Ты этого хотел? Ты хотел смерти собственной дочери? Ты посмотри, на кого она похожа, краше в могилу кладут. Как бы потом ты этим детям смотрел в глаза?

Мать редко выходила из себя, но тогда и отец тушевался.

– Сколько раз я просила тебя принять хоть какое-то участие в судьбе Марьяны? Но ты же весь из ледяного камня, а сердце у тебя волчье, лучше бы она была ребенком волка, он сумел бы ее защитить, по крайней мере... Потому эта подлая семья так ее довела, что не было у нее опоры и защиты!

– Я не знал, – оправдывался отец, – что Марьяне настолько плохо... за месяцы, что я ее не видел, она сильно изменилась, я хотел, как лучше, думал, детям с родным отцом будет лучше...

Увидев, как зашевелилась дочь, мать влила в нее чашку теплого бульона, сняла с нее пальто и калоши, накрыла теплым одеялом, и Марьяна провалилась в глубокий, тревожный сон.

Прошло восемь месяцев. Сразу после ее ухода приехал муж, видно, как и обещал, чтобы осуществить свои угрозы – джигиты слов на ветер не бросают, как известно. Но отец встретил его с ружьем и поклялся, что в следующий раз застрелит бывшего зятя и сядет в тюрьму с удовольствием. То ли угроза подействовала, то ли скорая женитьба, как же можно без бесплатной прислуги, то ли еще что, больше никого Марьяна из той семьи не видела. Потом опять же от Цацы узнала, что новая жена тоже сбежала от Арсена, а он сам уехал в столицу страны калымить на стройках, как многие парни из республики, как уехал брат с семьей, правда, не на стройку, а в столичный банк, принадлежащий разбогатевшему земляку, дальнему родственнику.

Марьяна уже училась в медицинском колледже, дети ходили в сад, у родителей им всем было тепло и уютно, а отец, казалось, замаливал грехи перед дочерью, пытался покормить получше, одеть понарядней. Марьяна, правда, с каждой неделей становилась краше и здоровее, она вволю спала, ее кожа стала прежней, белой и нежной, стали по-прежнему виться волосы, теперь шелковые и блестящие, спина выпрямилась и шаг стал не шаркающим, а твердым и уверенным, руки – ухоженными с блестящим маникюром, теперь на нее засматривались парни, но Марьяну бросало в дрожь, как только ее посещала мысль о новых знакомствах.

Окончив третий, последний курс колледжа, потом, конечно, будет медицинский факультет, она после сданного на «отлично» госэкзамена в приподнятом настроении зашла в кафе перекусить с подружками. Они весело смеялись, вспоминая разные забавные случаи во время учебы, когда одна из девочек сказала Марьяне, что ее буквально пожирает глазами мужчина за соседним столиком. Обернувшись, Марьяна увидела бывшего мужа. А когда они вышли на улицу, он подошел к ней и попросил встретиться, поговорить. Арсен изменился, на лице появились продольные складки, поседели виски, походка стала тяжелой. Конечно, Марьяна попросила никогда, ты слышишь, никогда ее не беспокоить, что касается детей, они счастливы.

И началось: где бы ни появлялась Марьяна, тут как тут бывший муж. Пытается встретиться с детьми, пытается подойти к ней, взять за руку, но железный штырь, навечно поселившись в шею, начинал свою работу, как только она видела Арсена. И так несколько месяцев. Потом он опять пропал. Оказывается, в первый же день в родных краях нечаянно встретил бывшую в кафе, и запланированная неделя дома превратилась в месяцы. Удивительно, другой давно бы сдался, хорошо, что уехал, слава богу, не будет больше ее донимать, но что-то такое зашевелилось в сердце, что-то вроде разочарования, казалось, что их история не завершилась. В августе Марьяна летела домой, как на крыльях, хотелось скорее обрадовать родителей: она – студентка медфака, будущий врач-кардиолог.

Внезапно ливанул дождь, хорошо, что с собой был зонт. Когда подъехала к дому, дождь закончился, яркое солнце осветило лужи, все под стать настроению. Со своего двора Марьяшу окликнула Цаца, попросила зайти на минутку. Только не сейчас, досадливо подумала она, но воспитание не позволило отказать. Вслед за Цацой вошла в комнату и увидела насквозь промокшего Арсена, который, упав перед ней на колени, невзирая на испуганную Цацу, поспешившую выскочить вон, не по-мужски заплакал:

– Прости меня, прошу, я не просто виноват перед тобой, я последний человек, и очень хорошо это понял. Я многое обдумал с момента нашего расставания, я много чего не понимал, потому что был исключительным идиотом. Прощу тебя об одном-единственном шансе. Я много работал, купил в городе хорошую квартиру, где хочу жить со своей семьей, тобой и детьми...

Неужели это Арсен? Не может быть, люди так не меняются. Еще одна бессонная ночь, еще один рассвет. Марьяна, что тебе подсказывает сердце? Даже отец советует дать Арсену последний шанс, первый его проступок, и тогда конец будет окончательный... Не прошло и трех дней, как в новую квартиру, уже обставленную, заявила свекровь, когда Марьяша вешала занавески, стала причитать, как она рада, пустила слезу:

– Мои дети дорогие, как я счастлива. Видно, пожалел меня Аллах,

дал увидеть вместе моих детей. А какая квартира роскошная, я могу хоть после рынка отдохнуть здесь пару часов, и моя дорогая невестка не пожалеет для меня тарелку супа!

– Мама, – сказал Арсен, – мы тебя очень уважаем, но в этой квартире не будет филиала молочной лавки. И оставаться здесь, и вмешиваться в жизнь моей семьи я никому не позволю. Ты очень виновата перед Марьяной и передо мной, моими детьми, потому что воспитала такого монстра, как я. Мне невозможно представить себе, как можно было творить всю эту гнусность, тебе, мне, всем... Только тогда, когда до дрожи в костях мерзнешь беспризорно на вокзалах, не ешь несколько дней, когда чувствуешь сталь пистолетного дула у виска, многое понимаешь сразу и навсегда. Я тебя не брошу и буду помогать, но не дам оставить отца и переселиться сюда, как ты хочешь. И запомни: тот, кто не уважает мою семью, мою жену, тот в грош не ставит меня. Я все сказал.

– Что ты, сынок! Лишь бы вы были счастливы. Вам некогда, наверное, я пойду, пожалуй.

Марьяне на минуту стало жалко свекровь, но она понимала: только так можно обозначить края, договориться на берегу. Свекровь пообещала и ушла. Марьяна продолжала вешать шторы с мужем вместе, и солнечные зайчики освещали новое семейное гнездо, новые отношения, новую жизнь...

ЗИМНЯЯ НОЧЬ

Быль

О, как эта ночь длинна и бесконечна, как она полна до краев беспредельной тишиной, какое вселенское одиночество разлито по январскому беззвездному небу, чья мгла тяжелым свинцом обволакивает, кажется, все живое и неживое. Правда, Аминат периодически слышит звон металлических ходиков, которые извещают о том, что еще один час приближает рассвет, но зловещее безмолвие целую вечность не нарушается ни птичьими голосами, ни лаем собак, ни шумом деревьев.

Теперь она ощущает с каждой минутой, как больше и больше наливаются весом тяжелые серебряные украшения, непременный атрибут наряда черкесской невесты: высокая шапка, увенчанная острым металлическим наконечником и расшитая золотыми и серебряными галунами, серебряный нагрудник, который сдавливает грудь и сейчас, кажется, тяжелее свинца, платье фаца, подпоясанное национальным поясом дыжбын бгырыпх, которое плотно охватывает узкую талию и тяжелым шелком спадает складками до пола.

Ногам в туфлях на высоких каблуках невыносимо тесно, она стояла в них целый день в углу, как того требует обычай, ведь посмотреть

на невесту гости идут непрерывным потоком, а сидеть перед гостями – значит не оказать им уважения и грубо нарушить черкесский этикет. Как она радовалась, когда отец купил ей перед свадьбой эти туфли, ведь в послевоенных магазинах нет ничего, поэтому Аминат не смутило даже то, что туфли, по правде, маловаты, но ничего, разносятся со временем, подумаешь, кожа-то настоящая, переливается гляncем, по моде того времени мысок закруглен, каблук высокий, толстый.

Сегодня ее третья ночь в браке, а час назад наконец все разошлись, и она смогла прилечь, с наслаждением сняв тяжелую одежду и обувь-колодки, дождавшись, конечно, когда ляжет молодой муж. Свадьба еще впереди, все будет, как положено, – сначала невесту привозят домой к жениху, супруга она днем не должна видеть, он находится у друга, пока не пройдут все брачные церемонии, но имеет право ночевать в супружеской постели. Только-только ее голова коснулась подушки, как кто-то громко постучал в окно и назвал имя мужа.

Не пристало рыцарю спрашивать, кто его зовет, куда и почему, это повадки труса, черкесы еще не так давно стеснялись даже строить каменные дома, хотя камня более чем хватало на берегах горных стремительных рек, чьи берега изобильно давали как булыжники, так и крупные каменные монолиты – ведь за крепкими стенами укрыться может любой, и тогда зачем тебе твое мужество? Поэтому легкий и открытый ветрам черкесский дом возводился тысячелетиями из глины и лозняка, венчанный крышей из соломы, и каждую секунду мужчина должен был быть готовым к защите своего очага, своей семьи.

Поэтому молодой муж мгновенно оделся и вышел туда, во тьму зимней ночи, в неизвестность. А что может такого произойти, война окончилась, за три фронтовых года его даже не поцарапало ни разу, редкое везение. Аминат тут же поднялась вслед за ним и тщательно стала приводить себя в порядок, осветив мрак комнаты тусклым светом керосиновой лампы: расчесала густые смоляные волосы, разделив пробором их на две длинные толстые косы, надела все атрибуты тяжелого свадебного одеяния и, крепко подпоясавшись, втиснула распухшие ноги в такие красивые, но столь же неудобные туфли и принялась ждать мужа.

Может быть, он придет сразу, может, через час, а то и на рассвете, он – мужчина, его жизнь непредсказуема и может поменяться в любой момент. Аминат встала у спинки кровати и, не смея опереться на ее спинку, стала вспоминать историю своей любви, чтобы отвлечься. Сейчас это кажется по крайней мере странным и нелогичным: почему она не осталась дожидаться мужа, лежа в кровати, быть может, ему бы это не понравилось? Но как она встретит его растрепанной, не одетой, да еще, не дай Аллах, уснувшей?

Это надо знать тех черкешенок, для которых быть в неэстетичной позе, расслабиться в угоду комфорту и удобству просто невозможно,

хотя нет рядом никаких свидетелей, и муж не только бы не осудил заснувшую в его ожидании новобрачную, а скорее всего, был бы рад, если бы она отдохнула после очень трудного дня, ведь сам-то он может высыпаться днем сколько угодно. Но аскеза – важная часть жизни черкеса как в женском, так и мужском проявлениях. Если кто-то видел маленькие стульчики на трех ножках, сидя на которых черкесы обедали за таким же шатким столиком *Іэнэ*, пусть не думает, что попросту невозможно было изготовить удобную мягкую мебель, или люди плевали на свой быт.

Тут важно, что за таким обедом не засидишься, при всем желании объесться невозможно, поэтому в любом возрасте у тебя не должно быть лишнего веса, а твой стан должен быть прямым, как стрела, и опираться ты имеешь право только на собственный позвоночник, сидишь ли ты за столом или верхом на коне. Медленно, очень медленно тикают часы на стене, время застыло и остановилось, одежда с каждой минутой становится теснее и тяжелее.

Но еще больше гнетет непонятная тоска, сердце замирает от ожидания неизвестной беды, все существо Аминат замерло в трагическом ожидании. В тысячу первый раз она вспоминает момент их первой встречи там, на реке, куда в летний зной с подругами они пришли просто окунуть ноги в горную реку, берущую начало прямо у подножия Эльбруса, уйдя подальше от людских глаз – ведь заголять ноги, не говоря уже о другом, крайне неприлично. Кто-то из девушек увидел на противоположном берегу незнакомого всадника, который, не ища брода, направил коня прямо в стремнину, и все невольно замерло.

Но вот, слава создателю, всадник ловко выплыл и, подъехав к девушкам, которые к тому времени приняли приличествующий вид, учтиво поздоровавшись, спросил, как найти дом фронтового друга. А вечером Аминат увидела его на джэгу, свадебном торжестве того самого друга, где он танцевал, как молодой бог. О, этот танец, когда в нужную секунду черкес в танце поднимает руки, и, подобно орлу, поднявшись на цыпочки, гордо раскинув руки-крылья и описывая круги, словно собираясь взлететь, хочет отвоевать у неба сантиметры физической высоты и громады духа, как много веков делали его предки, потому что кафа – отголосок древних верований и языческих ритуалов.

И весь он в прыжках, зависаниях, сложных пируэтах, невообразимых технических трюках – воплощение порыва, натянутая тетива тугого лука, за которым – подземные раскаты, уносящие с равнин обыденной жизни, зовущие в прекрасные и неизведанные дали, и все кругом ощущают жар от испепеляющего огня, заключенного в сосуд выработанных многими поколениями поз и движений... Конечно, девичьи сердца были покорены, а юноша смотрел только на Аминат, а когда наступило время удж, предрассветного танца, который разрешает танцевать рука в руке, а к тому времени все приглядывающие устали, кое-кто задремал, кто-то

отправился домой, он признался, что там, на реке, он заметил ее сразу и мечтал увидеть снова, надеялся, что встретит ее на свадьбе друга.

Не прошло и месяца, как состоялось сватовство и была назначена свадьба – на январь, чтобы семьи имели возможность подготовиться к торжеству, собрать гардероб невесты, приготовить приданое, а семья жениха – подарки будущей снохе, оповестить родственников. И везде – ни сучка, ни задоринки, потенциальные родственники согласны с обеих сторон, жених с невестой счастливы до невозможности и иногда видятся, конечно же, в присутствии молодых родственниц Аминат.

Зыбкий рассвет застаёт Аминат в той же позе – рядом с кроватью, она стоит прямо и вслушивается в появившиеся звуки – первые петушинные голоса, раздающийся там и сям собачий лай, блеяние овец и мычание коров. Громко залаяла дворовая собака, которую Аминат еще не видела, но уже любила, как уже любила двор и дом, плетень вокруг, улицу, на которой она дальше будет жить, не говоря уже о домочадцах, потому что все они имели прямое отношение к любимому. В комнату шагнули друзья мужа, с которыми она уже была знакома и положили на пол черную бурку, в которую было завернуто что-то тяжелое. О, Аминат, бедная Аминат... горе заставит тебя сойти с каблуков и надеть навечно вдовый платок. Дальше – темнота...

ЕСЛИ БЫ...

Памяти Хызира Тёнпеева

Ты любил краски, светлые, как на Кавказе, яркие, как на Востоке. Любил их несчетные тона. По утрам ты радовался неожиданной лазурной чистоте неба. Радость рассвета – это особенное чувство, когда тебя будят неназойливые солнечные блики, играющие на траве за окном, а облака тем временем спешат к себе домой, за горы. А вечерами тебе любо было смотреть на закат. Ты всегда удивлялся, почему так красив и грустен закат в своем малиновом цвете. Не мог поверить, что природа может быть такой загадочной. Не мог оторвать глаз, пока не наступит ночь, и завидовал тому художнику, который это сделал...

Весну ты любил. Ее очарование приходило вместе с солнцем, и еще с зеленью того, что желало, начинало жить. Потом весна начинала цвести. Цветы, что растут в горах, не сравнить со степными – они имеют более сочные краски. Чтобы увидеть их в очередной раз, ты приезжал в село к деду и выходил с ним на сенокос.

Когда на курман резали барана, тебя удивлял рубиновый цвет крови. Ты просто не знал, что Господь радуется и добавляет туда в краску своего нура. Потом ты это понял, когда попал на Восток. Через много лет, приехав на похороны близкого человека, ты сказал: «Нельзя плакать, когда человек меняет свой мир, уходит в другой. Стыдно. Ведь Аллах забрал его к себе, как можно?» Тогда мне показалось, что вода в реке притихла. Чьи это были слова – твои озвученные мысли или напоминания небесного Всеобъемлющего Господа?

Поднимался в горы, лазил по скалам, спускался, пил из родника и смотрел в его зеркало... И тебя не покидала мысль о том, что ты когда-то очень давно (потому что воспоминания шли кусочками) уже был здесь, шел по этой дороге, отдыхал, облокотившись на этот валун, и, чтобы ближе услышать ее песню и запеть свою, сидел на берегу этой речки. Казалось, что ты когда-то давно видел, как струится лунный свет с неба на эти горы, и тосковал по ним... Потом ты писал свои картины и каждый раз, когда делал очередной мазок, раньше рук начинали дрожать губы.

Ты знал, чувствовал, что так будет, но никто другой не мог словами выразить эту тоску по родным, по Родине. Понимал – чтобы сказать об

этом, надо прежде найти свой корень, заблудший в ранних жизнях. А как его найдешь, если мир катится не в ту сторону, на которую указывает Господь, а в другую? Одно дело стремиться и совсем другое – успеть.

Судьба не всегда радуется тех, кто в нее верит. Боюсь правды о себе, боюсь справедливого возмездия. Хотим казаться моложе, обаятельней, успешней, и ради этого идем туда, куда не хотели бы, улыбаемся тем, кому не надо бы, забывая, что всякая ложь – это грех. Никто не знает, где та черта, которую нельзя перейти. Эта та жажда, которую не исцелить. «Читай свою книгу, – говорится в священном Писании, – и тогда ты поймешь, грешник ты или нет».

Ты – художник, и хотел написать картину об этом, потому что думал: кто, если не ты?

Ночные мысли, которые уже завтра начинают становиться картиной, каждый раз удивляли тем, что они говорят не об одной жизни, а о ее обязательных повторениях. Когда-то давно, когда был охотником в горах, ты подходил к камню Апсаты и пел охотничьи заклинания. А потом делал из прутьев носилки и спускал на них свою добычу – тура. На обратной дороге ты опять останавливался у камня Апсаты и угощал его, благодарил за удачную охоту. Это был ты! Потому что прекрасно помнил то время.

А иногда ты казался абреком. Почему ты ушел от людей? Или ты был табунщиком, усмирившим необъезженных диких коней? Вот лежишь в пещере, черной от копоти, пропахшей дымом, у огня, разведенного тобой, на соломе. Шуба у тебя волчья, одна часть ее под тобой, другая на тебе. Ты поешь. Песню прерывает вой волка, и ты, схватив горящее полено, выходишь из пещеры... Зачем? Ведь тогда один из вас покинет этот мир и уйдет в другую.

Ак-Кая тянется на краю земли твоей, и ты даже издалека видишь ее. Там живет Эхо – дочь скалы. Она иногда приходит в гости к своим сестрам, которые живут ближе к тебе, в трех желтых скалах. Они мирно беседуют ночами напролет. Они знают язык ветра. Она знает язык дождя. И ты слышишь, как они разговаривают с ними. Вроде и язык знаком, слышишь, но не понимаешь – о чем они?

А в других воспоминаниях ты держишь в руках священный Коран. Это тебе подарили странники, проложившие в этих землях Шелковый путь. Хорошо бы суметь и почитать, тогда Господь, создавший миры, стал бы ближе тебе. Но и без того помогает Он тебе – приходит в сны, иногда и наяву ты слышишь Его голос. Приходят к тебе удивительные зикиры, которые дают силу душе, хотя ты их не понимаешь... Ты уверен, что это голос Единого Господа. Должны пройти еще века, пока твое племя начнет поклоняться Господу твоему, Аллаху.

Но, сколько бы ты ни старался, не получалось нарисовать Его. Как написать картину светлого нурра? Где найти такие краски?

Не можешь сказать, из какой жизни к тебе приходят эти воспоминания. Как узнать? Кто может посчитать время с самого сотворения жизни? Но знаешь одно: если ты даже покинешь этот мир когда-нибудь, обязательно вернешься сюда обратно.

Выходишь на рассвете в путь. Навстречу тебе идет давно прошедшая рубеж молодости женщина в белом. Она седая, да еще босая. Прежде глаз твоих сердце понимает, что она странствует давно. И ты спрашиваешь:

– Тебе тяжело было в прошлых веках?

– Было нелегко, – говорит женщина, не удивляясь твоему вопросу. – Я родила двенадцать детей, из них в живых остались только двое. Я не раздавала, в память о них, милостыню. И подать-то было нечего. Сегодня стараюсь возместить. Поэтому вышла в дорогу так рано, до рассвета. Потому что я Мать. Не может успокоиться израненное сердце.

И тут ты вспоминаешь – ты искал ее.

– Как хорошо, что мы встретились! Мать! – восклицаешь ты и становишься на колени перед ней, чтобы поцеловать ее истощенную, пахнущую подснежниками руку. – Я давно мечтаю написать картину Матери. Остановись ненадолго, отдохни.

– Разве ты сможешь написать столько картин? Нас много...

Она шагает дальше, неся свой печальный взгляд во времени. А ты не можешь отвернуться, стоишь и продолжаешь смотреть на женщину, на Мать, которая бредет по миру. Ты знаешь, что она никогда и никому не принесет несчастья, не сотворит зла. Понимаешь, что она обманута, знает, что счастья давно нет на свете. И тогда ты тоже снимаешь дорогие туфли из крокодиловой кожи и идешь по городу босиком.

Люди, только что проснувшиеся, старающиеся отогнать сон и спешащие на работу или еще куда-то, удивляются, встречаясь с тобой. А ты думаешь: «Чего они так смотрят? Совсем недавно они удивлялись тому, что люди начали носить обувь...» Опять ты сбиваешься, не умеешь считать время! Это было несколько веков назад.

Пишешь портрет Матери. Иногда она улыбается с твоей картины. А иногда плачет. И в слезах, застывших на краях ее глаз, ты видишь мир с его бесконечными дорогами, с голубым небом, высокими скалами и горами. В этих слезах – лица, лица... Там муж этой женщины, погибший, совершая подвиги, защищая Отечество, свой дом; там ее курчавые сыновья, чумазые от плача, плененные жидкобородыми набезчиками; там ее красавицы-дочери, утонувшие в бурных реках, куда они бросились, убегая от преследователей...

Нет сил, не можешь смотреть на эту картину и поворачиваешь ее к стене. И тут же к горлу подступает щемящая тоска одиночества. Ты бросаешься и бежишь туда, где она шла. Нет ее следов на дороге. Они

пропали в пыли. А дорога стала извиваться, смеяться над тобой, над тем, как обманула тебя, удивляясь тому, что ты осмеливаешься, хочешь переписать судьбу.

Сидит в сумерках в своей комнате женщина, которую ты любил всегда. Она тоже считала тебя самым близким и родным. Иначе разве отправила бы к тебе своих детей, обрекая себя на одиночество? Она одна. Нет, не одна. Её дом с ней разделяют картины, что написал ты. Они утешают ее, когда ей совсем плохо. Ты написал ее портрет тоже. Давно, когда Господь даровал тебе вдохновение. Какой ты смешной! Хотел написать портрет Господа в той, другой жизни, и написал портрет любимой, с которой встретишься через века. Написал ее, как в Книге судьбы, на Черном камне!

Там она сидит, плечи ее покрывают такие родные и похожие на ночь волосы. А руки она сложила мостиком и прижала к груди, не отрывая от них взгляда. Знаешь, почему не отрывает взгляд? Потому что по этому мостику бежишь ты, схватившись за голову. Знаешь, что не сможешь уйти, не хочешь этого. Но отчего, от кого ты стараешься убежать?

Эта женщина, любимая тобой, и Мать, что ты встретил на дороге, схожи, думается тебе. Если так, исцелила бы она тебя, прижимая к себе и глядя твою усталую голову, если бы... ты не уехал, не убежал на другой конец света. Если бы ты был здесь.

ТЫСЯЧУ ЛЕТ ВПЕРЕД ТЫ БЫЛ ЗДЕСЬ...

Хотя оно, зеркало, и стоит в комнате, знает о жизни больше, чем мы. Удивительно, как много оно помнит. Смотришь в него и забываешь, что уже давно седина побелила твою голову... Смотришь, и возвращает тебя память назад: видишь мальчика, который, прислонив своего хворостинового коня к порогу, влетает домой и на бегу хватает кусок еще теплого хлеба... Следом проступает заплаканное лицо мамы.

Ну почему в тот день ты увидел ее плачущей?! Плакали и другие, но ты запомнил именно ее. Запечатлелось это видение в твоём сердце и в этом зеркале, потому не забывается. По истечении времени, даже когда мама твоя смеялась, ты видел ее заплаканное лицо.

Ты художник. Ты тот, кто заполнил стены христианской церкви иконами. А с тех пор, как вернулся в ислам, пришел в замешательство: что значит портрет без души? Придет день, и кто-то сильнее тебя станет настаивать: «Всели души в свои картины, раз нарисовал!» – «Это в силах только Всевышнего», – ответишь ты. Это будет правдой. И все же желание писать картины и одарить ими мир не покидает тебя. И потому

ходишь ты печальный среди радостных спутников жизни, в поисках подходящих красок.

Хочешь быть ближе к звездам и поднимаешься на гору, освещенную луной. Поднимаешься, а там – ровное плато, серебряное поле!

– Что за чудо! – удивляешься ты. – Здесь все было покрыто зеленым лугом. А теперь выросла серебристая пшеница!

Увидев жниц с серпами, спешишь к ним.

– Да будет вам Бог в помощь!

Никто не отвечает на твоё приветствие. Даже голову никто не приподнимает. Старик и девять-десять женщин. Хочешь помочь старику, дать ему возможность немного отдохнуть и протягиваешь руку к его серпу. Не дает.

– Что я за мужчина, если не смогу махать серпом, как эти женщины... Иди сынок, иди... – говорит он.

Ты понимаешь: разум его мощнее, чем его тело.

– Куда идти-то?

Почему ты так спрашиваешь? Откуда ему знать, куда тебе надо? И все же:

– Вселенная огромна. И дорог много... – шепчет старик пересохшими губами.

Как раз в это время ты слышишь крик женщины и, погоняемый сердцем и умом, спешишь туда, откуда он идет.

– Не ходи туда! – хочет остановить старик. – Там рождается человек!

Ты не слышишь. Кто бы услышал этот слабый голос? Подбегаешь к залитому солнцем дереву, выросшему прямо на середине поляны, и удивляешься.

– Что может случиться в этом красивом месте?

Останавливаешься и прислушиваешься к как-то быстро свернувшейся тишине.

Подходишь ближе и видишь под этим солнечным златолиственным деревом женщину. И волосы ее, закрывшие ее плечи, тоже кажутся золотыми. И лицо у нее красивое, румяное. А на руках младенец. Он смотрит на тебя умными глазами, как будто спрашивает: «Кто ты?»

– Разве такой кроха может что-то понять? – удивляешься ты.

Кого-то напоминает этот младенец тебе, но ты не можешь вспомнить. А он как бы обижается на тебя, поворачивает свое красное личико к матери, маленькими губами ищет и находит сосок.

Лицо женщины, освещенное текущим с дерева солнцем, становится светлым. Она улыбается. Ты видишь это и не можешь пройти мимо. Не отводя взгляда, спрашиваешь:

– Это ты богиня Умай?

Женщина, только сейчас заметив, что они здесь не одни, хватается сползший с головы черный платок и закрывает грудь, что дала младенцу.

Ты узнал ее – это была твоя мама. Узнал по платку. Эти солнечные лучи послал ей в подарок твой отец, умерший на войне, еще не познав радости отцовства.

Мама твоя, окрыленная тобой, родившимся сыном, была другой, не такой, как в зеркале, – счастливой.

Помнишь, когда вы были на сенокосе, в день, когда на травы спустился туман, твой дед, отделившись от косарей, повел тебя по неведомым другим тропкам в Тызыльское ущелье? Потом, когда дед твой покинул этот мир, ты потерял эти тропки. Ищешь теперь, ищешь и не можешь успокоиться. Найдешь ли их, не знаю, видимо, они покрылись травой.

Все было там красным: земля, скалы, вода в реке...

– Раньше здесь копали уголь. И свинец еще добывали.

– А теперь почему этого не делают?

Вопрос был детский и не детский, видимо.

– Болели они... ушли они, почти никого не осталось... – отворачивает взгляд дед.

Он радуется, что ты не спрашиваешь, куда они ушли, хватается тебя за руку и ведет в пещеру. После того, как глаза твои привыкают к темноте, ты видишь, что дед твой стоит и смотрит на маленькие рисунки, покрывающие стены пещеры. Вот лошадь, вот корова, овцы, овчар с пастушьим посохом...

– Интересно, кто это решил рассказать таким образом о себе? – спрашивает он у кого-то. – А посох его похож на наш, тоже с крючком на конце. И шляпа у него наша, валяная, горская.

– Дед, ты давно эту пещеру знаешь?

– Давно, отец мой здесь неподалеку со своим отцом пас овец. Когда фашисты подошли к селу, распространились слухи, что они истребляют семьи, у кого кто-то есть на фронте. Тогда в первое время мы жили здесь. С солнечной стороны стреляли враги, а с Чегета – наши. Все здесь гудело, звенело, было страшно...

– Тогда тоже здесь были эти рисунки?

– Ну конечно! Века, наверное, прошли с тех пор, как они здесь появились. Удивляюсь я этому человеку...

– Художнику?

– Ну да. Удивляюсь тому, как это пришло в его голову – через рисунки передать нам свое время. Наверное, он был очень умным. Собирал в карман речные камушки и поднимался сюда, чтобы рисовать...

В тот день ты решил стать художником.

Может, ты и забыл бы об этом, но так хотел, чтобы память была. Разве мог ты позабыть, что здесь солнце восходит из-за гор, а там, в изгнании, куда вы попали, оно прикатывалось по степи. Ты хотел на-

рисовать свое солнце, пока не позабыл свою Родину, свое небо, свои горы и скалы, горные ледники, нарзанные источники... но не было у тебя таких ярких красок. Хотел нарисовать, пока не позабыл... В то время многим было не до красок. Ты рисовал их на очажной золе или на песке... Рисовал, но не мог оживить.

Соседская девочка Айгуль, смотрела на твои художества.

– Это что? – спрашивала она по-киргизски.

– Горы.

– А над ними что?

– Орлы.

– А это круглое что?

– Солнце.

Ты всегда рисовал одно и то же. Вопросы она задавала те же самые. Удивляло ее что-то в этом. Она долго смотрела то на тебя, то на твои творения, а потом показывала язык и убегала.

В день твоего рождения она подарила тебе альбом и пачку цветных карандашей. За это ты ей благодарен. А в школе она сидела за партой и, склонив головку набок, сжав губы, старалась красиво очерчивать буквы. Ты смотрел на нее, и солнце наполняло всего тебя.

Не раз ты брался писать ее портрет здесь в горах, но не получается. К твоему рисунку переходит печаль женщины, которая живет в зеркале. Как этому обрадуешься? Но если ты не напишешь портрет Айгуль, жизнь для тебя потеряет смысл. Тебе грустно: «Можно построить мир, вселенную, но можно и разрушить. Любовь – она такая».

Иногда смотрит из зеркала тот человек, что рисовал на стенах пещеры когда-то. Ты его узнаешь и от этого светло на душе. Он рассказывает о себе так:

– Там, в горах, я был один. Отец мой упал со скалы. Ты, наверное, думаешь, что он полетел вниз? Нет, он полетел высоко в небо. А теперь разговаривает со мной на языке ветра. А мама моя ходила к речке, чтобы рассказать ей о своем горе. Как-то раз Мать воды захотела ее утешить и взяла в свои объятия. С тех пор о ней ничего не известно. Я часто прислушиваюсь к реке, она что-то говорит, узнаю голос мамы, а понять не могу, о чем она толкует... Тяжело быть одиноким.

– Ты не искал себе друга?

Кого ты спрашиваешь, художника ушедших веков или себя? Кто знает – из зеркала смотрите то он, то ты.

– Как найти истинного друга в этом мире, когда и рождается человек, и умирает в одиночестве? Но... ищу, ищу родственную душу, как и ты.

Откуда он знает никому не ведомую твою тайну и почему о ней говорит так просто, буднично? Смотришь в его по-птичььи равнодушные, ничего не говорящие глаза, и понимаешь, что он тебя не видит. Сердце твое готово разорваться: кончились слезы, и он ослеп.

– Я знаю о тебе. Видел твои рисунки на стенах пещеры.

Улыбка освещает его лицо на миг. То ли обрадовался он, то ли удивился этому.

– Да, ты приходил туда тысячу лет назад со своим дедом, – вспоминает он. – Грустный мальчик, сирота. В тот день смотрел я на тебя и плакал о себе. А теперь не плачу – откуда столько слез найти, чтобы оплакивать века?

В лунном свете растворяется печальный гость.

Ты не включаешь лампу. Сидишь без света. Но все же узнаешь всех, кто проходит перед твоими глазами – ты писал их портреты. Кто-то – доволен, кто-то – равнодушен. В дверях стоит девочка, она берет бумажки, которые ей протягивают гости и, оторвав от каждой половинку, возвращает им остальное.

– Теперь я смогу ее нарисовать! – радуешься ты, узнав Айгуль.

А она играючи разбрасывает над твоей головой бумажные кусочки, собранные в ладонь. Несколько обрывков падают в твои ладони. Смотришь, а это кусочки рисованных тобой портретов.

В одном из них:

– Хотел нарисовать нас такими, какими Господь хочет увидеть. Не смог, – жалуется мужчина с серебряной бородой в валяной шляпе с поухом на плече.

– Может, и получится когда-нибудь, – утешает его всадник, половина лошади которого оторвана.

Правду они говорят или нет – всматриваешься ты в их лица. Но ничего не видишь, потому что Айгуль встала перед старым зеркалом и распустила свои черные, как ночь, волосы.

СТРАНСТВИЕ

Ты не спишь. С тех пор, как сон убежал от тебя, прошло много дней, может быть, месяц, год, а может, век. Не спится, потому что, как только закроешь глаза, они предстают перед тобой. Приходят женщины и стоят перед тобой молча, всматриваясь в даль над твоей головой. Иногда тебе кажется, что красота, которой их одарил Всемогущий, устает и морщится. Тогда они все становятся похожими друг на друга. Ты так любил одну из них! А вот сказать которую, не можешь, так они повторяют друг друга.

Горе охватывает тебя:

– Как печальна жизнь! Где счастье, о котором все говорят?

– В сердцах! – отвечает кто-то.

Это не кто-то из женщин, кто-то другой.

Услышав это, женщины растворяются в утреннем тумане. «Уди-

вительно, кругом так много солнца, и вдруг – туман. Откуда он? – бес-покоишься ты. – Вроде и живут в ладу солнце и земля, а тепла от них нет. Похоже на осень...»

Женщины всегда приходят и уходят также незаметно. Ты знаешь, где-то между мирами есть дверь, из которой они выходят и в которую заходят, но не находишь ее. А если даже найдешь, разве пойдешь за ними следом и найдешь ту единственную, которая тебе дорога?

Поднимаешься на гору. Кое-где на камнях растут цветы. Они о чем-то шепчутся с ветром. О чем они говорят? Чем их радуют рассветы? Для чего они рождены? Счастливы или нет? Разве ты, земной человек, можешь это знать?

– Где его дом? – спрашивает кто-то.

– Какая разница, где он, – отвечает то ли печальный ветер, то ли трава, что растет высоко по краям тропы. – Кто жаждет дороги, того ни дом, ни земля не остановят. К тому же дорога ведет вперед.

Девушка-цыганка перекрывает твой путь. «Откуда она здесь, в горах?» – удивляешься ты, не находя сил отвести свой взгляд от ее округлых серег.

Она видит твоё смятение.

– Я расскажу тебе о том, что будет, – говорит она, протягивая ладонь. Как важно было знать, что ждет тебя завтра! А дать ей нечего.

Видимо, она понимает, что происходит.

– Отдай мне взамен свои воспоминания, – говорит она сладким голосом, поправляя волосы, упавшие на лицо. – Вечно спешащее время и так их уничтожит.

Большая черная ворона, что кружилась над вами, то закрывая размахом своих крыльев солнце, то вновь открывая, в одно мгновение спустилась, схватила девушку и полетела. А смех ее остался. Долго он звенел в горах. Ты смотрел вслед и, потеряв осторожность, так необходимую в горах, поскользнулся на росистой траве и чуть не упал, схватился за уступ скалы и повис. Посмотрел вниз и в глазах стало темно – не видно было дна. Не на что опереться ногами – скала ровная, как стекло. «Упаду я отсюда и стану обедом для шакалов». Эта навязчивая мысль привела тебя к Богу. Стал просить помощи. В одно мгновение кто-то невидимый поднял тебя и поставил на тропу.

Сделав несколько шагов, ты оказался на поляне. Там росла яблоня с золотыми плодами. Ты стал трясти, и на землю стали падать золотые яблоки. Хотел попробовать на вкус, они сразу же набили оскомину, не смог. «Золото, как и другое богатство, – обман», – сказал ты тогда себе.

Ты поднялся в гору и встал наравне с солнцем. Вершина горы, издалека казавшаяся белой, оказалась розовой, к удивлению. А впереди тебя ждали три дороги, как в сказках. Направо пойдешь – заблудишься

и не найдешь дороги назад. Ты всегда знал, что назад дороги не бывает. Налево пойдешь – душа покинет тебя. А если пойдешь туда, куда глаза глядят, совершишь подвиг и войдешь в историю. А счастья ни на одной из дорог нет. Ты подумал, может, вернуться? Но зачем же тогда поднимался так высоко?!

Чувствуешь - теплые пальцы заходящего солнца гладят твою голову. Ты так подумал, но это было не так – рядом стояла пожилая женщина. Ты не успел спросить, кто она. Сама сказала:

– Я твоя бабушка.

– Прости, я не узнал тебя.

– Откуда тебе меня знать, ведь я умерла еще до того, как ты родился. Я далеко отсюда. Устала я. Но разве может быть спокойна мать? Сына ищущу, твоего отца.

– Разве он не с тобой, там?

– Откуда? Ты думаешь, настоящие мужчины держатся за подол матерей и лежат рядом с ними? Нет, они, чья жизнь прошла в борьбе, лежат в другом месте. Вот и приходится искать.

– Мой отец не боролся ни с кем. Он был очень спокойным человеком.

– Откуда тебе это знать? – женщина чуть улыбнулась пересохшими губами. – Вся его жизнь прошла в борьбе.

– С кем?

– С собой. Нет сильнее борьбы.

– Чего же он хотел от жизни?

Тебе это интересно. Ведь он твой отец.

– Он хотел... чтобы любовь оставила его, не беспокоила, заснула в нем. А она разве умеет это?

– К кому любовь?

– К той, кого он любил.

– К моей маме?

– Одну любишь, другую ждешь, – женщина отрывает взгляд от тебя, и поправляет платок на плечах. Платок черный, как будто его соткали из безлунной и беззвездной ночи. – И небо покроется тучами, и солнце не одарит теплом, если в сердце поселится щемящая тоска. Много таких тайн у жизни.

Ты видишь, как она стареет на глазах, подобно этой скале, на которой ты стоишь, подобно камню, на которой она сидит, и не можешь отвести взгляд, чувствуешь родного человека. А глаза у нее, красивые, как у лани, полны слез.

– Это ты спасла меня?

– Я на камни смотрю – памятники, – говорит она, как бы не слыша тебя. – И читать-то не умею, а вот узнала бы его памятник, если бы увидела. Украдены сны о нем у меня. Не вижу его, а то хоть знак какой-нибудь подал бы.

«Мёртвые никого не слышат, – приходит на ум. – Но и живые не всегда слышат друг друга».

Женщина вытаскивает откуда-то из-под платка скрипку и протягивает тебе.

– Да... да я же не умею играть...

– А как ты будешь знать, умеешь или нет, когда в руки еще ни разу не брал? – говорит она. – Здесь их голоса – отца твоего и той, кого он любил.

К тишине присоединяется удивительная музыка. Увидев, что женщина стоит, боясь, что она задумает уйти, прерываешься:

– Почему ты встала?

– Да разве можно слушать про любовь сидя? Красиво играешь, – говорит она, прижимая к груди священное Послание – Коран.

Увидев это, опять прерывая музыку, ты сетуешь:

– Слеп я перед Кораном и Аллахом тоже, бабушка.

– К ним дорогу показывают не глаза, а сердце, – говорит она, улыбаясь. Приятно, что ты ее так назвал.

Хочешь спросить: «Как разбудить свое сердце? Почему оно молчит?» Не можешь. Сама отвечает:

– Тысяча мудрецов не находят ответ на твой вопрос. Думаю, если все время будешь искать, придешь к этому. Видишь, как красив розовый закат?

Об авторе

Наталья Валерьевна Тимофеева родилась в 1972 году. Поэт и переводчик. По первому образованию учитель иностранных языков, второе образование – экономическое. Окончила курс литературного мастерства в Литературном институте им. А. М. Горького, литературные курсы им. А. А. Ахматовой. Публиковалась в журналах «Юность», «Причал», «Перископ», «Западная Двина», «Новый Ренессанс», «Царицын» и др. Автор трех поэтических сборников и сборника литературных переводов. Живет в г. Химки (Подмосковье).

ПО ПРИНЦИПУ ДОЖДЯ

Клонируй день с романом взаперти,
Пиши минуты жизни под копирку
И с водостока собирай в пробирку
Отжатых туч густое ассорти.
Неправда, что твой день неповторим,
И что ты сам неповторим вовеки.
Исходно повторенье в человеке,
Как первый, и второй, и третий Рим.
Взад и вперед исхожена кровать.
Вино из одуванчиков допито.
По водостоку льёт бальзам открыто
Творец, уставший нас изобретать.
Так пей страниц такой знакомый день
И не считай зазорным повторенье!
Ну, не было сегодня вдохновенья
Менять дожди на солнце и сирень.
В конце концов, не так уж плох роман
И кроткое шушание страницы...
Закончен дождь. И начинают птицы
Касаться пенъем слуховых мембран.

БАБОЧКА

Изящен взмах, не улетай, прошу!
Во сне и я полётами грешу,

но мне не удаётся это чудо –
с цветком себя и воздухом роднить
и запросто нектар из чаши пить,
когда соцветие цветка – посуда.
Так коротка полёта благодать!
Чтоб бабочкой сознание назвать,
я по земле ступаю год за годом
и притяженьё чувствую, а ты
притягиваешь к усикам цветы.
Ты – изначально лёгкость и свобода.
Не улетай! Раскрытых крыльев вид
особо доверительно манит,
их хочется коснуться мимолётно.
Но я не трону. Бабочка во мне –
Венера Боттичелли, и в цене
раскрытых крыльев хрупкие полотна.

ТАЙМ-АУТ

Где стареют незабудки,
И дубы на тень щедрь,
Упаду на три минутки –
Отключаюсь, вне игры!
Вот, сроднясь с порывом ветра,
Опадают лепестки.
В солнцем залитые недра
Облака плывут с руки.
Кряквы начищают перья.
Хорохорится камыш.
И глядит в глаза с доверьем
В белых звёздочках спорыш.
Растворюсь в траве зелёной.
И зачем всю жизнь бежать?
Всё равно – итог – под клёном,
Износившись в пыль, лежать.
Ах, успеть бы пропитаться
Этой высью облаков,
Травяным бескрайним братством,
Счастьем солнечных шагов!
Ощутить реки неспешность,
Танец ветра: «Раз, два, три...»,

Хрупкой незабудки нежность,
Отцветающей внутри...

ГАРМОНИЧЕСКИЙ ДОЖДЬ

Дождь, как обещанье передышки,
по глотку прохлагою в жару.
В две ладоней розовых кубышки
льётся небо светом поутру.
Просыпаться, вроде бы, не надо,
но, слотнув спросонья перестук,
проникаешься его стаккато,
тянешься и думаешь: а вдруг...
Если раствориться без остатка,
то в круговорот воды войдёшь.
Льётся небо, и на ветках сладко
каплями к земле стекает дрожь.
Эти ноты соберу в ладони –
музыка по трещинкам дорог,
консонанс и диссонанс гармоний...
Слышишь? Просыпайся, Логос-Бог!

Я ПОДБЕРУ СЛОВА

Мне кажется, я подберу слова,
Как собирают капли мостовые,
Как впитывает ветер синева,
Касаясь взмаха птичьего впервые.
Мне хочется быстрее разбудить
Бесчувственные крыши на рассвете,
Лучей соединяющую нить
И счастья миг, когда смеются дети...
Всё можно, только слово подбери!
Оно – начало всех цепочек мира.
Уже листает день календари,
И ливень бьёт по клавишам клавира,
Чтоб подсказать один единый звук,
В котором раскрывается основа
Всего, что простирается вокруг.
Чтоб ощутить: «В начале было Слово...»

ОТРЕЗОК СЧАСТЬЯ

Румяным яблочком касается щеки
В закате остывающее лето.
А в заднем колесе велосипеда
Застряли тёмно-синие выюнки.
Их жаль слегка, как этот тёплый день,
Как август, что черту подводит лету
И приглашает на замену свету
Сползающую в бесконечность тень.
Но, лёгкие наполнив до краёв
Лучами ускользающего солнца,
Во мне ещё и яблоня смеётся,
И рассыпная стайка воробьёв,
И сад, и рябь сверкающей реки,
И карася отрывистые всплески
На полном счастья маленьком отрезке,
Где ценность обретают пустяки.

Вдохну всей грудью, замещая боль, –
Здесь вдох и выдох чувствуешь иначе,
Здесь горы поперёк, а небо – вдоль,
И лес под утро иволгами плачет
Светло и нежно, грусти не тая.
Но грусть такая – пьёшь её запоем!
Как будто это молодость моя –
Про первую любовь и всё такое...

Ни человека, ни дома...
Поле, простор – благодать!
Пахнет на солнце солома,
Сладко в стогу будет спать
Выгнанным в поле скитальцем,
(В небо – и душу, и взгляд),
Облако щупая пальцем
Или созвездье Плеяд,
Падаю в глупой надежде
Так и остаться в раю
В новой пшеничной одежде
У тишины на краю.

КООРДИНАТЫ РАЯ

Заснуть, спиной к скамейке прислонясь,
и детский смех просеивать сквозь ухо,
покуда, беззастенчиво резвясь,
не разбудила суетная муха.
Нырять солнце в поросль облаков, –
небесное кочующее племя.
Меня, проткнув булавкою веков,
как экземпляр, рассматривает время.
Я сплю. Не препарирован мой сон
на лавочке – в координатах Рая.
И тень каштана сверху капюшон
набрасывает, бледность защищая.
Уставший пёс у ног в траве прилёт –
поход домой ему не актуален.
И умиленно сверху смотрит Бог
на россыпи ромашковых проталин.
В бескрайней нише далее луговых
среди лиловых свечек иван-чая
моя свеча беспечности среди них
стоит вот так же, головой качая.

МАЛАЯ РОДИНА

Подсвечена щербатою луной,
в своём несовершенстве совершенна,
ты остаёшься лучшей из вселенных,
в которых зашифрован не покой.
Ты – маленькая родина моя
в больших географических границах.
Ты светлоока, статна, белолица,
ты – отраженье в зеркале, где я
ещё ребёнок, верящий в добро,
и тут же до седин – подать рукою,
где время превращаться непокою
в легчайшее льняное серебро
не то зимы, не то прошедших лет,
не то печали, что неуголима.
Ты – родина, ты счастье, что ранимо,
ты – льющийся над нами лунный свет

и всполохи горящего костра
в излучине реки из небосвода.
Ты – непокой в покое и свобода
в излучине остаться до утра.

ПРИТЯЖЕНИЕ

Мы оба – как в излучине реки
Два берега, что тянутся друг к другу.
Мы – мотыльки, а может, васильки,
Что синей гладью вышиты по кругу,
И потому не встретимся никак.
Но лишь в не встречах – сила притяженья,
Миропорядка творческий пустяк,
Законы окрылённого движенья,
Чтоб, трепет передав материкам,
Сдвигали тектонические плиты
Два маленьких и хрупких мотылька
По замыслу богини Афродиты.

МЕСТО СИЛЫ

Сентябрь, простуда, долгая гроза,
А утром снова в море бирюза,
Текучая, живая и с улыбкой.
Полны фужеры чудо-облаков
Небесным розоватым молоком,
И светит солнца золотая рыбка.
И ласточка раздвоенным хвостом
Заботы отсекает на потом,
И день течёт, как мёд, из банки в блюде.
И ничего на завтра, всё сейчас,
И шёпот волн, и кораблей рассказ,
Прельщающих на берег оглянуться.
Когда придёт неистовства пора,
И проберут невзгоды до нутра,
Не сожалей о прелестях ландшафта.
Пускай горят Гоморра и Содом,
Ты должен помнить только об одном:
Что всё внутри – и отчий дом, и правда.

По-осеннему дышат туманы,
прижимая холодные лбы
к остеклённому краю мембраны
старой срубленной наспех избы.
Здесь таким накрывает покоем
с пряным запахом мят и крапив,
что врачуют тоску зверобоем,
ни зверушки при том не убив!
И ты, словно улитка, неспешно
изучаешь округу пруда,
воробьём примеряешь скворечник,
чтобы в нём переждать холода.
Скатерть ткёшь, как паук паутину,
яблок сорванных щупая бок,
убираешь из них сердцевину
и по дольке бросаешь в лоток:
пусть сиропом покроется мякоть,
и увязнут в нём думы навек...
Ах, янтарная осени слякоть,
ах, смола, где внутри – человек!
В ней ты видишь не тело, а душу,
и с какой-то и вправду светло.
И струится из дома наружу
человеческое тепло.
И все беды Земли отступают.
Зверобой сыплет звёзды в ладонь:
пусть чайнками в чае сверкают,
чтоб не гасли звезда и огонь.

Настроишь слух на камертон цикад.
А зрение – на тьму, на звездопад.
И свет издалека летит на плечи.
Играет ветер прядями волос.
И лунный зайчик прыгает на нос,
Ловить его и незачем, и нечем.
И ты в простой гармонии сидишь,
Благословляя море, звёзды, тишь.
К чему тебе записывать в блокноте
Всю перекличку звуков тут и там,

Пока цикады создают миру
Симфонию любви по первой ноте.

ПОД СОЗВЕЗДИЕМ СТРЕЛЬЦА

Распахнут океан, и дышит бездна
В лицо тебе, утягивая вниз.
Планктон – как звёзды. Им в потоке тесно,
Бери сачок и: «Звёздочка, ловись!..»
Что греки, византийцы и болгары?
Века листая, твой зрачок дрожит.
Тебе приснятся вечные кошмары
И дрожь смещения литосферных плит.
В сачок уже не выловит Всевышний,
Когда со стоном вздрогнет океан.
А потому твои заботы лишни:
Живи, дыши и странствуй, как сарган,
Сливайся, как росток цивилизаций,
С бескрайностью начала и конца
В космическом безумье навигаций,
Дрейфуя под созвездием Стрельца.

В СТАРОМ ГОРОДЕ

Солнцем залитые склоны,
Древних стен горячий взгляд.
Часк в небе разговоры
И ступенек сто подряд.
Выше, выше подниматься,
Оглядеться. С высоты
Солью моря пропитаться,
С синевою став на «ты».
Чувствовать в себе закаты,
Словно яблоки небес.
И ветрам читать баллады
С чувством, с силой или без...
К старой мельнице прижаться
Чайки ветренным крылом.
Было здесь за что сражаться,
Что любить, чем жить потом.
Перемешаны столетья

В очертаниях домов.
Облака рыбацкой сетью
Тянет тральщик-рыболов.
Соблазнились, видно, греки
Мальвой, солнцем и мечтой.
Здесь в каком-то прошлом веке
Жили-были мы с тобой...

УТРЕННЯЯ ЗВЕЗДА

И шелест тростники, и шёпот моря,
И ветра завывание вдали,
И то, как чайки за добычу спорят
Под мудрое молчание земли, –
Я слышу всё, я зритель и участник,
Понятен мне космический язык.
Я тот, кто всеобъемлющее счастье
Носить в себе зародышем привык.
Я знаю – белой точкой на рассвете
Сильнее в море манит свет звезды,
Ведь все мы – потерявшиеся дети,
Что отыскать хотят свои следы.

Я – ОСЕНЬ

Прости, что, не разувшись, второпях
Вошла, не дожидаясь разрешения,
Но Муз держать не принято в дверях.
Я – осень. Твой источник вдохновенья.
Я понимаю, ливни ни к чему,
Когда они без трав и солнцепёка.
Но я уже внутри, в твоём доме.
И что мне интонации упрёка?
Я здесь. Бери, читай, дыши, глотай!
Пиши – ведь это средство от невроза.
Я – осень. Жёлтых листьев урожай.
Спасительная болдинская доза.
На лавочке в проулке, под зонтом,
С блокнотом неожиданно пристану.
Зачем пришла? Ты сам поймёшь потом. –
Я – соль веков на затяжную рану.

ОСЕННИИ ИЛЛЮЗИИ

Скуднее солнца яркие лучи,
И птичья трель безвременно молчит,
Сад полон тишины и увяданья.
Отсчитывает яблонька плоды,
Как будто откупаясь от беды –
Той, первородной, с горечью познанья.
Осенние бездонны вечера.
Не убираешь долго со стола,
Янтарное варенье светит в чаше
Иллюзией уюта и добра.
И греет душу смехом детвора,
Как будто возвращая детство наше.

Я ВЕРЮ

В ладонях пятипалых сентября
ещё зажато солнце детской хваткой,
но клёны шелестят в ответ украдкой,
что осени перечить – только зря.
Позолотись, а после сбрось листву –
таков закон, чтоб налегке в метели
мы в будущее до весны глядели
и оживали, как по волшебству,
забыв про все невзгоды и ветра,
тянули листья к нежности лучистой.
Пусть зеленеют ели-эгоисты,
а лиственничным сбросить груз пора
и оголённым нервом – в сечь зимы.
Ведь только так мы мужеством едины.
Пускай метели злобно дышат в спины,
но со смиренья начинаем мы,
а после сила скажется во всём;
цветение и рост – итогом схватки.
Пусть осень входит в зимние повадки,
я верю, мы её переживём.

ОБЕРЕГ

Впитывая солнце напоследок,
с лавочкою парковой сроднясь,
наблюдаю, как уходит лето,
паутинкой оставляя связь.
Воробьи объединились в стайки
и спорыш штурмуют – к холодам.
В лужах подсыхающей лужайки
голуби зависли тут и там,
по-тюленьи разложили тело, –
сизым, не зелёным стал газон.
И какое до людей им дело? –
Не закончен парковый сезон.
К холодам готовиться непросто.
Тополь сдал в утиль свою листву.
Старый дуб – пока зелёный остров –
сбрасывает жёлуди в траву...
Сбросить бы и мне усталость века,
с листьями предать её костру.
Жёлуди в карман для берега
я с собою в зиму заберу.

АДАЖИО ОСЕНИ

Рассказ

Сорок пять. Возраст, когда календарь уже не листаешь, а перекладываешь с места на место, будто тяжёлый, хорошо упакованный чемодан. В нём всё аккуратно сложено: стабильная работа, уютная квартира, взрослая дочь, улетевшая в другой город, и муж, с которым давно всё сказано и понято. Всё есть. Всё правильно и хорошо. И вдруг тишина...

Именно эту тишину Лариса заметила первой, когда в один октябрьский день проснулась оттого, что за окном не пели птицы. Они уже улетели. Осень вступила в свои права безраздельно. Воздух был прозрачным и острым, как лезвие, а золото листьев казалось слишком ярким, слишком театральным для её спокойной жизни.

Что-то щемяще-знакомое было в этом дне. Тоска? Нет, не тоска. Скорее, лёгкая неудовлетворённость. Лариса чувствовала себя счастливой, но счастье было похоже на прекрасную незаконченную мелодию.

Не в силах усидеть в четырёх стенах, где тиканье часов отдавалось эхом в той самой тишине, Лариса накинула пальто и вышла на улицу. Легкий ветер срывал с деревьев оставшиеся золотые листья, в воздухе отчаянно пахло кофе с корицей, и Лариса сама не заметила, как оказалась в старом парке...

Она не была здесь лет двадцать. Всё было так же и совсем не так. Те же клёны, только выше и величественнее, те же скамейки, только потрескавшиеся и покрашенные заново. Воздух пах мокрым камнем, прелыми листьями и сладковатым дымом – где-то жгли костры.

Лариса села на холодную скамью, сжимая в карманах руки, и погрузилась в созерцание огненного ковра под ногами. Сквозь шуршание листьев под ветром, сквозь отдалённый гул города, до неё донёсся звук. Сначала едва уловимый, словно эхо из прошлого. Потом чище, яснее. Это была музыка.

Не просто музыка, а детский хор. Чистые, высокие, немного наивные голоса звучали над парком, выплывая из распахнутых окон её старой школы. Они пели что-то незнакомое, современное, но гармония была вечной – минорной, пронзительной, точно такой, какая бывает только глубокой осенью.

Лариса замерла, затаив дыхание. Она закрыла глаза.

И вдруг время словно неправильно идущие часы повернуло об-

ратно. Перед ней не было ни парка, ни скамейки. Она снова была девочкой с двумя белыми бантами и скрипкой в руках. Она стояла у окна на третьем этаже этой школы, ждала своего урока и смотрела, как внизу кружатся в вальсе опавшие листья. В груди тогда тоже щемило – от непонятого восторга, от предвкушения жизни, которая вся была впереди и обещала быть бурной и прекрасной.

Она чувствовала то же самое сейчас. Тот же восторг. То же щемящее чувство прекрасного.

Голоса пели о чём-то своём, детском, но в их стройном звучании Лариса вдруг услышала ответ. Ту самую недостающую часть мелодии.

Ей не хватало не чего-то нового. Не новой страсти, не новой работы, не новых впечатлений. Ей не хватало той самой девочки с бантами, которая жила внутри, которая верила в чудо и умела слышать музыку в шуршании листьев. Та девочка не исчезла. Она просто притихла, спрятавшись или, может, потерявшись в ритме взрослой жизни. Ларисе внезапно захотелось сделать что-то для той самой девочки...

Хор умолк. В парке снова воцарилась тишина, но теперь она была иной. Она была полной. Звучащей. Как пауза в великом музыкальном произведении, за которой последует новая, прекрасная тема.

Лариса встала со скамейки, поправила воротник пальто и твёрдой походкой пошла домой. Она решила, что достанет с антресолей старый футляр, в котором спала её скрипка, настроит струны, и парк снова услышит её личное, сокровенное адажио. Адажио её осени, которая только начиналась...

Футляр пылился на антресолях, задвинутый в самый дальний угол, за коробки с ёлочными игрушками и старыми альбомами. Лариса с трудом достала его. Пыль серебряной дымкой осела на её руки. Сердце забило чаще, словно она снова шла на свое первое свидание.

Она отщёлкнула замки. Запах – старинный, сложный, смесь лака, древесины и времени вызвал новый вихрь воспоминаний. Вот она, её скрипка. Не дорогой инструмент, просто хорошая ученическая «четвёрка», купленная когда-то ее родителями с большой любовью. Лак местами потёрся, на деке осталась маленькая царапина – память о падении с подставки на школьном концерте.

Лариса бережно провела пальцами по грифу, по завитку. Она боялась прикоснуться к струнам – казалось, они издадут жалобный, осипший от долгого молчания звук.

На следующий день она купила канифоль и взяла в библиотеке ноты. Муж, Инал, с удивлением наблюдал, как она расчищает пространство в гостиной, двигая кресло.

– Музыкой захотелось заняться? – спросил он без насмешки, но с лёгким недоумением.

– Да, – просто ответила Лариса. И улыбнулась той самой девочке с бантами, что жила у неё внутри.

Первые звуки были ужасны. Пальцы одеревенели, смычок дрожал и скрипел, словно возмущаясь внезапным вторжением в многолетний покой. Минорная гамма звучала как издевательство над самой идеей музыки. Лариса бессильно сжала пальцы. Она помнила это чувство – мышечную память, которую нужно было разбудить, растормошить, заставить работать снова.

Теперь она занималась по вечерам, когда за окном уже темнело и в стекле отражалась она сама – сосредоточенная, с прижатым к плечу инструментом. Сначала играла этюды, простые пьесы, которые когда-то знала наизусть. Пальцы болели, спина затекала, но внутри пело. Та самая тишина, что жила в ней, понемногу заполнялась звуком. Пусть пока неидеальным, робким, но её звуком.

Через неделю Лариса снова пошла в парк. Скрипка была в чехле за спиной, как в юности. Она села на свою скамейку и ждала. И вот снова из окон школы полилось чистое, стройное пение. Хор репетировал.

Лариса достала скрипку. Не трогая её, просто слушала, закрыв глаза, впитывая гармонию, позволяя ей течь сквозь себя. Её рука сама легла на гриф, смычок коснулся струн. Она не стала играть свою партию, она начала импровизировать, создавая лёгкий, прозрачный аккомпанемент к детским голосам. Звук был тихим, почти неуловимым, просто лёгкой дрожью в воздухе, шелковистой подкладкой под атлас хора.

Она боялась, что кто-то услышит и это прогонит волшебство. Но никто не вышел. Только голоса пели чуть увереннее, чуть ярче, будто почувствовав поддержку.

С тех пор это стало их ритуалом. Она приходила в парк, когда у хора была репетиция, и тихо подыгрывала им из-за ветвей клёна. Это была её тайна. Её маленький диалог с юностью, с музыкой, с самой собой.

Однажды, закончив играть, она увидела, что на соседней скамейке сидит пожилая женщина и смотрит на неё. Лариса смущённо опустила смычок.

– Извините, я, наверное, мешаю?

– Нисколько, – женщина улыбнулась. У неё были добрые, очень живые глаза. – Я директор музыкальной школы. Часто вижу вас здесь. Вы наша бывшая ученица?

Лариса кивнула.

– Чувствуется хорошая школа, – сказала директор. – Рука помнит. Голос инструмента у вас тёплый, душевный.

– Я уже давно не играла, – призналась Лариса.

– Музыка – это не профессия. Музыка – это звучание души. Ее просто нужно иногда снова услышать...

Они разговорились. Оказалось, в школе не хватает педагога по скрипке – старый учитель ушла на пенсию, а замену найти трудно.

– Вы не хотите попробовать? – вдруг спросила директор. – Хотя бы на несколько часов в неделю. Для начала поставить руку малышам. Ваше «адажио» как раз то, что им нужно – не скорость, а чувство.

Лариса замерла. Мысль показалась ей безумной. Она бухгалтер. Ей сорок пять.

– Я... я подумаю, – выдохнула она.

Мысль о том, чтобы вернуться в школу не ученицей, а педагогом, не давала Ларисе покоя. Она снова и снова перебирала в памяти свои детские выступления, ища в них подтверждение своему решению. И память, будто отвечая на её зов, подарила ей другой, ещё более яркий образ.

Это был не дуэт рояля и скрипки. Это было нечто большее.

Ей было четырнадцать. Возраст, когда мир кажется одновременно бесконечно огромным и тесным, когда каждая нота, сыгранная не так, воспринимается как личная трагедия, а каждая удачная фраза – как шаг к гениальности.

Её лучшая подруга, Марина, была пианисткой. Не просто девочкой, которая ходит в музыкалку, а настоящим вундеркиндом с длинными пальцами, которые порхали над клавишами, извлекая звуки, казавшиеся Ларисе волшебством. Они дружили с первого класса, вместе прятались от дворовой шпаны в подъезде, делиась мечтами, вместе смеялись над глупыми шутками.

И вот им поручили сыграть вместе на весеннем концерте. Небольшую, изящную пьесу – скрипка и рояль. Для Ларисы это было высшей честью и самым страшным испытанием. Рояль был царём, а её скрипка – придворной дамой, которая должна была вести с ним изысканную беседу.

Репетиции сводили с ума. Они ссорились, мирились, спорили о темпах. Марина, вся погружённая в свой мощный инструмент, говорила: «Лара, громче! Тебя не слышно!» А Лариса, прижимая к плечу свою хрупкую скрипку, кричала в ответ: «Ты меня заглушаешь! Это диалог, а не монолог!»

Анна Викторовна, их общая муза и судья, усаживала их рядом и говорила: «Девочки, вы не спорите. Вы слушаете друг друга. Лариса, ты должна вести, ты – голос. Марина, ты – крылья, ты – фон, океан, по которому плывёт этот голос. Понимаете?»

И вот – концерт. На этот раз они выходили на сцену не одина-

ково одетыми девочками, а двумя разными, но дополняющими друг друга подругами. Марина в длинном тёмно-синем платье выглядела взрослой и серьёзной. Лариса в белом – хрупкой и торжественной.

Они обменялись взглядами. Не улыбнулись. Кивнули друг другу. Полный, звенящий тишиной зал. Лёгкий стук метронома в голове.

Марина взяла первые аккорды. Глубокие, бархатные, как предвечернее небо. Они заполнили зал, создали пространство, атмосферу. И вот в это пространство вплеся голос скрипки Ларисы. Чистый, высокий, немного робкий вначале, но набравший силу уже через несколько тактов.

И случилось чудо. Они нашли тот самый баланс. Лариса не играла громче, она играла проникновеннее. Марина не играла тише, она создавала плотную, но прозрачную ткань аккомпанемента. Скрипка парила над роялем, а рояль подставлял ей своё могучее плечо, поддерживал, обнимая звуком.

Лариса забыла про зал, про ноты, про всё. Она слышала только Марину. Она видела краем глаза, как плавно раскачивается её корпус, и сама начинала двигаться в такт. Это был танец. Диалог. Тот самый, о котором говорила учительница. Она вела, а Марина была её крыльями. Они были единым целым, двумя голосами, сплетающимися в одну удивительную историю.

Когда последняя нота скрипки растворилась в воздухе, а последний аккорд рояля отзвучал, наступила та самая, особая тишина – полная, потрясённая, благодарная. А потом – взрыв аплодисментов. Они с Мариной, не сговариваясь, повернулись друг к другу и обнялись, крепко-крепко, прямо на сцене. Щёки были мокрыми от слёз. Они не могли говорить, просто смеялись и дрожали от счастья.

За кулисами Анна Викторовна молча обняла их обеих. А потом сказала: «Вот видите? Когда вы слушаете друг друга, получается музыка. Запомните этот момент».

Лариса открыла глаза. Она стояла посреди комнаты, и смычок в её руке всё ещё вибрировал, будто только что отзвучала та самая пьеса. Она помнила то объятие. Ту полную, абсолютную гармонию не только в музыке, но и в дружбе, в общем порыве.

Именно этого ей не хватало сейчас. Не просто игры, а этого волшебного состояния, когда двое людей создают нечто третье, прекрасное и большее, чем они сами.

Вечером она рассказала обо всём Иналу. Он молча слушал, а потом улыбнулся своей спокойной, надежной улыбкой.

– Знаешь, а у тебя, родная, совсем другой вид. Светящийся. Как будто нашла что-то очень важное, что потеряла давным-давно. Если это сделает тебя счастливой – почему бы и нет?

На следующее утро Лариса подписала заявление о приеме на работу учителем по классу скрипки. А днём она снова пришла в парк и встретила директора музыкальной школы.

– Нина Григорьевна, добрый день! Я утром написала заявление... Только можно я у вас спрошу. Точнее, у меня к вам есть небольшая просьба.

– Добрый день, Лариса! Я очень рада, что вы решились! Конечно...

– Вы не подскажете, у вас в школе есть хороший концертмейстер? Мне бы очень хотелось иногда... играть дуэтом.

– Конечно, Лариса. И я тоже вчера весь вечер думала о наших новых возможностях, – ответила Нина Григорьевна.

– Спасибо вам, за все! – улыбнувшись, сказала Лариса...

Детский хор снова пел свою осеннюю песню. Лариса прислонилась спиной к шершавой коре старого клёна, достала скрипку и присоединилась к ним. Но на этот раз она играла не тихо и робко, а уверенно и сильно. Её скрипка парила над чистыми голосами, вела их за собой, дополняла и украшала.

Она нашла не просто часть потерянной мелодии. Она нашла потерянную часть партитуры своей жизни. И теперь музыка зазвучала полно, цельно, совершенно.

*Башир ХУБИЕВ,
д.ф.н., профессор, КБГУ
Хамитби МАМСИРОВ,
д.и.н., профессор, КБГУ
Зарема АТАБИЕВА,
к.с.н., доцент, КБГУ*

**ЭВОЛЮЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
В НАУЧНЫХ ТРУДАХ М. Х. ГЕРАНДОКОВА**
(к 85-летию ученого и государственного деятеля)

М. Х. Герандоков

Авторы данной статьи ставят целью осветить основные вехи жизни и научной деятельности М. Х. Герандокова, ученого, государственного и общественного деятеля в свете социокультурных тенденций второй половины XX – начала XXI вв. Его образование, становление как личности и профессиональная деятельность в известном смысле служат зеркалом советской культурной революции, как она совершилась на Северном Кавказе. Он вполне успешно вписался в советскую общественно-идеологическую систему и получил признание со стороны государства как эффективный руководитель. В каждой профессиональной сфере и на каждом этапе своей карьеры М. Х. Герандоков совмещал практическую деятельность с интеллектуальным поиском, стремлением охватить более широкое историческое, социальное и культурное значение той конкретной отрасли, в которой он работал. Это позволяет характеризовать его не просто как советского служащего, профессионала, руководителя, но как интеллектуала и интеллигента в том смысле, который это понятие приобрело в российской культуре. Логичным стал приход М. Х. Герандокова в науку. Предметом его исследований стали содержательные и организационные аспекты трансформации национальных культур народов Северного Кавказа в XX в. Обретенная таким образом широта взгляда на общественно-исторические процессы дала ему возможность ответить на мировоззренческий кризис, связанный с крушением советской общественно-идеологической системы, личностной интеллектуальной перестройкой, в которой была удержана та диалектика национального и интернационального, локального и общечивилизационного, которая всегда была в центре его внимания.

На современном этапе в сфере социально-гуманитарных наук активизируются процессы переосмысления, на основе новых подходов,

отечественного опыта политического и социокультурного развития в XX-XXI вв., когда не раз менялись политический вектор развития и социокультурная доминанта. Не снижается интерес к анализу таких проблем в отечественной историографии национальной культуры, как «культурная революция», кризис культуры в период «перестройки», вызовы процессов глобализации. В связи с этим важна оценка вклада ученых в изучение узловых вопросов культуры народов в национально-региональном аспекте для объективной интерпретации прошлого и настоящего, чтобы объективно определить перспективы.

В этом контексте особое место занимают труды почетного профессора Современного гуманитарного университета Михаила Хамзетовича Герандокова – филолога, культуролога, историка, философа, педагога, государственного и общественного деятеля. В отличие от своих коллег, занимавшихся сугубо научно-педагогической работой, М. Х. Герандоков совмещал науку с государственной и общественной деятельностью. В его научных трудах отразились ключевые тенденции и вехи трансформации культуры народов Кабардино-Балкарии и Северного Кавказа второй половины XX – начала XXI вв. Следует отметить, что государственная и общественно-политическая деятельность Михаила Хамзетовича освещена достаточно подробно [5], но его вклад в историографию национальной культуры народов Северного Кавказа еще до конца не определен.

С учетом вышеизложенного, авторы данной статьи ставят цель – осветить основные вехи жизни и научной деятельности М. Х. Герандокова в свете социокультурных тенденций второй половины XX – начала XXI вв. Для ее реализации намечены задачи: систематизировать факты его научной биографии, исследовать более значимые научные достижения М. Х. Герандокова как историка и философа культуры.

М. Х. Герандоков родился накануне Великой Отечественной войны, сполна перенес все тяготы послевоенного восстановления. Но государство, предоставляя детям войны перспективу, мотивировало их на учебу, обретение профессии и созидательный труд. Как многие его сверстники, М. Х. Герандоков преодолевал трудности, пытаясь соответствовать требованиям времени.

М. Х. Герандоков вступал в зрелую жизнь, когда в республике был высок культ знаний, а высшее образование стало очень престижным. В 1959 г. он поступает на историко-филологический факультет Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х. М. Бербекова, имея сформировавшиеся взгляды на жизнь и здоровые амбиции. В вузе он проявил способности к научно-исследовательской и общественной работе и стал студентом-активистом. После окончания в 1964 г. КБГУ по специальности «Русский язык и литература» его назначают на первую руководящую должность – завуча

в районной средней школе. Дефицит кадров вынуждал государство в послевоенные годы сосредоточиться на подготовке национальных кадров, особенно учителя по профессии. Эту профессию Центр считал эффективной в социокультурных условиях национальных автономий Северного Кавказа и более соответствующей авторитарному духу советской модернизации. Эта тенденция отразилась и в биографии М. Х. Герандокова. В 1965 г. его, как подающего надежды педагога и активного общественника, избирают первым секретарем Терского райкома комсомола, а в 1966 г. – выдвигают на должность директора научно-методического кабинета культурно-просветительной работы Министерства культуры КБАССР.

В 1975 г. Михаила Хамзетовича направили на повышение в организационно-инструкторский отдел Совета Министров КБАССР. А в 1980 г. уже опытного советского служащего назначают начальником Кабардино-Балкарского республиканского агентства «Союзпечать», которое он возглавлял до 2009 г. и вывел в число лидеров предприятий отрасли в Российской Федерации.

Особенностью личной биографии М. Х. Герандокова как руководителя является рано полученный им опыт международного общения и наблюдения за политической и культурной жизнью зарубежных стран, а также полученные им личные впечатления от живого общения с высшими партийными руководителями страны.

Уже в 1963 г. он принял участие в Международном фестивале молодежи и студентов в Хельсинки, что можно считать исключительным достижением для студента провинциального вуза. Большое впечатление на М. Х. Герандокова оказал визит в 1967 г. в Италию в составе советской делегации. Он читал лекции в молодежных коллективах, был среди гостей съезда компартии Италии и получил возможность сравнить две общественно-политические системы.

Будучи аспирантом Московского института культуры М. Х. Герандоков в 1972 г. принял участие в VII Международном конгрессе по эстетике «Эстетика, искусство и условия человеческого существования», проходившем в Бухаресте. Пленарное заседание вел председатель Государственного Совета Румынии Николае Чаушеску. А затем группу советских ученых, в состав которой входил и М. Х. Герандоков, принял глава Румынии Н. Чаушеску. Все это произвело на М. Х. Герандокова большое впечатление, которое ассоциировалось для него с первым шагом в большую науку.

В 1973 г. М. Х. Герандоков стал делегатом Всесоюзного семинара партийных пропагандистов, на котором выступил член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС М. А. Суслов. Отдельно М. А. Суслов встретился с группой активных региональных пропагандистов, в которую попал и М. Х. Герандоков. Выступление главного идеолога партии

и полученное от него в ходе короткого личного контакта ободряющее напутствие произвели на него большое впечатление [5. С. 32-33].

Уверенное вхождение в науку, осознание значимости научно-исследовательских навыков М. Х. Герандоков ощутил, возглавив научно-методическую службу культурно-просветительной работы Министерства культуры КБАССР. Встала задача превратить исследовательские навыки в средство постановки решаемых задач на научную основу. Здесь аккумулировалась обширная информация о системе культпросветработы республики: динамика ее сети, формы и методы работы, культурные запросы населения, достижения и проблемы. Весь этот материал анализировался, а затем на его основании разрабатывались методические указания и пособия для культурно-просветительных работников.

Таким образом, М. Х. Герандоков в силу своей профессиональной деятельности, ощутил потребность решать практические задачи культурно-просветительной сферы на научной основе, что стимулировало его интерес к исследовательской работе. На Всероссийских совещаниях, отраслевых семинарах и научно-практических конференциях по обмену опытом его сразу приметили. Директор Центрального научно-методического кабинета Министерства культуры РСФСР Евгений Алексеевич Владимиров, разглядев аналитические способности М. Х. Герандокова, рекомендовал его к поступлению в аспирантуру Московского государственного института культуры. В характеристике-рекомендации Совета Министров КБАССР в аспирантуру отмечалось, что «М. Х. Герандоков за время работы в Министерстве культуры КБАССР всегда с научных позиций подходил к практической деятельности культпросветучреждений республики».

М. Х. Герандокову повезло, ибо Е. А. Владимиров ввел его в круг ученых, для которых наука – самое важное в их жизни, и они были готовы щедро делиться своими знаниями со своими учениками. На кафедре теории и истории культуры, к которой был прикреплен М. Х. Герандоков, в то время сформировалась известная в стране школа по изучению проблем культуры, которую возглавил ученый с мировым именем, доктор философских наук, профессор Арнольд Исаевич Арнольдов.

Непосредственным научным руководителем М. Х. Герандокова стал доктор философских наук, профессор Николай Леонидович Лейзеров, талантливый ученый и интересный оратор. Его часто приглашали читать лекции в Институте марксизма-ленинизма, и он был знаком с некоторыми руководителями ЦК партии.

Положительное влияние на научный рост М. Х. Герандокова оказал А. И. Арнольдов, которого он считает своим вторым учителем. Это был великолепный мастер слова с феноменальной памятью, научные взгляды которого порой опрокидывали стереотипы о тех или иных закономер-

ностях социального и культурного прогресса и будоражили сознание многих его коллег. Если в поздние воспоминания М. Х. Герандокова не вкралась ошибка, то можно констатировать, что А. И. Арнольдов публично озвучивал некоторые формулы из запретного тогда «Доктора Живаго» Б. А. Пастернака, в частности, мысль об истории «как о второй вселенной, воздвигаемой человечеством в ответ на явление смерти с помощью явлений времени и памяти» [23. С.77.]. Равным образом, некоторые другие его мысли, будучи усвоены М. Х. Герандоковым, может быть, исподволь готовили его к тому, чтобы выйти в будущем за рамки господствовавшего тогда сугубо классового марксистского подхода к явлениям культуры. Так, А. И. Арнольдов считал, что культура жива, пока она верна истории, что чувство истории рождается и привносится страданием народа, качеством его жизни, его способностью адаптироваться к этой жизни. Традиции, считал Арнольд Исаевич, – это опора и своего рода «несущая конструкция», сохраняющая жизнь культуры, ее облик, ее качество. Арнольд Исаевич интересовался успехами аспиранта кафедры М. Х. Герандокова, в котором ему импонировала требовательность к себе, желание осмыслить эмпирический материал, чтобы понять взаимосвязь и взаимообусловленность прошлого и настоящего. М. Х. Герандоков не раз обращался за советом к Арнольду Исаевичу, чтобы выстроить разрозненные факты в одно стройное целое [5. С. 35-36]

В такой научной среде и условиях формировалось мировоззрение, историко-философские взгляды М. Х. Герандокова, которые были сориентированы старшими наставниками на изучение тенденций в развитии национальной культуры народов Кабардино-Балкарии с учетом общекультурных и национальных традиций. В соответствии с их рекомендациями была избрана тема кандидатской диссертации «Становление и развитие социалистической культуры народов Кабардино-Балкарии (1921-1937 гг.)».

М. Х. Герандоков своевременно представил к защите диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Основные положения кандидатской диссертации были изложены в 12 научных статьях и монографии: «Культурное строительство в Кабардино-Балкарии (1917-1940 гг.)», изданной в 1974 г. Она представляла собой попытку осмысления процесса формирования культуры нового типа, содержала значительный материал, характеризующий реальную культурную ситуацию, приближающийся к пониманию культуры как системы мировоззренческих категорий, этических и эстетических ценностей и норм, которыми руководствуется общество.

М. Х. Герандоков успешно защитил диссертацию в Кабардино-Балкарском государственном университете в 1977 г. Первым оппонентом была доктор исторических наук, профессор Л. М. Зак, в то время веду-

щий отечественный специалист в области теории и истории культуры. В своем отзыве она отмечала, помимо прочего, что соискатель «смог отразить особенности исторических условий зарождения основ советского искусства и проблемы приобщения кабардинского и балкарского народов к новой культуре».

Сюжетом очередной монографии М. Х. Герандокова стало интернациональное воспитание в клубах Кабардино-Балкарии, которое занимало центральное место в их деятельности. Монография [8] суммировала десятилетний опыт руководства республиканским научно-методическим кабинетом культурно-просветительной работы Министерства культуры КБАССР. Можно сказать, что автор еще раз попал в точку с выбором темы, соответствовавшей основной линии идейно-политической работы правящей партии. Неслучайно Министерство культуры РСФСР положительно оценивало кабардино-балкарский опыт и популяризировало его в масштабе Российской Федерации на страницах своего официального издания [4. С. 23].

В следующей своей работе М. Х. Герандоков «возвращается» к национальному и традиционному в культуре. Проблема ставится им, разумеется, в характерном для советского канона марксистско-ленинской методологии ключе, как диалектика взаимодействия национального и интернационального в культурной сфере [14]. Здесь была сделана попытка осмыслить роль общекультурных начал понятия «эстетика» в национально-региональном аспекте трансформирующегося общества. Исходный тезис заключался в том, что эстетические способности человека формируются не пассивным созерцанием и наблюдением, а его социальной активностью, реализуемой через систему учреждений воспитания, образования, культуры, средств массовой информации. Отдавая должное народным традициям как исторически сложившемуся «социальному продукту», автор отстаивает концепцию движения «к интернациональному – через национальное», считая этот путь более плодотворным для сохранения и развития лучших сегментов национальных культур и традиций.

Связывая с ними исследование вопросов эстетического воспитания на Северном Кавказе, автор не замыкался только на учете особенностей менталитета горских народов и их художественной культуры. М. Х. Герандоков исходил из их общности исторических судеб, духовной жизни, этикета, культуры жизнеобеспечения и пытался понять закономерности развития искусства в советскую эпоху, давшей мощный импульс процессам формирования новой эстетической культуры в послевоенный период. Под влиянием русской культуры северокавказские народы успешно освоили такие новые сферы художественной культуры, как живопись, скульптура, ставшие важным средством эстетического воспитания.

Возглавив в 1980 г. республиканское отделение «Союзпечать», Михаил

Хамзетович заинтересовался историей создания предприятия. В 1985 г. в Москве вышла его монография «Опыт работы по распространению печати на Северном Кавказе» [13]. Специалисты отметили, что он первым в Министерстве связи СССР обобщил опыт деятельности крупнейшего регионального агентства «Союзпечати», так как до него эту проблему рассматривали в узколокальных или хронологических рамках [22. С. 22].

После выхода указанной монографии М. Х. Герандоков приступил к углубленной разработке истории кабардино-балкарской республиканской периодической печати, и через четыре года выходит ее продолжение на материалах Кабардино-Балкарии [7]. Проблемное поле, открытое М. Х. Герандоковым, стали осваивать и вширь, и вглубь исследователи других автономий Северного Кавказа [1; 2; 20; 25].

Дальнейшие шаги в научной и практической деятельности М. Х. Герандокова представляли собой интеллектуальный ответ на кризис конца XX века. В середине 1980-х гг. М. Х. Герандоков уже хорошо известен в научном сообществе кавказоведов как эксперт по истории национальной культуры. За его плечами более 80 публикаций, в том числе 7 монографий, и знак признания – присвоение почетного звания «Заслуженного работника культуры КБАССР». Его организаторская и научная деятельность находит признание среди коллег и руководства ведомства, в котором он трудится. В 1985 г. журнал «Распространение печати» посвящает ему передовую статью под названием «Позиция руководителя», в 1989 г. публикуется отзыв на его монографию «Из истории развития печати в Кабардино-Балкарии», а в 1990 г. тот же журнал помещает статью М. Розенберг «Ни дня без строчки», в которой создан личностный портрет Герандокова-исследователя. В 1992 г. М. Х. Герандоков был удостоен звания «Заслуженный работник культуры Российской Федерации».

Однако в этот же период идеологическая, политическая и общественная система, в рамках которой сформировался, работал и проводил исследования М. Х. Герандоков переживает глубокий кризис, завершившийся ее крушением. Это отразилось и на научной карьере М. Х. Герандокова. В 1984 г. он поступил в докторантуру Академии общественных наук, чтобы обобщить накопленный эмпирический материал по истории культуры народов Северного Кавказа, подготовить и защитить докторскую диссертацию. В 1987 г. он представил докторскую диссертацию на обсуждение. Несмотря на положительный отзыв известных специалистов, работу не выставили на защиту по политико-идеологическим мотивам. К этому времени «перестройка» уже вызвала необратимые последствия в идеологии и политике, предопределившие методологический кризис общественных и гуманитарных наук. Жестким атакам подверглась историческая наука, пережившая серьезную трансформацию и ломку прежних стереотипов.

М. Х. Герандоков как честный рядовой коммунист искренне верил в идеалы социализма и тяжело переживал развал великой страны, испытывал кризис личной мировоззренческой идентичности. Все его научные труды, базировавшиеся на марксистской методологии, ставились под сомнение, с чем ему было трудно согласиться. Вместе с тем, в новых условиях появлялись возможности свободного научного поиска, утверждался плюрализм мнений и подходов, в научный оборот вводились новые архивные источники, открывались для исследования ранее «закрытые» темы. Проблематика культурного дрейфа национальных регионов на фоне обострения межнациональных отношений в стране превратилась в один из узловых пунктов общественных и научных дискуссий. В них все громче звучала тема «возрождения национальных культур».

Проблема взаимодействия национального и интернационального, находившаяся в центре интересов М. Х. Герандокова, вновь актуализировалась в условиях активного насаждения в стране «транснациональных» ценностей и форм культуры, базирующихся на принципах либерализма. По свидетельству М. Х. Герандокова, его прельщали достоинства цивилизационного и модернизационного подходов, но огульная критика формационного подхода ему тоже претила. Для себя он решил, что следует использовать достоинства каждого из них, не впадая в «левые» и «правые» крайности. Он осознает недостатки своих прежних выводов, обусловленных догматическими препонами, недоступностью засекреченных источников. Результатом переосмысления прежних и поиска новых подходов стала подготовленная в соавторстве с В. З. Герандоковой монография «Культурная революция в национальных регионах: миф или реальность», увидевшая свет в 2003 г. [19]. Принципиальная новизна подхода к категории культурной революции заключалась в понимании ее исторической функции. Подлинная культурная революция, по мысли авторов, решает сложнейшую задачу – трансформировать национальную культурную традицию так, чтобы она могла вписаться в мировую цивилизацию. Это положение дало критерий для оценки культурных преобразований советского периода. В новом прочтении смысла культурной революции на первый план выступали два вопроса. Во-первых, как соотносятся ее преобразовательные и разрушительные для национальных культурных ценностей аспекты. Зачастую подлинные ценности национальной культуры идеологически подавлялись, и люди усваивали лишь отдельные элементы культурного наследия, и даже не самые ценные для развития и самореализации [3. С. 191-193]. Во-вторых, о соотношении формы и содержания культурных трансформаций. Фактически советских людей ориентировали на усредненную культуру, а высшие культурные ценности воспринимались и осваивались лишь узким кругом духовной элиты, ограниченной в

национальных регионах. В этих условиях оказывалось, что «никакая впечатляющая статистика о подготовке вузовских специалистов, об учреждениях культуры отнюдь не свидетельствует о том, что культурная революция осуществилась» [19. С. 72-73.]. Специалисты в этой области справедливо отмечали, что «...за повседневностью решаемых мер культурной революции оставался незамеченным человек. Дефицит его культуры, воспитанности обозначался во всех национальных регионах» [21. С. 114-125].

Распад СССР привел к установлению однополярного мира во главе с США, монополизировавшими сферы мировой экономики, политики и культуры, диктуя всем свои нормы жизни. Гегемония в культурной сфере, попытки «причесать» все остальные страны под американские стандарты культуры воспринимаются в мире неоднозначно. Что касается народов Российской Федерации в целом, народы Северного Кавказа, в частности, наглядно потянулись к своим истокам – ценностям традиционной культуры. Возрождаются более жизнеспособные сегменты традиционной культуры, способные адаптироваться к новым реалиям и противостоять деструктивным процессам. Свое отношение к этим вопросам выразил и М. Х. Герандоков в серии публикаций в 2000-2020 гг., где воплотились новые приоритеты его научных изысканий: переосмысление целей и итогов культурной революции в национальных регионах [9; 12; 16], межнациональные отношения и этническая идентичность [10; 18], эстетическое развитие [17], перспективы этнических культур в условиях глобализации [15], диаспора и национальная культура [6].

Наконец, в 2019 г. вышла в свет новая монография М. Х. Герандокова, отражавшая позицию автора в вопросе о вызовах и перспективах этнической культуры в условиях процессов глобализации [11]. Автор предваряет свою работу обзором ключевых понятий: «культурная революция», «национальная культура», «культурная преемственность», «интеграция», «вестернизация», «ассимиляция», «гибридизация» и др. Суть глобализации он видит в том, что «на место прежней "изоляции" локальной культуры приходит сближение, усреднение и интернационализация типов культуры потребления, образов жизни, источников и содержания социальной информации» [11. С. 306].

В фундаментальном труде переосмыслены результаты культурной революции на Северном Кавказе с признанием как ее бесспорных достижений, так и факта незавершенности. Но, рассматривая культурную революцию как перманентный процесс во времени, автор предлагает добиваться ее конечной цели с поправкой на социально-политические реалии современной России. Ратуя за сохранение и развитие национального наследия, как части общероссийского культурного кода, он признает неизбежность эволюции исторического контекста национальной культуры под влиянием глобализации.

«В новых исторических условиях, – отмечал М. Х. Герандоков, – важен не количественный аспект культурной революции, а качественный. Субъектом восприятия и усвоения культуры должен стать не новый человек, а человек культуры... нового национального самосознания, толерантный, способный вписаться в систему новых национальных отношений...» [11. С. 324]. Он предлагает разработать федеральную целевую программу «Национальный культурный проект» и добиваться поддержки государства для определения перспектив национального бытия в трансформирующемся российском социокультурном пространстве. Новая культурная парадигма, с сегментами устойчивых традиционных культурных ценностей, как части достижений мировой цивилизации, должна стать альтернативой массовой культуре.

Подводя итоги приведенного материала, отметим, что жизнь и научные поиски М. Х. Герандокова – это яркая иллюстрация того, как в судьбе одного человека отразились противоречивые тенденции развития национальной культуры в условиях российских трансформаций XX-XXI вв.

Его образование, становление как личности и его профессиональная деятельность в известном смысле служат зеркалом советской культурной революции, как она совершилась на Северном Кавказе. Две характерные черты бросаются в глаза при общем взгляде на его жизненную и профессиональную карьеру. Во-первых, он вполне успешно вписался в советскую общественно-идеологическую систему, работал по ее правилам, адаптировался к каждому новому этапу ее эволюции и получил признание со стороны государства как эффективный руководитель. Во-вторых, в каждой профессиональной сфере и на каждом этапе своей карьеры он совмещал практическую деятельность с интеллектуальным поиском, стремлением охватить более широкое историческое, социальное и культурное значение той конкретной отрасли, в которой он работал.

Это позволяет характеризовать его не просто как советского служащего, профессионала, руководителя, но как интеллектуала и интеллигента в том смысле, который это понятие приобрело в российской культуре. Логичным стал приход М. Х. Герандокова в науку. В отличие от приобретения ученых степеней чиновниками и бизнесменами постсоветского периода он получил полноценную научную подготовку в аспирантуре и докторантуре в столичных научно-образовательных центрах и стал профессиональным ученым.

Научная и производственная деятельность М. Х. Герандокова была высоко оценена государством. Награжден Высшей государственной наградой республики «Почетная грамота Президиум Верховного Совета КБАССР» (1985 г.). В 1986 г. присвоено звание «Заслуженный работник культуры КБАССР», а в 1992 году удостоен звания «Заслуженный ра-

ботник культуры Российской Федерации». Он – академик «Адыгской (Черкесской Международной академии наук» (АМАН, 2007 г.; академик Общественной Академии наук, культуры, образования и бизнеса Кавказа (2013 г.), обладает почетными званиями: «Топ-менеджер Российской Федерации» (2006 г.), «Почетный профессор Современного гуманитарного университета (СГИ)» (2012 г.), «Научный консультант ОАО «Роспечать» (2009 г.), «Почетный гражданин сельского поселения Плановское Терского района КБР» (2017 г.); государственными наградами: орденами «Во славу Отечества» (2006 г.), Международный Золотой орден «За честь и достоинство» (2015 г.), «За служение Державе Российской Словом и Делом» (2017 г.); медалью Российского Лермонтовского комитета «70 лет со дня рождения В. М. Кокова».

Отмечая научные достижения Михаила Хамзетовича, будет объективно и справедливо упомянуть его супругу – Веру Зачиевну, выпускницу МГУ отделения журналистики 1969 г., окончившую курсы библиотечного дела Московского государственного университета культуры и искусств, заслуженного журналиста КБР, основателя и главного редактора научно-практического журнала «Известия Кабардино-Балкарского государственного аграрного университета им. В. М. Кокова» и газеты «Академическая жизнь». Более двадцати лет Вера Зачиевна руководила этими изданиями и находила время быть соавтором отдельных научных публикаций Михаила Хамзетовича, что значительно поддерживало его исследовательский тонус.

Как видно, в лице Михаила Хамзетовича Герандокова мы имеем признанного учёного. Прогнозируя будущее национальной культуры, он внес заметный вклад в историко-философскую науку. Он всегда шел к поставленной перед собой цели, и принцип «ни дня без науки» объективно отражается в его творческой биографии. И высокие государственные награды, и звания, которых он удостоился, Михаил Хамзетович заслуживает в полной мере.

Редакция журнала «Литературная Кабардино-Балкария» сердечно поздравляет Михаила Хамзетовича Герандокова со славной датой – 85-летием со дня рождения, желает крепкого здоровья и кавказского долголетия!

Литература

1. *Ахмедов Дж. Н.* Национальная печать Северного Кавказа. 1917-1937 гг. – Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1989. – 131 с.
2. *Ахмедов Дж. Н.* Опыт КПСС в создании и развитии национальной печати малых бесписьменных народов СССР. 1917-1937 гг.: автореф. дисс. ... доктора ист. наук. – Москва. 1990.

3. *Бгажноков Б. Х.* Рецензия на монографию М. Х. Герандокова и В. З. Герандоковой «Культурная революция в национальных регионах: Миф или реальность» // Литературная Кабардино-Балкария. – 2005. – № 4. – С. 191-193.

4. Вспомним всех поименно. Из опыта военно-патриотического и интернационального воспитания культурно-просветительных учреждений // Информационный выпуск Министерства культуры РСФСР. – 1975. – № 2. – С. 22-24.

5. *Газарова И. М.* Человек и в малом, и в большом должен творить для грядущего. – Нальчик: «Принт-Центр», 2019. – 348 с.

6. *Герандоков М. Х.* Диаспора и национальная культура: проблемы и решения // Доклады Адыгской (Черкесской) Международной академии наук. – 2012. – Т. 14. – № 1. – С. 161-168.

7. *Герандоков М. Х.* Из истории развития печати в Кабардино-Балкарии. – Нальчик: «Эльбрус», 1989. – 154 с.

8. *Герандоков М. Х.* Интернациональное воспитание в клубах Кабардино-Балкарии. – М.: «Советская Россия», 1978. – 128 с.

9. *Герандоков М. Х.* Культура и цивилизация в национальных регионах: история подмены понятий // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2006. – № 1. – С. 50-58.

10. *Герандоков М. Х.* Мифологизация межнациональных отношений и реальность национальных конфликтов // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2005. – № 2. – С. 44-55.

11. *Герандоков М. Х.* Национальная культура. Проблемы сохранения самобытности и дальнейшего развития в современных условиях. – Нальчик: Принт-центр, 2019. – 332 с.

12. *Герандоков М. Х.* Национальное самосознание и культурная революция // «Научная мысль Кавказа». Приложение. – 2007 – № 2. – С. 1-9.

13. *Герандоков М. Х.* Опыт работы по распространению печати на Северном Кавказе. – М.: Радио и связь, 1985. – 131 с.

14. *Герандоков М. Х.* Опыт эстетического воспитания на Северном Кавказе. – М.: «Советская Россия», 1981. – 144 с.

15. *Герандоков М. Х.* Проблемы и перспективы этнической культуры в условиях процессов глобализации // Известия Самарского научного центра РАН. – 2010. – № 2. – Т. XII. – С. 300-302.

16. *Герандоков М. Х.* Проблемы преемственности культурного наследия // Известия Кабардино-Балкарского государственного аграрного университета. – 2015. – № 1. – С. 115-123.

17. *Герандоков М. Х.* Эстетическое воспитание и эстетическое развитие: иллюзии и реальность // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2007. – № 4. – С. 27-30.

18. Герандоков М. Х. Этничность или этническая идентичность: теоретический аспект // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2009. – № 2. – С. 28-35.

19. Герандоков М. Х., Герандокова В. З. Культурная революция в национальных регионах: миф или реальность. – Нальчик: «Эль-фа», 2003. – 204 с.

20. Корнилов Е. А. Советская печать Дона и Северного Кавказа. 1917-1925: Историческая типология. – Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 1984. – 151 с.

21. Кушова А. Ф., Атабиева З. А. Духовная жизнь общества: социально-философский анализ // Актуальные вопросы современной науки. Сборник научных трудов. Выпуск 37. Новосибирск, 2014.

22. Магомедов А. А. Трудовой подвиг прессы. Борьба партийно-советской печати национальных областей Северного Кавказа за решение задач хозяйственного и культурного строительства в 1921-1925 гг. – Нальчик: «Эльбрус», 1977. – 163 с.

23. Пастернак Б. А. Доктор Живаго: Роман. – М.: Советский писатель, 1989. – с.77.

ИСТИННЫЙ ПАТРИОТ РОССИИ

К 80-летию М. М. Хафицэ

У каждого человека есть друг, который является частью его жизни, с ним можно разделить и горе, и радость, к нему всегда можно обратиться со своими сомнениями, выслушать его совет. Одним из таких добрых моих друзей является Мухамед Хафицэ.

Мы встречаемся нечасто, примерно раз в месяц-два, но созваниваемся несколько раз в неделю. И как приятно бывает при встрече или в разговоре по телефону услышать его слова: «Как хорошо, мой старший брат, что мы с тобой увиделись... Как хорошо, что я услышал твой голос». Первый его вопрос обязательно о здоровье и моих делах. Мы радуемся каждой встрече, во многом поддерживаем и помогаем друг другу. Нам всегда есть о чем поговорить: вспоминаем историю наших предков, начиная с далеких времен и заканчивая событиями дней сегодняшних. Нас одинаково волнуют и проблемы малой родины – Кабарды и Адыгеи, и большой страны – России. Задумываемся о том, как донести эти мысли и размышления до людей разных национальностей.

Мы оба – писатели. Думы и чаяния адыгов нам очень близки, но все же главными остаются заботы о нашей любимой стране. Мухамед – талантливый журналист, главный редактор газет «Нарт», «Черкесское зарубежье», «Хасэ», являющихся связующим звеном трех братских республик – Адыгеи, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии, а также наших соотечественников, живущих за рубежом.

Мухамед Хафицэ – неутомимый общественный деятель, который поддерживает национальное самосознание адыгов, побуждает своих соплеменников смотреть далеко вперед. Он настоящий интернационалист в лучшем смысле этого слова. Много внимания мой младший брат уделяет укреплению добрососедства, дружбы и сотрудничества между народами.

С Мухамедом Хафицэ мы родились в адыгских семьях, проживающих в разных местах Кавказа. Места эти далеки друг от друга, но родители воспитали нас согласно адыгэ хабзэ – неписаной конституции родного народа.

М. Хафицэ родился в селении Заюково (Кабардино-Балкария), я – в ауле Шхашефиж Краснодарского края. Познакомились мы в 1969 году. Мне было тридцать девять, Мухамеду – двадцать три года. Удивительно, что мы встретились в Сирии, где живут мухаджире, вынужденно покинувшие родную землю во время Кавказской войны. Нас свела общая беда адыгов, произошедшая более 150 лет назад. Их судьба болью отозвалась в наших сердцах. Сегодня эту боль ощущают

М. М. Хафицэ

*Москва, октябрь
1964 г.*

не только в Адыгее, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии, но и черкесы, проживающие во многих странах мира.

С той поездки прошло пятьдесят семь лет, но я до сих пор хорошо помню ее. Мы встречались не только с адыгами, но и арабами, курдами, армянами, представителями других национальностей. Целью нашей делегации было увидеть жизнь и быт адыгов в далекой ближневосточной стране. Мы встречались с ними в Дамаске и на его окраинах, в заброшенных домах и недостроенных жилищах. Черкесам пришлось покинуть Голанские высоты после израильско-арабской войны 1967 года.

М. Хафицэ всегда волновали проблемы людей всего мира. Он пишет статьи, имеющие большое гражданское звучание. Я уверен, что эти статьи и его книги будут служить опорой в деле воспитания нашей молодежи. Идеями мира и добра Мухамед объединяет людей разных национальностей, живущих на нашей планете.

О добрых делах человека можно судить по тому, во имя чего он использует свой талант, насколько честно и справедливо трудится на благо народа и родной державы. М. Хафицэ – один из тех, кто беззаветно работает и живет для людей своей большой страны. Его достижения можно поставить в один ряд с теми, кто внес свой вклад в адыгскую журналистику и литературу. На родном языке вышли его книги «Моя надежда – моя ладья», «Звезды на небе и на земле», «Черкесские мамлюки», «День Победы», «Вся жизнь на виду», «Разбросаны адыги по белому свету» и другие. На русском языке опубликованы «Синие горы Кавказа», «Одна судьба – одна дорога», «Юрий Темирканов», «Алим Кешоков: всадник чести», «Инна Кашежева: Кавказ надо мною», «Исхак Машбаш: формула нравственности», «Черкесы в Израиле», «Точка отсчета», «Кабардино-Балкария: к России, с Россией, в России», «Юрий Калмыков: адыгский Прометей» и др. Они вошли в сокровищницу адыгской литературы. Кроме того, М. Хафицэ сейчас издает 50-томную серию «Черкесика». Увидели свет первые двенадцать книг – кавказские поэмы М. Лермонтова в оригинале и на кабардино-черкесском языке в переводе Руслана Ацканова, роман Б. Шинкубы «Последний из ушедших», повесть М. Лохвицкого «Громовый гул», диалогия В. Ворокова «Амышев аул», трилогия А. Кануковой-Фировой «Хатты», избранные стихи И. Кашежевой, и др.

Наравне с изданием книг, газет и журналов Мухамед Хафицэ ведет большую общественную работу. Он – тхамата «Адыгэ Хасэ» КБР, член Совета Международной черкесской ассоциации, вице-президент АМАН. Благодаря его стараниям глава Кабардино-Балкарской Республики две-

надцать лет назад издал Указ о праздновании Дня адыгов (черкесов). Мой друг является организатором конкурса-фестиваля «Язык мой – душа моя, мой мир». Он более шестидесяти лет следит за жизнью наших соотечественников за рубежом, делит с ними радости, беды и тревоги.

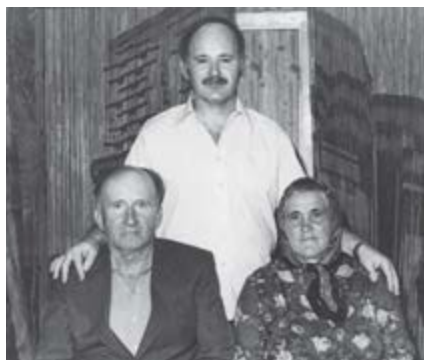
Заслуга Мухамеда Хафицэ перед родным народом еще и в том, что он собрал богатый материал о выдающихся черкесах – государственных, политических и общественных деятелях, военачальниках, ученых и писателях, композиторах и артистах, художниках, спортсменах – всех тех, кто прославил свой народ на родине и за рубежом. Он не только собрал богатейший, уникальный материал, но и систематизировал, издал и показал его по телевидению и представил на семи выставках в Национальных музеях КБР и КЧР.

М. Хафицэ собрал, обработал, сделал подстрочные переводы произведений 120 поэтов и прозаиков черкесского зарубежья. Этим он подчеркнул: несмотря на то, что они творят в разных странах, их взгляды обращены на три республики Российской Федерации, в которых адыги живут на своей исторической родине. Это и многие другие издания моего друга стали мостом, соединяющим всех черкесов, в каком бы уголке мира они ни жили. Это служит напоминанием о том, что мы единый народ и обогащаем наравне со своей мировую историю и культуру.

Мухамед Хафицэ хорошо знает историю адыгов, их обычаи и этикет. У него широкое мировоззрение, четкий ум и беспокойная душа. Он давно собирает портреты знаменитых соплеменников, начиная с черкесских мамлюков (1382–1517 гг.), правивших Египтом и Сирией, кабардинских Черкасских, служивших верой и правдой России, и заканчивая современными адыгами, достигшими больших высот на государственном и политическом поприще, в науке, литературе, искусстве, культуре и спорте. Если портреты людей не сохранились, М. Хафицэ работает с художниками над реконструкцией образа известного соотечественника. Так Мухамед Хафицэ расширяет историческую память наших предков.

У него бесконечные интересы и заботы. Есть темы, которые далеки от того дела, которым он занимается. Если его спросить о лошадях кабардинской породы, он назовет не только их «подноготную», но и поведаст много интересного по этой теме, сопровождая свой рассказ цифрами, фактами, подробностями и к месту сказанными шутками.

Несколько лет назад нам представилась возможность вместе с президентом Международной чер-

С родителями, 1981 г.

кесской ассоциации Хаути Сохроковым в течение семи дней посетить Турцию, Иорданию и Израиль. Тогда мне открылся еще один талант Мухамеда Хафицэ. Закончив свои дела, связанные с «Адыгэ Хасэ», в Бурсе и Анкаре, мы отправились в Стамбул. Дорога была дальняя, предстояло проехать на машине более четырехсот километров. В нашей группе, состоявшей из четырех человек, был и Доган Кушха, проживающий в Турции. После часа езды Хаути Сохроков, зная о певческом таланте Догана, обратился к нему: «Спой, пожалуйста, нам одну из своих песен. Мы с Мухамедом тебе подпоем, а Исхак послушает». Прошло с полчаса, и я понял, как отлично поют мои спутники. Но больше всего меня поразило пение М. Хафицэ, у него оказался прекрасный тенор. Я не удержался и сказал: «Оказывается, ты, Мухамед, – виртуозный певец». – «Рад это слышать, – тут же откликнулся он. – Но признаюсь тебе: я не умею танцевать». – «Как хорошо, что у тебя есть хоть один недостаток», – ответил я шуткой моему младшему брату и доброму другу.

Мухамед Мусабиевич Хафицэ, 80-летие которого мы отметим в конце марта этого года, – истинный патриот России, честно служащий своему народу, принимающий на себя заботы и тревоги всех черкесов, где бы они ни жили.

Живи и здравствуй, мой брат! Желаю тебе крепкого здоровья, пусть достаток всегда будет в твоём доме, пусть твоё добродушие отзовется в твоих детях и внуках. И ещё желаю, чтобы ты был счастлив в стране, где можно спокойно жить и работать на благо родного народа и любимого Отечества.

*Исхак Машбаи,
народный писатель Адыгеи, КБР, КЧР, Абхазии,
лауреат Госпремий КБР, СССР и РСФСР,
Герой Труда РФ*

КРЕДО ПЕРВОПРОХОДЦА

В связи с юбилейной датой Мухамеда Хафицэ, подводя итоги половины пройденного им жизненного пути, можно говорить о блестяще выполненной миссии. За большой труд, проделанный им по возвращении из многих стран, где живут адыги, открытие художественных творений писателей, художников, композиторов, сказителей, народных певцов, хранителей мифоэпических традиций, изустных текстов нартского эпоса можно было бы дать Мухамеду Хафицэ степень доктора наук и звание профессора. Но сегодня он гордится самыми почетными для любого черкеса званиями действительного члена Адыгской Международной академии наук, заслуженного журналиста КБР, КЧР, Адыгеи, заслуженного работника культуры Российской Федерации.

Добытые Мухамедом материалы все еще остаются недостаточно осмысленными. Предстоит большая работа историков, этнологов, филологов, культурологов, исследующих проблемы черкесской диаспоры, мухаджирства и его последствий, по освоению огромной источниковедческой базы, созданной неутомимым первопроходцем.

*Х. Кармоков, А. Кешоков, М. Кармоков,
М. Хафицэ, 1981 г.*

Без доказательного материала, сосредоточенного в таких первых по заявленной теме публикациях Мухамеда Хафицэ, как его книги «Моя надежда – моя ладья» (1982), «Звезды на небе и на земле» (1984), «Вся жизнь на виду» (1988), «Адыгские мамлюки» (1994), «Разбросаны адыги по белому свету» (2000), «Черкесы в Израиле» (2000), «Наследие» (2004), «Звезды бледнеют на чужбине» (2006) и других, сегодня нельзя обоснованно говорить о восстановлении целостной судьбы народа в его историческом и культурном аспектах.

Благодаря кропотливым усилиям Мухамеда, его неутомимой просветительской деятельности, частью нашей сегодняшней художественной культуры стали имена поэтов и прозаиков средневекового Египта, Иордании и Сирии, артистов балета, военных деятелей, спортсменов Турции, США, Германии и Франции.

М. Хафицэ не только восстановил в биографиях судьбы творческой элиты черкесского зарубежья, но и познакомил с их творчеством современников.

С этих позиций следует оценивать и характеризовать творчество общественного деятеля, широко известного публициста, члена Союза писателей и Союза журналистов Российской Федерации Мухамеда Хафицэ.

В поисках составляющего начала художественной культуры черкесов, в стремлении воссоздать ее во всех формах самобытности и национального своеобразия М. Хафицэ бережливо выявляет то, что характеризует и выражает менталитет народа, живущего по законам адыгэ хабзэ.

По его мнению, этикет и эпос «Нарты» помогли самосохранению черкесов, их национальной самобытности, культуры, ставшей по воле судьбы диаспорной.

Мухамед Хафицэ озвучил для народа мир образов писателей и художников, потомков адыгов, чья память сохранила в веках представления черкесов о высоких патриотических качествах героев эпоса «Нарты».

Весь его поисковый путь отмечен чертами, присущими Прометею адыгского эпоса Сосруко, несущему в форме неугасимого факела огонь сердца, призванный обогреть всех страждущих. В этом заключается кредо, установка всей жизни исследователя, исповедующего смысл известного изречения «Светить везде, светить всегда!». В этом помогает ему любовь к людям, своему народу, своей малой родине – Кабардино-Балкарии, начинающейся для него с аула Заюково.

Талант Мухамеда служит объединению разрозненного волей судьбы адыгского народа, возрождению в душах потомков некогда самого многочисленного этноса на Кавказе, тому, что огонь надежды никогда не погаснет в очаге, у которого всегда будет звучать яркое, меткое, обильное слово народа, его родной язык.

Особое место в просветительской деятельности М. Хафицэ отведено родному языку как первооснове культуры. Родной язык для него – первоэлемент творческих усилий. В нем выражаются художественное мировидение писателя, философия воссозданных им образов мира. С пропагандой родного языка как первоэлемента художественной культуры, с осознанием того, чем грозят утрата языка и небрежность по отношению к нему со стороны тех, кто недопонимает важность и роль языка, без которого нет народа, связана вся просветительская, творческая, общественно-политическая деятельность Мухамеда Хафицэ.

В 1996 г. ему было поручено стать директором-организатором института «Адыгская энциклопедия» при Адыгской (Черкесской) международной академии наук, и он блестяще справился с этой важной задачей. За тридцать лет он активно участвовал в подготовке «Адыгской (Черкесской) энциклопедии», издал несколько томов в сериях «Кавказский литературно-исторический Олимп», «Наши знаменитости», «Черкесика», скоро увидит свет «Адыгская иллюстрированная энциклопедия».

Мухамед Хафицэ открыт для диалога культур, пропаганды во всем мире всего лучшего, яркого и самобытного, созданного гением адыгов.

Его душа способна вместить весь мир. Она открыта всем, кто хочет приобщиться к ее богатствам.

Независимо от ранга, всем есть место в кунацких, где Мухамед встречается со своими многочисленными друзьями. Для каждого он находит уголок в своей душе, отзывчивой, теплой и согревающей.

В его уютном кабинете царит творческая атмосфера, которая одухотворяется книгами уникального издательского центра «Адыгская энциклопедия», портретами исторически знаменитых соотечественников.

Никто никогда не видел Мухамеда хмурым, озлобленным и недоброжелательным. Обиды переносит стоически, стараясь перешагнуть их и идти дальше дорогой добра и света.

Таков он от Бога. М. Хафицэ никогда не изменяет вековой традиции адыгов – гостеприимству.

Любовь к родному слову, традиционной культуре народа предопределена истоками его творческого дара. Как признается Мухамед, в доме его отца всегда звучали героические пшинатли о нартах.

Верный своему долгу и предназначению, писатель и журналист М. Хафицэ колесит по всему миру, чтобы добыть правду о судьбе затерявшейся во времени неповторимой культуры адыгов.

Своими делами он пробуждает у сограждан добрые чувства, любовь к родному очагу, ратует за добрососедские и братские отношения между народами.

Все это характеризует незаурядность личности М. Хафицэ как образ человека, шагающего по планете с сумой на плечах, добывающего по крупицам свидетельства былой славы черкесского этноса.

Вступив в пору мудрости, Мухамед Хафицэ, наделенный космической энергией, наверняка, продолжит свои поиски, пока не износятся выкованные нартским кузнецом Тлепшем железные чувяки, не изотрется посох, служащий надежной опорой паломникам на тропах истории.

Не является случайностью, простым совпадением и то, что возглавляемая им газета называется «Адыгэ псалъэ» («Адыгское слово»), символично и название его газеты «Черкесское зарубежье». Мухамед Мусабиевич полон сил, энергии, замыслов. Прделанное им вполне соотносимо с высотой Эльбруса, на которую всегда держали равнение народы Кавказа.

*Лейла Бекизова,
доктор филологических наук, профессор,
вице-президент АМАН
Черкесск, 2021 г.*

МУХАМЕДУ ХАФИЦЭ

Пока тебя враги не оставляют,
Пока для них ты чем-то нехорош,
Подножки ставят, имя затирают,
Не унывай – ты правильно живешь.
Держись, мой брат, стерпи удушье сплетен
И жестче стой среди этой суеты.
Не по нутру им то, что путь твой светел,
Дела твои и помыслы чисты.
Когда идешь достойною дорогой,
Когда мечта высокая зовет,
Нелишне знать, что в жизни этой строгой

Коварства яд тебя не обойдет.
К несчастью, жизнь еще не опровергла
Мудрейшего, который нам изрек,
Что счастье и удачу человека
Всегда пронзает зависти клинок.

*Анатолий Бицуев,
народный поэт КБР*

ДУША – НАРАСПАШКУ, СЕРДЦЕ – НАСТЕЖЬ

Моему другу и тезке Мухамеду Хафицэ в эти дни исполняется 60 лет. Такой возраст у горцев принято считать зрелой порой мужчины, его совершеннолетием. И это, как аксиома, оспариванию не подлежит.

С Мухамедом я знаком давно. Будучи студентом филологического факультета, он редактировал газету «Университетская жизнь». Целеустремленный молодой журналист учился чувствовать слово, свободно и широко излагать свои мысли, оттачивал перо. После учебы за короткое время смог стать одним из ведущих сотрудников газеты «Советская молодежь». Создал литературный кружок, куда охотно шли многие начинающие пробовать свои силы в поэзии и прозе. Радовался успехам наиболее одаренных, помогал им, печатал их произведения. И моим стихам, бывало, одним росчерком пера открывал дорогу к читателю.

Годы шли, шагал и Мухамед своей тропой, любя жизнь и людей. Шел, образно говоря, взяв себе в попутчики честность, решительность и правду. Опытный журналист и литератор, он работал редактором отдела художественной литературы издательства «Эльбрус». Был главным редактором журнала «Точка зрения».

Где бы ни работал Мухамед, как гражданин, как сын своего народа всегда оставался страстным пропагандистом Кабарды, ее просветителей, писателей и поэтов, деятелей культуры и искусства.

Таков М. Хафицэ и сейчас, когда возглавляет газету «Адыгэ псалъэ». Ищет, находит, порой по крупицам собирает все, что имеет отношение к истории и судьбе адыгов. Неугомонен в этом деле он, неутомим. Каждый значительный факт, связанный с прошлым, занимает его и радует.

Результатом его поисков и кропотливой работы над малоизвестными материалами, сведениями, проливающими свет на исторический путь родного народа, стала книга «Адыгские мамлюки» – о черкесских султанах, которые 135 лет правили Египтом и Сирией.

Мой собрат по перу – член Союза писателей России, человек высо-

кой культуры, добрый, скромный, отзывчивый, готовый помочь не только друзьям и близким, но и другим, кто нуждается в его участии и поддержке. О таком человеке говорят: душа – нараспашку, сердце – настежь.

В наше многотрудное время, когда почти во всех сферах жизни полная неразбериха, когда каждый стремится любым путем выжить, сохранить в себе все человеческие качества не так-то просто. А Мухамед Хафицэ из тех, кто не теряет их. За все хорошее в нем мы должны благодарить его отца Мусаби. Он, убеленный сединой, живет, слава Богу, по-прежнему на берегу реки Баксан в селении с гордым названием Заюково, занимается хорошо ему знакомым крестьянским трудом. Возделывает огород, собирает урожай, ухаживает за скотом. И, конечно же, всегда с нетерпением ждет своего сына из Нальчика, чтобы снова встретить его, веселого, улыбающегося, на пороге родного дома. Пусть он не увидит горя, не испытает боли!

*Магомет Мокаев,
народный поэт Кабардино-Балкарии
2006 г.*

НЕРУКОТВОРНЫЙ ПАМЯТНИК

За каждым юбилейным торжеством кроется небольшая грустинка: публично подтверждается тот факт, что у тебя уже не та стать, не тот блеск в глазах, не та энергия, не те желания, не та улыбка, не те сведения, не тот порыв и даже, извините, не та прическа.

Но все же, все же, все же!..

Если ты главный редактор газет «Адыгэ псалъэ», «Нарт», «Черкесское зарубежье», признанный журналист, публицист, эссеист, очеркист, документалист, турист, арабист, мамлюкист, черкесист, кандурист, темирканист... словом, если ты всевозможнист – надо уже смело приватизировать один из освободившихся пьедесталов на обширном пространстве восстанавливаемого Зюгановым СССР.

Что и было сделано моим другом Мухамедом Хафицэ еще в 1968 году, в наши сравнительно безоблачные студенческие годы. Право на приватизацию этого пьедестала он заслужил и подтвердил, как говорят в таких случаях, неустанным и кропотливым трудом, результатом которого стали книги, книги и еще раз книги.

Искренне поздравляю тебя, мой старый, но еще признаваемый женщинами друг, с 60-летним юбилеем.

*Борис Утижев,
народный писатель КБР
(«Советская молодежь», 30 марта 2006 г.)*

НЕПОДДЕЛЬНОЕ АДЫГСТВО

Что характеризует Мухамеда Хафицэ? Прежде всего его поразительная работоспособность, разносторонний талант, неподдельное адыгство, организованность, джентльменство, скромность и еще осознание необходимости всего, что он делает для родной истории и культуры.

Адыги говорили: воспитывать мальчика – значит растить настоящего мужчину, воспитывать девочку – значит заботиться о будущем народа. В лице Мухамеда его родители воспитали настоящего мужчину, который заботится о будущем своего народа.

М. Хафицэ – писатель, журналист, исследователь. Можно с уверенностью сказать, что благодаря ему нашли себя, друг друга многие наши соотечественники, разбросанные волею судьбы по всему миру. Скольких замечательных людей, писателей, ученых, артистов, спортсменов, военных, политических и государственных деятелей с мировыми именами открыл он среди черкесской диаспоры для нас, для грядущих поколений!

Его книги и почитательская деятельность, издаваемые им газеты «Адыгэ псалъэ», «Черкесское зарубежье», «Нарт», «Хасэ» – во всем этом неутомимый и неуемный мой друг Мухамед Хафицэ. Дай-то Бог тебе, дорогой, доброго здоровья и творческого долголетия! Во имя и на радость своему народу!

*Сараби Мафедзев,
писатель, доктор исторических наук,
лауреат Государственной премии КБР
2006 г.*

ЩЕДРОСТЬ И НАДЕЖНОСТЬ

Имя его широко популярно не только в Кабардино-Балкарии, но и далеко за ее пределами. Не стану перечислять его регалии, звания, должности, труды. Их очень много. Да и они известны довольно широкому кругу читателей. Остановлюсь лишь на своем непосредственном восприятии этой незаурядной личности.

Впервые услышал о Мухамеде Хафицэ, когда, вернувшись в 1979 году из Казахстана, стал редактором тырнаузской городской газеты «Горняцкая слава». В тот период часто публиковались его глубокие аналитические статьи и очерки в республиканских изданиях. Я, естественно, не мог не обратить на них внимания.

Однако увидел и услышал его в бурные драматические девяностые годы. Работая вначале в «Кабардино-Балкарской правде», а затем в Министерстве внешних сношений и по делам национальностей КБР, часто

В Адыгэ Хасэ города Уадисир, Иордания, 1972 г.

приходилось бывать на заседаниях Верховного Совета, где разворачивались многочасовые бескомпромиссные, порой доходящие до крайней степени агрессивности и личных оскорблений дебаты. А если называть все своими именами, шла жестокая борьба за власть. Вот тогда-то я стал свидетелем ярких, аргументированных, принципиальных выступлений народного депутата Мухамеда Хафицэ. Те, кто был охвачен живой эйфорией, ослеплен дьявольской злобой и химерическими надеждами, получали от него достойную отповедь.

Особое уважение и восхищение у меня вызывают его целеустремленность, привязанность и верность главному делу жизни. Имею в виду изучение черкесского зарубежья. Более шестидесяти лет М. Хафицэ занимается этой темой. Когда читаешь его книги, просто диву даешься – досконально, пофамильно знает, в каких странах, в каких городах и деревнях живут кабардинцы, черкесы, шапсуги, абадзехи, бжедуги, темиргоевцы, хатукай, убыхи, абазины и абхазы. Он близко знаком с сотнями мухаджиров, ему известна, в хорошем смысле слова, вся их подноготная. Как признался недавно в одном из интервью, своих соотечественников за рубежом он знает лучше, чем братьев и сестер в Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Адыгее и Абхазии.

В связи с этим я подумал об истоках такой одержимости, такого фанатизма и подвижничества. Немецкий писатель-сатирик Георг Лихтенберг сказал, что некоторые ученые накапливают знания только для того, чтобы хвалиться ими и получать какие-то дивиденды. Что же движет М. Хафицэ? Будучи талантливым исследователем, он собрал огромный бесценный материал, издал десятки познавательных книг, статей, очер-

Выставку М. Хафицэ "Черкесское зарубежье" посетила иорданская принцесса Уиждан аль-Хашими. Национальный музей КБР, 2004 г.

ков. На них ссылаются, их цитируют, ими пользуются в школах и вузах. Однако он не стал ни кандидатом, ни доктором наук, ни профессором. Разве его труды не давали ему такой возможности? Давали, даже с лихвой. Мы же видим, как многие сейчас, выпустив художочную брошюрку,

бегут защищаться и получают соответствующую степень.

Я как-то спрашивал Мухамеда об этом. Он, как мне показалось, даже всерьез не воспринял вопрос, отделался шуткой. Видимо, есть в жизни вещи, которые выше наших обыденных понятий и не согласовываются с обывательской логикой. Наверное, главные побудительные причины здесь – тяга к познанию, стремление к истине, любовь к своему народу, его истории, забота о будущем.

Если же говорить о Мухамеде Мусабиевиче как о коллеге, здесь его характеризовать гораздо легче. Он – редактор и журналист высочайшего класса. Долгие годы работы на одном поприще дают мне основание со всей определенностью заявить, что в полиграфическом, издательском, газетном деле ему поистине нет равных в КБР.

Мы оба много лет возглавляем национальные издания. Работа, что скрывать, нелегкая, требующая много сил, времени, нервов, терпения, выдумки, инициативы, ответственности. Ежедневно, ежечасно возникает множество вопросов, порой серьезных. В таких случаях заходим друг к другу, звоним, советуемся, находим оптимальные решения.

Словом, идем по жизни рука об руку, ощущая плечо друг друга. Нас связывают доверительные, дружеские отношения. И это очень помогает нам как можно лучше справляться с возложенными на нас обязанностями, а значит, без всякого преувеличения, позитивно влиять на атмосферу в нашей республике.

Не могу не сказать еще об одном важном обстоятельстве. Мухамед – человек искренний, открытый, порой прямолинейный, резковатый, но справедливый. Льстить кому бы то ни было, подобострастничать, приобретать таким образом чье-то расположение претит ему. Как водится, подобное поведение далеко не всем по нутру, но это его ничуть не беспокоит.

Поражает и его трудоспособность. Для него нет ни выходных, ни

праздников, ни отпусков. Он всегда в делах и заботах. Ему хочется успеть сделать как можно больше доброго и хорошего.

Присущи Мухамеду и уж совсем не модные в наши дни качества – щедрость и надежность. Любому, кто обратится к нему за помощью, он при малейшей возможности не откажет, поддержит, приободрит. Если что-то пообещал, обязательно сделает.

Закончить эти заметки хочется замечательным, на мой взгляд, высказыванием французского философа-гуманиста Мишеля де Монтеня: «Жизнь сама по себе – ни благо, ни зло: она вместилище и блага, и зла, смотря по тому, во что вы сами превратили ее». Мой коллега и друг Мухамед Мусабиевич Хафицэ это хорошо осознает.

*Жамал Аттаетв,
главный редактор газеты «Заман»,
заслуженный работник культуры РФ
2021 г.*

ЗАВИДНАЯ СУДЬБА

Не знающему неумный характер Мухамеда Хафицэ остается только удивляться: когда же он успевает заниматься столькими делами одновременно, вкладывая в каждое из них всю свою душу, отдавая полюбившемуся делу всего себя?!

Вот книги, ставшие весомым вкладом в кабардинскую литературу, известные всей черкесской диаспоре: «Моя надежда – моя ладья», «Звезды на небе и на земле», «Вся жизнь на виду», «Черкесские мамлюки», «Разбросаны адыги по белому свету», «Звезды бледнеют на чужбине»...

Многие художественные очерки, творческие портреты и статьи из этих книг опубликованы в газетах и журналах Москвы, Санкт-Петербурга, Северного Кавказа, Ближнего Востока, Передней Азии, Германии, Франции, США.

Кроме своих книг, М. Хафицэ издал 32 сборника, в которых выступил в качестве автора-составителя. Это сборники поэзии и прозы, публицистики, юмора и сатиры («Синие горы Кавказа», «Истины», «Точка отсчета», «День Победы», «Юрий Темирканов», «Одна судьба – одна дорога», «Ищите женщину!», «Аиссе – черкесская нимфа», «Человечество уцелело, потому что смеялось» и др.).

Остается добавить одно: хорошо, что вслед за признанием читателя пришло и официальное признание несомненных заслуг писателя и журналиста. Сегодня он действительный член АМАН, Петровской академии наук и искусств, Академии творчества, заслуженный журналист КБР, КЧР и Республики Адыгея, заслуженный работник культуры Российской Федерации, награжден Большой золотой медалью Всемирного

фонда Шамиля и абхазским орденом «Честь и Слава», золотой медалью «Слава Адыгеи».

В своих заметках о замечательном исследователе, к сожалению, не могу обойтись и без капли дегтя. Речь идет о нерасторопности нашей критики – до сих пор нет ни одной обстоятельной статьи, в которой объективно оценена многолетняя работа Мухамеда Хафицэ, хотя сам он широко пропагандирует деятельность наших критиков и литературоведов. Верю, что они еще скажут свое слово.

От души рекомендую любознательному читателю, которому дорого прошлое и настоящее родного народа, задумывающемуся о завтрашнем дне своей родины, прочитать замечательные книги Мухамеда Хафицэ.

*Зубер Тхагазитов,
народный поэт КБР
2006 г.*

ПОСОЛ ДОБРОЙ ВОЛИ

Если вспомнить, что Ермак завоевал Сибирь с горсткой казаков, кажется, численностью около восьми десятков, то картина завоевания Кавказа предстанет во всем своем трагическом и историческом величии.

Об этом у Мухамеда в его произведениях сказано немало: из страниц его книг читатель может составить для себя заверченный облик патриота и сына родного народа, давшего немало примеров верности и земле адыгов, и своим традициям, и корневым этническим представлениям о доблести, о подвигах, о славе, совсем как сказано у великого русского поэта.

Собственно, русская культура, впечатляюще преломленная в адыгском сознании, пытливый поиск истины и взгляд, обращенный в равной степени на Запад, Восток и Юг, дали М. Хафицэ поистине побудительный стимул, ставший как бы голосом свыше, повелевающим ему жить и творить во имя своего народа. М. Хафицэ всегда считал: кто, если не он? Этим кредо Мухамед руководствуется и сегодня. И наши беседы с ним на эти темы порой заканчивались моим восклицанием: «Господи, хоть бы моему балкарскому народу одного такого Мухамеда!» Пусть простят меня соплеменники за этот пассаж, но, поверьте, когда Хафицэ начинал свое мировое паломничество, исколесив, изъездив, исходя по городам и весям планеты, чтобы рассказать адыгам об адыгах и нам о них, он был человеком, столь же небогатым, как и мы, интеллигенты советской эпохи.

Нас же порой угнетают лень и безразличие, некий инфантилизм, не позволяющий, точнее, позволяющий жить без печали и гнева, без

тех побудительных принципов, подвигающих только таких людей, как М. Хафицэ, к действию, деянию. Если он берется за дело, делает его сегодня, сейчас, немедленно. Поэтому и результат блестящий. Но то большое, что им сделано, современники, которые его не понимают, поймут завтра, но хорошо бы уже сегодня, как бывает в жизни. Могут вместе с тем уверенно сказать, что для десятков, а может быть, и тысяч своих земляков Мухамед Мусабиевич стал человеком, деятельность которого в народном сознании обрела подобающее и достойное место. Ему пишут, к нему обращаются. Нередко с просьбами, зачастую не имеющими отношения к его работе, а просто чувствуя в нем человека доброго и отзывчивого. И М. Хафицэ делает все от него зависящее, чтобы помочь каждому, кто поверил в его добросердечие.

*Светлана Моттаева,
народный писатель КБР*

ЧЕРНЫЙ ПИСТОЛЕТ

И в эти годы М. Хафицэ не потерял себя – его общественная деятельность на посту народного депутата Верховного Совета КБР в начале девяностых общеизвестна. А вот то, как проявился его журналистский талант на посту главного редактора кабардинской газеты «Адыгэ псалъэ», тема особого разговора. Исторически сложилось так, что ни одна из национальных газет никогда не играла роль первой скрипки в республиканской прессе. Произошло это в силу разного рода причин – сравнительно малой аудитории этих изданий, их объяснимой неоперативности (попробуй с ходу перевести на кабардинский и балкарский те же материалы партийных пленумов), из-за постоянной нехватки высокопрофессиональных кадров. Короче говоря, многочисленные перепечатки, «кирпичи» передовиц из «Правды» стали для этих газет нормой, не вызывающей даже возражений, как и «слив» журналистской братией слегка переиначенных материалов, уже прошедших в главной газете – «Кабардинке». По причине слабого содержания страдала и форма – двухстраничный «подвал», расположи его вертикально, вообще убьет полосу, так что верстка во многих номерах была самой элементарной и отнюдь не привлекательной.

Мухамед, возглавив в 1997 году газету, буквально через номер-другой кардинально изменил ее внешний облик. Появились новые клишированные, бросающиеся в глаза рубрики, одни материалы уменьшились в объеме, другие, не поддающиеся сокращению, стали публиковаться на разных, идущих через одну полосах, фотографии, которым раньше отводилась вспомогательная роль, стали более объемными, не только комментирующими статью или отчет, но и являющимися информаци-

онными материалами сами по себе. Сама верстка стала более профессиональной, зримо-образной, привлекательной для взгляда. Глаз уже не мог бессмысленно скользить по полосам, ибо то и дело останавливался на чем-то неординарном, непохожем, необычном. Газету было приятно рассматривать, а отсюда один шаг до чтения. Каким оно будет, что должен получить читатель в первую очередь? Новости, события, факты? Без сомнения, на то она и газета. Но и сведения по истории народа и края, его великом незабываемом прошлом, знаковых личностях, забытых, но достойных человеческих судьбах, взлетах и падениях, достижениях и вершинах, то есть обо всем, что интересно людям. А интересна им жизнь в ее неповторимом многообразии.

Не коллективным пропагандистом и агитатором видел национальную газету Мухамед Хафицэ (эту роль успешно заправили его предшественники), а информатором, просветителем, учителем, в конечном счете. Учителем родных истории и географии, языка и литературы, публикатором всех тех обширных знаний, которые в силу разного рода причин не получил, не узнал читатель. Тематические полосы на самые разнообразные темы, начиная с женских, религиозных, молодежных, литературных, детских и заканчивая географическими, рассказывающими о флоре и фауне республики. Газета в газете, повествующая на своих страницах глубоко, объективно, всесторонне о черкесском зарубежье, лучших его представителях, снабженная поражающим обилием фотографий. Специальные, приуроченные к важным датам, векам, юбилеям многостраничные выпуски. Многие из последних стали настоящим событием в культурной жизни республики. В частности, 32-страничный номер, посвященный столетию со дня рождения Али Шогенцукова. Без всякого преувеличения, к читателям пришла настоящая энциклопедия жизни и творчества классика кабардинской литературы, содержащая и его лучшие произведения, и воспоминания современников, и разносторонний анализ творчества, и доброе слово потомков. Мухамед сделал этот номер глубоко интернациональным, привлекательным не только для кабардинского читателя – напечатав ряд материалов на русском языке, он открыл душу и сердце Али для всех, кому дороги наш общий дом и мир в нем. И таких выпусков на счету газеты великое множество.

Вот уже много лет я, не знающий кабардинского языка, выписываю «Адыгэ псалъэ», смотрю каждый ее номер и не устаю удивляться всему тому новому, что принес на газетные страницы Мухамед Хафицэ. Его детище неповторимо и оригинально, оно давным-давно обогнало по своей внешней привлекательности и внутреннему содержанию другие республиканские издания. Мало того, будучи знаком с другими газетами Северного Кавказа, могу твердо заявить: «Адыгэ псалъэ» – не просто одно из лучших национальных изданий региона, а самое лучшее. Вклад же газеты в развитие национального самосознания, в просвещение ка-

бардинского народа оценке как таковой не поддается.

Об одном лишь остается печалиться: всецело отдав себя, растворившись в газете, которая, как ненасытный молох, перемалывает, буквально пожирает тебя (время, творчество, личную жизнь), и, как желудок, добра не помнит (только подписал один номер, а уже надо готовить следующий), Мухамед все меньше пишет сам. А ведь его книги

Писатель Мухадин Кандур (Великобритания) и М. Хафицэ. Нальчик, 2015 г.

«Моя надежда – моя ладья», «Адыгские мамлюки», «Разбросаны адыги по белому свету», «Звезды бледнеют на чужбине» стали для многих кабардинцев первым знакомством со своей великой историей. Судьба соплеменников волновала, волнует и будет волновать М. Хафицэ. Именно здесь, в этом направлении, он видит себя вплоть до самых последних дней, которые ответит ему судьба. Мечтает, чтобы когда-нибудь его грандиозная выставка-путешественница «Черкесское зарубежье» обрела крышу, стала полноценным музеем. Верит, что кабардинцы еще заставят говорить мир о себе: о своих взлетах, победах, вершинах, личностях, а не только вспоминая трагические страницы истории и тем более события, связанные с насилием над личностью, терроризмом, людской болью.

А что касается названия этого материала, вызывающего закономерный вопрос, то ответ на него таков. Навечно оно строчками Владимира Высоцкого «Где твой семнадцать лет? На Большом Каретном. Где твой черный пистолет? На Большом Каретном». И ассоциируются со следующим: если перо приравнивают к штыку, то авторучку – как минимум к ружью. Ружье и пистолет суть одно – оружие. Черный пистолет для Хафицэ (вспомните, как расшифровывается его фамилия) наиболее уместен и удобен. Так пусть он, пистолет (под которым, еще раз уточним, подразумеваем перо), стреляет долго-долго, попадая точно в цель, создавая газеты и книги, находящие отклик в наших сердцах.

Но если эта шуточная концовка не устраивает, предложу другую, привычную восприятию: Мухамед Хафицэ – человек, который сделал себя сам, организовал и построил свой дом, свой мир. И этот дом, и этот мир открыты для других – близких и далеких, соплеменников и соотечественников. В нем комфортно и уютно всем, ибо хозяин добр и искренен. Пожелаем ему быть и оставаться таким.

*Виктор Котляров,
заслуженный работник культуры РФ*

БЛАГОЧЕСТИВЫЙ ПУТЬ

Мухамеду Мусабиевичу Хафицэ

Вы излучали обаяние
И мудрости глубокой свет...
Благочестивый путь познания
Явил Вам веку созидания,
Деяний плодотворных след.
Ценили слово и свободу,
Ваш дух всегда был одержим
Служеньем своему народу,
Он Вашу выражал природу...
Дух этот непоколебим!
В нем генетическая память
Страдания отцов хранит;
Она жива и душу ранит...
Стирая временные грани,
Истоки призывает чтить.
Вам истины небесной сила
Дарила мысли торжество;
И все, что в жизни есть и было,
Сияньем Высшим озарило,
Благословляя естество.
Вы шли сквозь противостояние,
Чтоб по течению не плыть...
И, полагаясь на сознание,
Порой искали понимания
Там, где его не может быть.
Пренебрегая суетою,
Хранимы будучи судьбою
И верностью своих друзей,
Вы засияли вновь звездой,
Адыгским стали тамадою;
И внутреннею красотой
Объять сумели мир людей!

*Раиса Дидигова,
народный поэт Ингушетии
г. Магас*

ТВЕРДОСТЬ ДУХА

*Старайтесь же опередить друга
друга в добрых делах.*

(Коран. Сура 5; 53)

На одной из полок моей домашней библиотеки наряду со многими другими особняком стоит подборка наиболее дорогих для меня книг: «Адыгские мамлюки», «Звезды бледнеют на чужбине», «Знаменитые адыги-черкесы», «Черкесы в Израиле», «Разбросаны адыги по белому свету». Автор всех этих книг, а также ряда сборников по исторической тематике – Мухамед Мусабиевич Хафицэ, высокоэрудированный, с мировым именем и признанием историк-исследователь, талантливый журналист, публицист, популяризатор истории адыгов и просто прекрасный человек с большой буквы.

Читая и перечитывая его книги, давно хотел поделиться своими впечатлениями о них, а также о самом Мухамеде Мусабиевиче, которого знаю уже много лет. Но все как-то не складывалось: постоянная занятость не давала возможности сосредоточиться и подготовить эссе об этом человеке, которого люблю и уважаю как старшего товарища. Помог случай: я вспомнил о юбилее Мухамеда Хафицэ, не откликнуться на который просто не имел морального права. Представляю на суд читателей свои краткие заметки о нашем юбиляре. Прежде всего хотелось бы напомнить читателям основные вехи его многотрудной жизни и деятельности на благо земли адыгов, на благо нашей великой Родины – России.

Мухамед Мусабиевич Хафицэ – широко известный на Северном Кавказе, в адыгском мире общественный деятель, публицист, критик, литературовед, член Союза писателей и Союза журналистов РФ, заслуженный работник культуры Российской Федерации, заслуженный журналист КБР, КЧР, Республики Адыгея, действительный член Адыгской международной академии наук, Петровской академии наук и искусств, Международной академии творчества, Русского географического общества.

Родился 30 марта 1946 г. в селении Заюково Эльбрусского района Кабардинской АССР. Родители – Хафицэ Мусаби Даваевич (1923–2012) и Гошокова Бабцина Дзadzueвна (1926–2002). После окончания в 1970 г. историко-филологического факультета Кабардино-Балкарского государственного университета работал редактором ряда республиканских периодических изданий: 1968–1972 гг. – главный редактор газеты «Университетская жизнь» КБГУ; 1973–1978 гг. – заместитель главного редактора газеты «Советская молодежь»; 1978–1982 гг. – старший редактор издательства «Эльбрус»; 1982–1991 гг. – главный редактор журнала «Точка зрения»,

ответственный секретарь газеты «Горянка»; 1991–1997 гг. – директор республиканского газетно-журнального издательства.

С 2006 г. – вице-президент по внешним связям Адыгской международной академии наук, в 2009–2012 гг. – первый вице-президент Международной черкесской ассоциации, с 2000 г. – тхамада общественной организации «Адыгэ Хасэ» КБР.

С 1997 г. по 2021 г. – главный редактор газеты «Адыгэ псалъэ» Парламента и Правительства КБР, а также газет «Черкесское зарубежье», «Нарт», «Хасэ» и журнала «Черкесский мир».

Одновременно М. М. Хафицэ – директор института «Адыгская энциклопедия» при АМАН.

Его издавна привлекает история хатгов (хеттов), адыгского мухаджирства и черкесских мамлюков. В интереснейшей биографической книге Виктора Котлярова «Черный пистолет» (2006) подробно рассказывается о том, как Мухамед пришел к пониманию важности вопроса установления связи с соотечественниками, не по своей воле покинувшими родину во время Кавказской войны. «Не будет преувеличением сказать, – пишет автор, – что интерес к зарубежным соотечественникам, их жизни на чужбине проснулся у Мухамеда еще в школьные годы». А ведь тогда, в середине 60-х гг., о драматической судьбе адыгов, переживших в XIX в. настоящий геноцид, поставивший народ на грань исчезновения, не то что не принято было писать – тема эта была под запретом, а всякий, употреблявший термин «мухаджир», рассматривался как потенциальный националист.

Этот интерес к запретной теме в значительной мере усилился в студенческие годы, когда М. Хафицэ со своими единомышленниками в 1965 г. начал выпускать стенную газету «Адыгэ Хасэ». Естественно, подобную «самодеятельность» партийные органы расценили как крамолу и сделали соответствующие оргвыводы. А ведь студенты просто хотели умножить число друзей своего народа, что можно было сделать только через развитие языка, связей с братьями по крови, волею судьбы оказавшимися вдали от этнической родины.

Теме кавказских изгнанников, проблеме возвращения их на историческую родину посвящены его многочисленные исследования, опубликованные в газетах, журналах, научных сборниках Москвы, Санкт-Петербурга, Северного Кавказа, Ближнего Востока, Турции, Германии, Франции, США и нашедшие горячий отклик в сердцах многочисленных читателей. Материал для изысканий он находил во время своих многочисленных поездок в зарубежные страны, в которых компактно проживает черкесская диаспора.

Хотелось бы особо подчеркнуть, что именно Мухамед Мусабиевич по праву считается первооткрывателем темы черкесского зарубежья, на его книги ссылаются в своих научных работах и диссертациях практически

все, кто изучает эту многогранную тему. Он автор книг по проблемам истории и культуры адыгов.

Кроме того, автор-составитель сборников «Истины», «Одна судьба – одна дорога», «Точка отсчета», «Юрий Темирканов», «Синие горы Кавказа», «Аиссе – черкесская нимфа», «Правда и кривда», «Кабардино-Балкария: к России, с Россией, в России», «Алим Кешоков: всадник чести», «Михаил Шемякин: фантастика реальности», «Инна Кашежева: Кавказ надо мною», «Исхак Машбаш: формула нравственности», «Юрий Калмыков: адыгский Прометей», «МЧА: три года испытаний», «МЧА: последние три года (2015-2019)», «Адыги: один из древнейших народов мира» и многих других. Эти издания получили широкое общественное признание, стали своего рода пособием по воспитанию молодежи в лучших национальных традициях, в духе российского патриотизма.

Многогранную творческую работу Мухамед Хафицэ сочетает с общественно-политической деятельностью – он избирался депутатом Верховного Совета Кабардино-Балкарской Республики двенадцатого созыва, председателем Комиссии по Кандуровским международным премиям. В составе делегаций Комитета защиты мира в качестве народного дипломата посетил США, Японию, Китайскую Народную Республику. При Адыгской Международной академии наук организовал и стал директором института «Адыгская энциклопедия»; является председателем комиссии межреспубликанского конкурса «Язык мой – моя душа, мой мир», который проводится двадцать пять лет, с привлечением лучших школ, опытных учителей кабардино-черкесского языка, известных ученых, писателей, артистов Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии.

Родина высоко оценила подвижнический труд журналиста и писателя М. М. Хафицэ. Его работы отмечены многочисленными наградами. Он лауреат премии Союза журналистов Кабардино-Балкарской Республики (1994, 2002), Министерства печати Кабардино-Балкарской Республики (1997, 2004), Правительства Кабардино-Балкарской Республики (2000), отмечен Золотой медалью Советского фонда мира; Большой золотой медалью мира Международного Фонда имама Шамиля; Золотой медалью народной артистки СССР Натальи Сац. Награжден абхазским орденом «Честь и Слава», Почетной грамотой КБР, многими медалями. За большой вклад в развитие адыгской культуры и поддержку связей с черкесской диаспорой удостоен премии «Отличие» Международного черкесского фонда (2000). С 1995 г. – член Кавказоведческого общества (США, г. Чикаго), с 1988 г. – почетный гражданин американского города Стиллуотер (штат Оклахома).

Обстоятельства сложились так, что старшая дочь Дана (1973 – 2024) работала в Иордании учителем кабардино-черкесского языка в адыгской средней школе имени принца Хамзы (г. Амман). Младшая – Ляца (1975) живет в Нальчике, работает в «КБР-Медиа».

Ж. Аттаев и М. Хафицэ

У Мухамеда Мусабиевича трое внуков – Идар, Инал и Сана, которых он старается воспитать достойными гражданами своей Родины.

Что еще хотелось бы сказать? Обращают на себя внимание Ваша, дорогой Мухамед Мусабиевич, творческая энергия, целеустремленность, беззаветная преданность любимому делу. Скромность, деловитость

и чувство высокой ответственности в работе, сочетание исключительной требовательности и принципиальности с сердечной теплотой, отзывчивостью и заботой о людях, с которыми Вы щедро делитесь своими знаниями и опытом, снискали к Вам глубокое уважение и признательность.

Сегодня Ваш день, и Вы встречаете его достойно, с солидным багажом научных достижений, наград и почетных званий. Ваша жизнь, исполненная глубокого и бескорыстного служения литературе и науке, своему народу, своей стране, может и должна служить примером для подражания молодому поколению, которое стоит перед нелегким выбором – делать жизнь с кого?

...В цитируемой выше книге В. Котлярова я нашел слова, поразительные по своей теплоте и глубокому уважению к юбиляру: «Мухамед Хафицэ – человек, который сделал себя сам, организовал и построил свой дом, свой мир. И этот дом, и этот мир открыты для других – близких и далеких, соплеменников и соотечественников. В нем комфортно и уютно всем, ибо хозяин добр и искренен. Пожелаем ему быть и оставаться таким!»

Хотелось бы присоединиться к этим теплым словам, а также пожелать Вам, дорогой Мухамед Мусабиевич, крепкого здоровья, счастья и семейного благополучия, твердости духа, неиссякаемого оптимизма, успешной реализации задуманных планов и новых успехов в деле популяризации истории адыгских народов. Еще хотелось бы пожелать нашему дорогому юбиляру всегда оставаться молодым душой, добрым, жизнерадостным, приятным в общении, с сердцем, открытым людям. Пусть в Вашем доме всегда будут мир и согласие!

*Асхад Шейуджен,
академик РАН и АМАН, профессор,
заслуженный деятель науки РФ, Адыгеи, Кубани,
КЧР, Абхазии, Герой труда
Краснодарского края*

РАЗБРОСАНЫ АДЫГИ ПО ЗЕМЛЕ

Мухамеду Хафицэ

Разбросаны адыги по земле,
В Америке, в Германии их лица.
Уже который год об их судьбе
Рассказывает Мухамед Хафицэ.
Он человек, влюбленный в свой народ,
Его истоки воплотил в страницы.
В адыгских звездах блещет небосвод,
Об этих звездах пишет нам Хафицэ.
Талантливый писатель, журналист –
Он знает цену искреннему слову.
Адыги всего мира собрались
В его статьях под всемогущим кровом
Владыки вдохновенного пера,
Вдыхающего жизнь в свои этюды.
Да будет жизнь к нему всегда добра
И восхищенно почитают люди!

*Марина Абдокова,
доктор филологических наук
г. Черкесск*

ГЛАШАТАЙ АДЫГОВ

– Ну что, ты «выходишь»? – вот уже почти двадцать шесть лет – именно столько мы знакомы – при каждой личной встрече или по телефону вместо привычного кавказского «салам» Мухамед Хафицэ сразу интересуется, чем живет сегодня газета «Шапсугия». По тому, как газета «Адыгэ Хасэ» причерноморских адыгов выходит в свет, он легко определяет текущее состояние дел в самой общественной организации: если издается регулярно, по графику – все отлично, если с перерывами, время от времени, значит, существуют определенные проблемы. Этот «барометр», уверен он, работает безотказно – проверено годами.

Подобное внимание к шапсугам – далеко не праздное любопытство. Будучи журналистом, М. Хафицэ прекрасно понимает: газета – своего рода громкий рупор, открытая общественная трибуна для коренного народа региона, важнейшая связующая нить, духовно объединяющая не только адыгов, проживающих в Сочи и Туапсинском районе, с осталь-

ным черкесским миром, но и обратная связь черкесского мира со своими соплеменниками на Черноморском побережье. И этот важнейший информационный канал, существующий уже почти четверть века, подчеркивает он, нужно обязательно вопреки всему сохранить. Помогает всесторонне – не на словах или призывами, а реально. Новости из Шапсугии регулярно появляются в республиканской газете «Адыгэ псалъэ», которую он многие годы успешно редактировал до недавнего времени. Во многом благодаря Мухамеду Хафицэ «Шапсугия», не являющаяся государственным печатным изданием, вот уже более двадцати лет постоянно участвует в творческом проекте – выпуске совместных тематических номеров республиканских газет «Адыгэ псалъэ» (КБР), «Адыгэ макъ» (Адыгея) и «Черкес хэку» (КЧР). Шапсугская тема находит отражение в разнообразных книгах и брошюрах, которые он издает, а проблемы, волнующие представителей аборигенного населения Краснодарского края, звучат на радио и телевидении КБР, КЧР и Адыгеи, куда его с удовольствием приглашают. Он знает суть вопроса в мельчайших деталях. Часто бывая у шапсугов (Мухамед Хафицэ приезжает сюда регулярно в разном качестве – первого вице-президента или же члена Совета МЧА, тхамеды «Адыгэ Хасэ» КБР, вице-президента Адыгской (Черкесской) международной академии наук (АМАН) и главного редактора газет «Нарт» и «Черкесское зарубежье», он детально интересуется всем: прошлым Причерноморской Шапсугии, современной жизнью и проблемами адыгских аулов, ищет ярких, незаурядных людей. Когда нет возможности приехать лично, собирает самую свежую информацию по телефону. Одним словом, плотно держит руку «на пульсе».

– Посещая страны проживания черкесской диаспоры, я неоднократно встречал шапсугов, чьи предки в годы Кавказской войны были вынуждены покинуть историческую родину, – отметил, в частности, М. Хафицэ на IX съезде «Адыгэ Хасэ» причерноморских адыгов, прошедшем в городе Туапсе. – Это удивительные люди, обладающие огромным потенциалом – интеллектуальным, деловым, культурным. Можно назвать большую плеяду шапсугов – политических, общественных и научных деятелей, представителей творческих профессий, предпринимателей, спортсменов, принесших славу странам, принявшим их, и своему народу. Если бы они еще сохраняли верность родному языку, приобщая к нему своих детей и внуков, цены бы им не было! Как показательный пример – три тысячи шапсугов, проживающих в израильской деревне Кфар-Кама. Наши братья и их дети в совершенстве знают не только свой родной язык, но и арабский, иврит, английский! На родине, к сожалению, ситуация в корне иная... Хочу искренне отметить многоплановую деятельность шапсугской Хасэ в деле возрождения и развития народа. Опыт работы Общественного парламента, возглавляемого Меджидом Чачухом, признан одним из лучших среди адыгских

национальных организаций, и это вполне заслуженно. Важно сохранить подобный уровень в дальнейшем.

...В Причерноморской Шапсугии Мухамед Хафицэ впервые побывал в 1966 году – отдыхал в лагере КБГУ в ауле Аше. Во второй раз, через семнадцать лет, он посетил адыгские аулы, как говорится, по поводу. Приехал не один.

– Я сопровождал знаменитого кинорежиссера Мухадина Кандура, – вспоминал М. Хафицэ. – В те годы Мухадин долгое время жил и работал в Лос-Анджелесе, где снял в Голливуде несколько известных кинолент с участием популярных американских актеров, вынашивал идею создания полнометражного художественного фильма о Кавказской войне. Он только что закончил работу над сценарием будущей ленты и хотел сделать в Шапсугии пейзажные съемки. Особенно его интересовали долины рек Туапсе, Псеуапсе, Шахе и Сочи, где, согласно историческим источникам, разворачивались главные события, связанные с покорением царскими войсками Черноморского побережья, и до самого последнего дня войны продолжали пылать очаги горского сопротивления.

В течение трех дней съемочная группа побывала в нескольких адыгских аулах, но тогда о госте из Америки здесь мало кто что-либо знал. Это сегодня имя М. Кандура на слуху. В ту пору для большинства шапсугов он был просто уважаемым гостем, для которого открыты двери каждого дома.

– Мы как-то переночевали в одной адыгской семье в селе Цыпка Туапсинского района (к сожалению, фамилию хозяев не помню), – продолжил Мухамед Хафицэ. – Затем посетили город Туапсе, поселок Шхафит и аул Большой Кичмай, где проходил праздничный концерт, – выступали молодые танцоры. В целом немного захворавший в поездке Кандур остался доволен и увиденным здесь, и отснятым материалом.

Дальнейшая судьба творческого кинопроекта Мухадина Кандура, начатого в Шапсугии, к сожалению, оказалась неудачной. Выделенные на съемки фильма правительством Кабардино-Балкарии средства (порядка двух млн. рублей – далеко не малые по тем временам деньги) целиком «сгорели» во время «гайдаровских реформ». Эти бюджетные средства кинорежиссеру пришлось вернуть республике из собственного кармана. Так, еще не успев начаться, процесс работы над фильмом о Кавказской войне закончился на минорной ноте.

– Разочарованный и обескураженный подобным началом, М. Кандур готов был отложить сценарий, как говорится, в самый долгий ящик, – продолжил далее М. Хафицэ, – но вскоре по моему совету переделал его в историческую трилогию, ныне широко известную под названием «Кавказ».

Эпизод во многом показательный: для газеты «Шапсугия», с которой М. Хафицэ связывают долгие годы дружбы и рабочих контактов, Мухамед Мусабиевич – ценнейший источник информации. Он всегда «на связи»: на правах старшего расскажет, подскажет, посоветует, под-

держит. Всегда открыт для общения: щедро делится новостями, идеями, приглашает к совместной работе. Его мнение как опытного журналиста не просто интересно, оно значимо и авторитетно.

Однажды в одной из бесед М. Хафицэ признался: есть у него давняя мечта – увидеть наш народ, волей истории и горькой судьбы рассеянный по странам и континентам, единым, прежде всего – духовно, объединенным, не только историческими корнями, но и общей национальной идеей. Лично для него эта идея, способная крепче крепкого связать историческую родину с зарубежной черкесской диаспорой, заключается в главном – сохранении родного языка. Все остальное – репатриация соотечественников на землю предков, развитие экономических, культурных и общественных связей между адыгами, где бы они ни проживали, потянется за ней, как нить за иголкой. Не будет языка – не будет народа, родной язык – не столько наше настоящее, сколько будущее.

Для Мухамеда Хафицэ и его единомышленников эта истина первой инстанции. Свои убеждения он активно отстаивает везде – на заседаниях МЧА и АМАН, на общественных мероприятиях, в прессе. Он живет и «бредит» ими, отдает работе все свои силы – организует «круглые столы», конкурсы среди школьников и студентов, выставки.

На этой почве – разговоре о настоящем и будущем нашего народа – мы по-настоящему и познакомились. Произошло это накануне VI Конгресса Международной черкесской ассоциации, проходившего в Нальчике. В рамках культурной программы предстоящего форума, собравшего адыгов из разных регионов России и зарубежных стран, в Национальном музее Кабардино-Балкарии экспонировалась выставка «Нас издавна черкесами зовут», организованная МЧА, Министерством культуры и «Адыгэ Хасэ» КБР. Это – на афише мероприятия, на самом деле идейным вдохновителем и организатором проекта был один человек – Мухамед Хафицэ. Он же зачастую лично встречал здесь многочисленных посетителей.

В двух обширных залах музея было размещено более тысячи экспонатов, рассказывающих об истории, культуре и искусстве адыгов, которые он собирал на протяжении почти сорока лет. Тематические разделы выставки посвящены известным историческим, политическим, государственным деятелям черкесского зарубежья. Здесь же широко представлено многоплановое искусство наших соотечественников – портреты, живописные полотна на историческую тему, гравюры, литографии, скульптуры. Внимание посетителей также предлагались большой перечень фотографий, пластинок с записями народной музыки, книги на арабском, турецком, английском, французском, испанском языках, иврите, написанные адыгами, а также тем или иным образом посвященные черкесскому этносу.

В утренние часы в Национальном музее, куда я зашел, немногочисленно. Мое внимание привлекла молодая пара с ребенком лет восьми. Идар и Лина приехали в Нальчик из пригородного Чегема. В музее оказались впервые,

главным образом, чтобы показать сыну. Мальчик, как и родители, похоже, был глубоко поражен увиденным – столько красочных предметов в обычной жизни увидишь нечасто. Мать и отец поочередно тихо что-то рассказывали сыну об экспонатах – семья, как видно, удачно совместила приятное с полезным.

Постепенно посетителей становилось все больше. Спустя некоторое время радуюсь несомненной удаче – в зал во главе большой зарубежной адыгской делегации зашел организатор выставки Мухамед Хафицэ, взявший на себя роль экскурсовода.

– Портреты династии черкесских мамлюкских султанов, у которых мы сейчас находимся, были созданы в последние десять лет, – говорит он. – Как известно, история не сохранила рисунков или портретных зарисовок этих людей. Восстановить их мы попытались по рассказам и свидетельствам фамильных источников. Но таких картин не так много в этой коллекции – остальные сделаны с каких-либо оригиналов. Работали над ними Магина Мальбахова – художник газеты «Адыгэ псалъэ» и Михаил Кастромин – выпускник Академии имени Репина. Здесь же графические работы всемирно известного художника Михаила Шемякина (Карданова), а также народных художников Российской Федерации Германа Паштова и Теучежа Ката, народного художника КБР Мухадина Кишева и народного художника Адыгеи Феликса Петуваша.

Там же, на выставке, появилась возможность спокойно побеседовать с Мухамедом Хафицэ. Да и окружающая обстановка как нельзя лучше располагала к неспешному общению на главную тему.

– Культура черкесского зарубежья – значительный пласт общеадыгской культуры. Что поразило прежде всего, когда вы впервые для себя соприкоснулись с ней? – поинтересовался я у него.

– Это действительно богатейшее явление в нашей многотысячелетней культуре, – подчеркнул Мухамед Мусабиевич. – Мне одному, естественно, всего не собрать. Делегаты Конгресса МЧА из разных стран, уже увидевшие выставку, пообещали помочь с пополнением ее ресурса. Ведь практически в каждой семье сохранились редкие предметы, фотографии, книги-реликвии, которые могут быть интересны всем без исключения людям, которым близка культура адыгов. Совместными усилиями мы можем способствовать тому, чтобы выставка предлагала своим посетителям все более интересные предметы. Со временем представится возможность создать музей «Черкесское зарубежье» не только в Кабардино-Балкарии, но также в Адыгее, Карачаево-Черкесии и Краснодарском крае. Нужно продумать и вариант, в котором будут созданы стационарные государственные музеи или выставочные залы, куда люди без боязни будут отдавать предметы, имеющие историческое и культурное значение. Например, несколько лет назад в Стамбуле в одной семье я видел адыгскую гармошку, которой насчитывалось три сотни лет! Пожилая женщина, владеющая ею, никогда не отдаст подобный

раритет в частные руки, а родине предков для сохранения государством, вполне возможно, подарила бы.

Мухамед Хафицэ тогда признался, что количество экспонатов его частной коллекции значительно превышает нынешние возможности залов республиканского музея: многие предметы посетители, к сожалению, увидеть не смогут. Впрочем, это и хороший знак: есть над чем работать дальше. Интерес к адыгской истории неуклонно растет, особенно среди молодежи. Только эту выставку в Нальчике увидели тогда более 25 тысяч человек, значит, М. Хафицэ с каждым разом все ближе к воплощению своей давней мечты.

*Анзор Нибо,
главный редактор газеты «Шапсугия»
п. Лазаревский*

НАКАЗ

Мухамеду Хафицэ

Адыги – мудрые кавказцы,
Благословляя в добрый путь,
Давали юноше наказы:
«Достойным Родины ты будь.
Достойным будь отца и деда,
Служи народу своему.
Пусть обойдут тебя и беды,
И тучи, дарящие тьму.
Пусть будет светлым путь твой, милый,
Даря добро, неся народу свет,
Живут адыги на Земле и жили,
Творя на ней свой яркий след».
Хафицэ, Богом освященный,
Он – весь адыг, творец добра,
Живет, никем не превзойденный,
Могучий нарт и князь пера.
Живи, мой друг, еще сто лет,
Неся народу добрый свет.

*Муса Психомахов,
черкесский поэт
г. Черкесск*

Иосиф РОГАЛЬ,
член Союза писателей России, действительный
государственный советник третьего класса,
кандидат юридических наук
г. Москва

О СУЩНОМ И ВЕЧНОМ

В литературном мире России явление новых изданий – это непрерывность, как доменная плавка у металлургов. И выбор литературной продукции безграничен.

Но внимание людей, непосредственно причастных к творческому процессу в литературе, интуитивно выхватывает вещи, которые практически безошибочно говорят о своей содержательной весомости.

В поле зрения моих коллег, а затем и моего, оказалась книга под названием «Печать Пророков» русскоязычной поэтессы из Ингушетии Райсы Дидиговой.

Р. А. Дидигова

Сразу ясно, что основа темы – теология. И эту тему назвать новой сложно. Тогда в чем же гравитация? Если сказать в целом, то в социальной остроте! В чрезвычайной значимости, с учетом острейшего кризиса наших дней в гуманитарном сечении общечеловеческого бытия. Этот кризис в истории – не первый и, думается, не последний, но суть в том, что каждый очередной все сильнее грозит фатальностью. И в этом главный фактор значимости книги.

Знакомство с изданием рождает потребность говорить о целевом содержании текста, но грех было бы не сказать об авторских средствах.

На счету Райсы Дидиговой достаточно изданий, чтобы быть довольной собой. При глубоком миропонимании поэтесса прекрасно владеет богатством ингушского и русского языков, предельно чувствительным словарным багажом и, наконец, высоким слогом классического качества для русской поэзии.

И в данном конкретном случае свое поэтическое мастерство она обратила не на сочинение персонального авторства, а на то, чтобы еще раз вызвать и заострить внимание людей на высших общечеловеческих истинах. Для этого избран вариант поэтического изложения библейско-философского труда турецкого ученого-теолога и литератора 16-го века Фурати.

Какие же проблемы современности волнуют сознание поэтессы в контексте древнейших канонов и норм библейского уровня? Те, что были актуальны всегда! Те, которым, как самым острым, посвящены тексты и наставления Священных Писаний всех известных религий. И духовная позиция, а отсюда и сама работа поэтессы, не только оправдана, но и в высшей степени благородна.

Общеизвестно, что именно религии вывели наш дикий человеческий род

в статус «народ». И лишь потом в лидерских и наставнических целях появились идеологии, философии, теории и прочие системные взгляды на задачу упорядочения жизни, при этом появились урывчато-подражательским заимствованием из концептуальных всеобъемлющих Божественных откровений для людей ради их достойного общественного и личностного бытия в этом и ином мире.

Но греховность человека, как известно, подтачивает праведность, подаренную ему с невиданной щедростью Всевышним, сообщившим, что он «создал его по своему образу и подобию»! И поднимаясь по ступеням познания и цивилизованности, люди теряют контроль над страстями и социальным долгом, предписанным Свыше, начиная все больше культивировать материальную избыточность, личную и групповую избирательность и расчёт на безнаказанность произвола.

Такая практика непременно приводит к локальным и планетарным кризисам (недовольством и реакции), которые в предельно острой форме характеризуют наше время.

В чем тут главная заноза? Прежде всего в отступлении от заповедей любви человека к человеку и гармоничной связи поколений. И где же можно найти на этот счет абсолютную истину, как не в высших источниках, доступно человеческому разуму изложенных в Священных Писаниях, как посланиях Всевышнего людям!

Примеры есть в каждом из Писаний, но автор книги – исламской веры, и справедливым будет опираться на Священное Писание Коран.

Переводя произведение духовного ученого Фурати на поэтическую высоту, Раиса Дидигова ярко излагает эпическую часть о предложении Всевышнего пророку Аврааму в подтверждение верности Богу принести в жертву своего сына Исмаила. Набожный Авраам, не задумываясь, готов выполнить Божью волю, хотя беспредельно любит сына, а сын – отца. Уже само это говорит о предельной нравственной самодисциплине. Но особо восхищает то, с какой высокой духовной и душевной взаимностью связана с ними родная мать Исмаила, укладывая в дорогу Ибрагиму на казнь сына предметы для жертвоприношения ее же любимого отрока! И с той же волнительностью читаешь, что и сын Исмаил, зная, что объявлен на жертвенную смерть, искренне и сердечно заботится, чтобы его участь как можно меньше огорчала мать и отца! И это при том, что у всех их на грани выдержки сердца из любви друг к другу.

Этот урок взаимной любви людей и гармонии в связях поколений Раиса Дидигова поднимает из глубины веков, чтобы показать силу духа и значимость любви и верности в сегодняшних обществах и семьях, включая случаи, где сегодня сознательно идут на ратную службу для защиты родной земли и справедливости, не исключая риска для жизни. И легко представить насколько трудно дается сердцу каждой матери и отца избрание такого подвига домочадцем. Но вера и достоинство преодолевают сердечную боль.

Да и оглянувшись на героизм наших недалеких событий, понимаешь,

что в каждой войне требовались и находились высочайшие духовные силы у людей России, включая все этнические сообщества, для защиты Родины и благопорядка в мире.

К примеру, скажем, каково было сердцу матери из семьи Аушевых в Ингушетии, отправляя сразу троих сыновей в Афганистан, понимая и не исключая, что каждый из них может никогда не вернуться!

Но очевидно и то, что как Всевышним была дана оценка духовности и чести семьи Авраама и жертва заменена, так и каждый из нас должен ценить эти качества и воздавать ближним должное за них.

Из поэтических картин книги, как из самой логики, непременно следует и общий вывод, что добро, любовь и героизм не бывают незамеченными. Именно они и являются той высшей степени духовностью и достоинством, на которых могут и должны зиждиться лучшие устои человеческого сожителства на земле.

Книга поднимает для современного осмысления и осознанного возвращения в наше бытие и многие другие постулаты древних времен, изложенные в Коране, именуемом посланием всему человечеству и являющемся неоценимым истоком для нынешней и будущей практики жизни. И даже тот факт, что из всех конфессий исламский мир растет численно весьма высокими темпами и при этом в нем нет сиротских детских домов, недостаточен, чтобы полагаться на организующую мудрость этого Небесного Источника.

Освещение высоким поэтическим слогом духовно-исторического материала заслуженно признано итогом труда большого таланта. И мне была бы по душе мысль воздвигнуть автору еще при жизни монумент с надписью: «Раисе Дидиговой, женщине, понимающей мир и владеющей силой и богатством поэтического языка!».

Дидигова Раиса Абукаровна родилась 9 февраля 1956 г. в с. Ванновка Тюлькубасского района Южного Казахстана.

В 1979 году окончила Пятигорский государственный институт иностранных языков. Осуществляла трудовую деятельность: преподавателем немецкого языка СШ № 1 г. Назрани (1979), заместителем директора по учебно-воспитательной работе СШ № 1 г. Назрани (1980), инспектором Отдела народного образования Назрановского района (1981), заведующей методическим кабинетом Отдела народного образования Назрановского района (1982), директором СШ № 1 г. Назрани (1986), заведующей организационным отделом Назрановского райисполкома (1990), начальником социального отдела администрации Назрановского района (1997), начальником отдела образования администрации Назрановского района (1998), первым заместителем главы администрации Назрановского района (1998), заместителем администрации главы г. Назрань (1999); заместителем

Председателя Правительства Республики Ингушетия (2011); начальником Протокольного отдела администрации Главы Республики Ингушетия (2012).

Педагог, поэт, член Союза писателей России (2002), член Литературного фонда России (2003), член Международного литературного фонда (2007), член Международного писательского сообщества (2009), член Клуба писателей Кавказа (2009); заместитель председателя Общественного совета при Президенте Республики Ингушетия (2003–2007).

Председатель правления Союза писателей Республики Ингушетия (2014 – 2022); секретарь Союза писателей России (2014 – 2022); сопредседатель правления Союза писателей Республики Ингушетия (с 20 января 2022 года по настоящее время); член Высшего творческого совета Союза писателей России (2023).

Награждена знаком «Отличник народного просвещения Российской Федерации» (1983). Присвоены звания: «Заслуженный работник культуры Республики Ингушетия» (2006); Народный поэт РИ (2011); «Почётный гражданин города Назрань» (2016).

Награждена литературной премией «Белые журавли России» (Москва), (2010), дипломом национального Артийского комитета России с присуждением Почетного звания «Лауреат шестой Артиады народов России» и статуэткой «Золотой Пегас» (2006); медалью правительства Москвы «За доблестный труд» (2007); золотой медалью Международной академии творчества «За высшие достижения в профессиональной деятельности и общественное признание» (2010); медалью Российской геральдической палаты «За гражданское достоинство» (2011); медалью Саида Чахкиева, (2013), юбилейной медалью «В память 200-летия со дня рождения М. Ю. Лермонтова» (2014), учрежденными Российским Лермонтовским комитетом.

Стихи публиковались на страницах газет «Ингушетия», «Сердало», «Литературная газета», «Общеписательская литературная газета», «Московский литератор», «Литературный Кавказ», «Северный Кавказ», «Горянка», «Заман», «Хурзарин», «Дагестанская правда», «Вестник Чеченской республики», «Вестник» (Северная Осетия); в журналах «Литературная Ингушетия», «Великоросс» (Москва), «Жизнь национальностей» (Москва), «Дон и Кубань», «Минги-Тау» (Эльбрус), «Литературная Кабардино-Балкария», «Литературная Адыгея», «Вайнах», «Дагестан», «Нёман» (Белоруссия), «Azaerbaıcaın Dınyası» (Мир Азербайджана).

В 2002 году вышел первый сборник стихов «Прикосновение», в 2008 – «Духовная память», в 2023 – роман в стихах «Печать пророков», готовится к печати сборник поэтических посланий «В покоях памяти моей...» и сборник стихотворений «Избранное».

Произведения Р. А. Дидиговой вошли в несколько антологий и в 23 сборника, составленных в республике и за её пределами, переведены на языки народов Северного Кавказа, Калмыкии и Якутии, многие тексты переложены на музыку ингушскими и московскими композиторами.

ХРАНИТЕЛЬ ТРАДИЦИЙ

Его имя хорошо известно не только в республике, но и далеко за её пределами. Султан Хангериевич Пшибиев – член Союза писателей и Союза журналистов России, автор книг по духовно-нравственному и военно-патриотическому воспитанию подрастающего поколения. Работа с молодёжью стала делом всей его жизни.

Он родился в январе 1932 года в Нартане. Его отец Хангери из жизни ушёл рано. На долю семьи Пшибиевых выпало испытание сталинскими репрессиями. В 1937 году старшие брат Хажисмель и сестра Хута (по мужу Черкесова) были репрессированы и сосланы на 10 лет без права переписки. Несмотря на то, что Хангери добровольно сдал всё нажитое имущество государству, его дети были объявлены врагами народа как выходцы из зажиточных крестьян.

«До 1956 года мы росли как враги народа под наблюдением НКВД – МГБ, – вспоминает Султан Хангериевич. – В 1947 году брат и сестра из ссылки вернулись домой инвалидами. И только в 1956-м, когда мы написали письмо председателю Президиума Верховного Совета СССР Клименту Ворошилову, их реабилитировали».

Детство Султана Хангериевича пришлось на тяжёлые военные годы, наравне со всеми он рыл окопы. «Помню, как бомбили Нальчик: из Нартана налёты авиации были видны отчётливо, – говорит ветеран. – Ежедневно прилетал самолёт-разведчик “рама“, за которым потом шли бомбардировщики. Ночевали мы в вырытых окопах, днём выходили замёрзшими и голодными. Еды не хватало, сутками бывали без пищи, керосина, соли. По утрам пили чёрный калмыцкий чай».

После освобождения республики от немецко-фашистских захватчиков Султан вместе со старшим братом Иналом был вынужден оставить учёбу, работал в колхозе наравне с пожилыми односельчанами и бок о бок со сверстниками – 11–15-летними подростками. В это время мать братьев Пшибиевых была нетрудоспособна. В колхозе Султана и его брата не включали на общепит. Благодаря поварам и старшим Пшибиевы получали остатки обеда. Было очень трудно, но подростки, как и многие тысячи их сверстников, выжили благодаря тому, что верили в победу. Лишь после разгрома фашистской Германии они смогли продолжить учёбу.

В 1956 году после окончания десяти классов Султан был призван в ряды Советской Армии, где получил спецподготовку армейского корреспондента и сотрудничал с газетой «Во славу Родины». Во время службы закончил двухгодичную партшколу в Минске, там же был принят в члены КПСС. После

демобилизации в 1959 году поступил на Нальчикский машзавод сначала учеником слесаря, а затем слесарем. Как молодой рабочий активист был направлен Нальчикским горкомом КПСС рядовым работником в «Курорты Нальчика». Будучи экспедитором Нальчикского гастронома № 2, был направлен в Ессентукскую кулинарную школу, учёбу в которой окончил с отличием. Затем Султан Хангериевич заочно поступил в Московский институт советской торговли, который окончил в 1959 году.

Пшибиев отдал системе общепита 50 лет, пройдя путь от рядового работника до руководителя объединения столовых № 11 Нальчикского треста ресторанов и столовых. В 1970–1978 годах работал неосвобождённым секретарём парткома (на правах инструктора Нальчикского горкома партии) треста. До выхода на пенсию также был заведующим базой «Учпрофстрой» МОН КБР. В 1971–1978 годах избирался народным заседателем Нальчикского городского суда, а в 1980–1987 годах – Верховного суда КБР.

Жителям республики Султан Хангериевич стал известен благодаря журналистской и писательской деятельности. Писать он стал довольно рано – в 1950–1956 годах был юнкором газеты «Советская молодёжь», в 1957–1959 годах – военкором минской газеты «Во славу Родины». Десять лет – с 1960-го по 1970-й Пшибиев трудился рабселькором республиканских газет «Кабардино-Балкарская правда» и «Ленин гъузгу». В этих изданиях, а также в республиканской газете «Заман», журнале «Литературная Кабардино-Балкария», московской газете «Ветеран» им было опубликовано более 500 статей, эссе, очерков и рассказов. Кроме того, член Союзов писателей и журналистов РФ и КБР издал в Нальчике книги «В небе ястреб» (2006), «Растить патриотов» (2014) и сборник очерков, сказок и рассказов для детей дошкольного и школьного возраста «Хабзэм и хъумакуэ» («Хранитель традиций»), который увидел свет в 2019-м в издательстве Марии и Виктора Котляровых.

Нет ничего удивительного в том, что член республиканского Совета ветеранов войны, труда, Вооружённых сил и правоохранительных органов Султан Пшибиев главной темой творчества избрал военно-патриотическое, трудовое и нравственное воспитание. Автор проводит своих героев через испытания, показывает, что их морально-этический взлёт обусловлен и подготовлен самой действительностью, а потому герои его рассказов и очерков – люди высоких духовных и нравственных идеалов, патриоты, труженики, защитники Родины, чьи боевые и трудовые подвиги являются примером верности Отчизне и служения гражданскому и воинскому долгу.

Сейчас Султан Пшибиев находится на заслуженном отдыхе. Его заслуги перед страной и республикой отмечены тремя медалями «За доблестный труд», в том числе «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», почётными грамотами КБР и Правительства республики, юбилейными медалями и грамотами ведомств и общественных организаций. Он является также дипломантом-финалистом второго Всероссийского литературного конкурса «Герои Великой Победы» 2016 года.

ОСВОБОЖДЕНИЕ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ ОТ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ОККУПАНТОВ

В результате разгрома немецко-фашистских войск под Сталинградом войска Юго-Западного и Южного фронтов, глубоко охватив с севера основные силы группы армий «Дон», угрожали тылу всей Северокавказской группировки противника. В сложившейся обстановке Советское Верховное Главнокомандование планировало наступление всего южного крыла советского фронта, имея одной из задач этого наступления разгром группировки немецких войск на Северном Кавказе взаимодействующими ударами войск Южного и Закавказского фронтов.

По замыслу Ставки Южный фронт двумя армиями правого крыла должен был наступать вдоль нижнего течения Дона и, выйдя в район Ростова, отрезать пути отхода Северокавказской группировке врага на север, а двумя армиями левого крыла наступать через Сальск на Тихорецк. Сюда же через Краснодар нацеливался удар и главных сил Черноморской группы войск Закавказского фронта. Следовательно, планировалось окружение всей группировки врага на Северном Кавказе.

Операция по разгрому немецко-фашистских войск на Северном Кавказе являлась составной частью стратегической операции, направленной на разгром всего южного крыла стратегического фронта противника, где сосредоточивались его основные силы. Достаточно указать, что в полосе Закавказского фронта действовало около 9 % всех пехотных и более 16 % всех танковых соединений врага. Следовательно, разгром Северокавказской группировки врага явился бы сильнейшим ударом по военной машине фашистского блока.

План наступательной операции фронта Ставка утвердила 25 декабря. Однако уже 29 декабря Маршал Советского Союза Г. К. Жуков в телеграмме от имени Ставки потребовал наступление Черноморской группы на Майкопском направлении временно отменить и срочно подготовить наступление на Краснодарском направлении, с тем чтобы прорвать фронт румынских войск и выходом в район Тихорецка отрезать пути отхода Кавказской группировки противника. Одновременно предлагалось нанести вспомогательный удар в обход Новороссийска и при благоприятной обстановке занять его. В дальнейшем иметь в виду захват Таманского полуострова.

25 декабря командующий Северной группой войск принял решение подготовить и с 29 декабря начать наступательную операцию с целью окружить и уничтожить Моздокскую группировку противника, а затем

развивать удар в общем направлении на Прохладный. Однако по указанию Ставки 10-й гвардейский стрелковый корпус перебрасывался на усиление Черноморской группы войск, командующий Северной группой вынужден был произвести дополнительную перегруппировку и перенести начало наступления на 1 января 1943 года.

2 января части 9-й армии заняли Эльхотово. 3 января 417-я стрелковая дивизия под командованием полковника И. А. Шевченко неожиданно для противника вброд форсировала Терек и ворвалась в Моздок. Противник в панике начал отход. К полудню части дивизии во взаимодействии с подошедшими войсками 44-й армии полностью освободили город Моздок. 5 января передовые отряды 276-й и 317-й стрелковых дивизий ворвались в Прохладный и завязали уличные бои. К этому времени подоспела 52-я танковая бригада. Противник не выдержал мощного натиска наших войск и оставил город. Наши войска захватили 18 танков, 27 орудий, 63 автомашины, взяли в плен 129 человек. Войска армии продолжали преследовать противника. В течение 2 января 1943 года овладели населенными пунктами: Новый Урух, Старый Урух, Ерокко, Лескен II, Зарагиж, Герпегеж, Вагацуко и вышли на рубеж: 295-я стрелковая дивизия – Псыгансу, 2-я гвардейская стрелковая дивизия – Аушигер, Герпегеж; 351-я стрелковая дивизия – во втором эшелоне на подходе Толдзгун, Лескен.

3 января 1943 года противник продолжал отход в северном направлении, прикрываясь сильными арьергардами на рубеже: Аргудан, Нальчик. На пути отхода взрывал мосты и переправы, минировал дороги. Войска армии, преодолевая упорное сопротивление противника, в районе Аргудан, Нальчик в течение 3 января 1943 года овладели селениями Аушигер, Хасанья, Долинск, Псыгансу, Аргудан и к исходу дня вели бои на подступах к городу Нальчику. 2-я гвардейская стрелковая дивизия еще со второй половины дня 3 января 1943 года ввела в бой 395-й гвардейский стрелковый полк для овладения городом Нальчик. К исходу 3 января 1943 года полк овладел мясокомбинатом и вел уличные бои на северной окраине и базарной площади города. Не смогли гитлеровцы удержать и Нальчик. Утром 4 января 1943 года столица Кабардино-Балкарской АССР была освобождена. «На Северном Кавказе, – сказано в сообщении Советского информбюро от 5 января 1943 года, – наши войска успешно развивали наступление и заняли ряд населенных пунктов. Упорные бои происходили на подступах к Нальчику. Немцы опоясали город рядами мощных инженерных сооружений и минировали все подступы. Наши бойцы при поддержке артиллерии и танков преодолели все препятствия, ночью ворвались в город и после решительной атаки овладели им. Противник оставил сотни трупов своих солдат и офицеров. Кроме того, наши войска захватили 27 орудий различных калибров, 50 минометов, 27 тягачей, 56 автомашин, 41 пулемет, 250 противотанковых ружей, 500

винтовок и многое другое». 2-я гвардейская стрелковая дивизия генерал-майора Ф. В. Захарова овладела городом Нальчик. В боях за Нальчик отличился 3-й батальон 395-го стрелкового полка этой дивизии. Командир батальона гвардии капитан Ф. Д. Накин с группой бойцов первыми ворвались на центральную улицу города, очистили ее от противника и, зайдя в тыл отходящей колонне фашистов, нанесли ей большие потери. Капитан Накин ручными гранатами лично уничтожил 10 фашистов.

Военные советы Северной группы войск и 37-й армии горячо поздравляли воинов 2-й гвардейской стрелковой дивизии генерал-майора Ф. В. Захарова с освобождением Нальчика и успешным выполнением боевой задачи.

Тем временем советские войска развивали успех на Баксано-Пятигорском направлении. Используя водный рубеж Баксана и Зарагижа, подготовленные оборонительные рубежи вдоль шоссе и по высотам, враг пытался задержать наступление наших войск в районе населенных пунктов Чегем II, Кызбырун III и Баксан. Но нашим частям 6 января удалось освободить Баксан. В этих боях было убито 50 и взято в плен 7 гитлеровцев, сожжено 2 бронетранспортера, захвачены 17 автомашин, 2 орудия и 1 танк противника. Утром 8 января бойцы полков майора Хаботина и подполковника Корчагина из 351-й стрелковой дивизии генерала В. Ф. Сергацкова выбили противника из селения Малка. Штурмом в ночь с 9 на 10 января 1943 года наши войска овладели Кубой и Марьинской. 11 января 1943 года в 4 часа утра советские войска завершили освобождение территории Кабардино-Балкарской АССР. Вслед за освобождением территории Кабардино-Балкарии от гитлеровских оккупантов 20 советских военных альпинистов, выполняя приказ командующего Закавказским фронтом генерала И. В. Тюленева, поднялись на вершину Эльбруса, сбросили оттуда фашистские штандарты, установленные в августе 1942 года, и торжественно водрузили советские флаги. В ходе боев за Кабардино-Балкарию с новой силой проявилась великая сила дружбы народов СССР, верность и преданность воинов разных национальностей нашей Великой Родине. Почти в каждой части и в соединениях, ведущих боевые действия в составе Северной группы войск, находились сыны и дочери Кабардино-Балкарии. В 347-й стрелковой дивизии, например, их насчитывалось 257 человек, в 11-м гвардейском стрелковом корпусе – 175, в 10-й гвардейской стрелковой бригаде – 139 человек. Среди тех, кто защищал родную республику, были Кубати Карданов, Василий Михайленко, отважные воины Аскерби Шортанов, Залихан Бесланев, Иван Щербак, Иван Полищук, Георгий Зацепин, Миша Гешев, Виталий Лесев, Хажбекир Настаев, Шу Мамхегов, женщины-воины Роза Хатукаева, Мария Данилова, Хуж Кумахова, Полина Грищенко и другие, а также партизаны: бывший комиссар объединенного партизанского отряда Ч. К. Кудаев, Баби Начоев, Ц. Б. Сасиков, Маго-

мед Агтоев, Хамид Шкахов, Юсуф Макитов, девушки-партизанки Нина Радченко, Сурат Бесланеева, Лилия Балкизова, Мотя Архагова, Софья Жанказиева и многие другие.

Освобождение Кабардино-Балкарии от фашистских оккупантов население республики встретило восторженно. В населенных пунктах состоялись собрания и митинги, где трудящиеся давали клятву отдать все свои силы, весь свой труд на помощь родной Советской Армии для полного разгрома фашизма, горячо приветствовали своих освободителей – советских воинов. Со словами благодарности к бойцам, командирам и политработникам Советской Армии обратились участники пленума Кабардино-Балкарского обкома ВКП(б), коммунисты многих первичных партийных организаций, коллективы промышленных предприятий и государственных учреждений, работники колхозных и совхозных полей. Не жалеть своих сил в деле восстановления народного хозяйства, разрушенного фашистами, оказать всестороннюю помощь родной Советской Армии для окончательного разгрома ненавистного врага – таково было единодушное заявление трудящихся Кабардино-Балкарской АССР.

За мужество и стойкость, проявленные трудящимися города в годы Великой Отечественной войны, и за успехи, достигнутые в хозяйственном и культурном строительстве, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 7 мая 1985 года город Нальчик награжден орденом Отечественной войны I степени.

ФОНД ОБОРОНЫ РОДНОЙ ЗЕМЛИ

Советский народ выстоял и одержал победу в Великой Отечественной войне – самой тяжелой из когда-либо пережитых нашей Родиной, – еще и потому, что в эти годы патриотическое движение за увеличение материальной помощи Красной Армии и флоту приобрело небывалый размах и стало всенародным. Творческой инициативой трудящихся стало создание фонда обороны. Благородное стремление было одобрено Советским правительством и общественными организациями.

В создании фонда приняли активное участие все народы Советского Союза, все трудящиеся – коммунисты и беспартийные, юноши и девушки. В фонд обороны поступали не только личные сбережения граждан, но и различные ценности, продукты питания, теплая одежда для фронтовиков. Рабочие промышленных предприятий добровольно отчисляли свой однодневный заработок, труженики села засеивали сверхплановые гектары, получая сельхозпродукцию для фронта. Немало средств перечислялось от проведенных комсомольско-молодежных воскресников. Активно участвовали в сборе металлолома для промышленности пионеры и школьники. Мирные жители стали донорами, отправляли на передовую посылки. И

к лету 1942 года в фонд обороны было собрано 2740 млн рублей и еще на 2163 млн рублей облигаций внутренних займов, 11.5 кг платины, 94 кг золота, 9 тыс. кг серебра, почти на 9 млн рублей драгоценностей и иностранной валюты. И в результате к концу года в целом по стране поступления составили 10.5 млрд рублей, что позволило дополнительно дать фронту значительное количество боевой техники.

Коллектив железнодорожной станции Муртазово решил до конца войны ежемесячно отчислять в фонд обороны двухдневный заработок, внесли также на 9 тыс. рублей облигаций государственных займов. Путьцы Гесетенко, Макуфрачев, Турчин, Рыжин и другие работали за двоих и за троих, выполняя норму на 300-400 процентов. «Все для фронта, все для победы!» – под таким лозунгом работали и советские железнодорожники в дни войны.

Всенародный характер приобрело начатое по инициативе колхозного крестьянства общественное движение за сбор средств на строительство танковой колонны, эскадрилий самолетов и другие нужды. За короткий срок на строительство колонны трудящимися республики собран 21 млн рублей.

Люди старались не только поделиться деньгами, но и одеждой, которая помогла бы воинам перенести суровые фронтовые зимы. И вот уже на столе президиума собрания колхозников с. Псыгансу Урванского района высится гора теплых вещей. Здесь были фуфайки, башлыки, шапки и многое другое. Шестидесятилетний Х. Муков принес фуфайку и рукавицы, Ф. Кардангушева – одеяло и подушку, А. Машуков – свитер и шкуру. Колхозники принесли более 60 штук овчины, а сотрудники сельхозартели «Нижний Чегем» Чегемского района для фронта дали десятки добротных бурок, шуб, овчин, шинелей, меховых жилеток и много других вещей, необходимых бойцу в зимних условиях. На общем собрании колхоза единодушно решили дополнительно выделить 60 полушубков, 120 пар валенок, 30 пар теплого белья, 50 шапок-ушанок, 100 пар перчаток, 100 пар носков, 15 теплых курток и 15 пар ватных брюк.

Колхозники Нальчикского района за неделю сдали 623 000 рублей, с. Нартан – 200 500 рублей, с. Чегем-II – 100 000 рублей, с. Урвань – 90 000 рублей, с. Герменчик – 89 000 рублей, с. Кенже – 93 112 рублей. Исторические победы Красной Армии вызвали волну патриотического подъема, труженики старались оказать как можно большую помощь. Колхозницы сельхозартели «Думала» Фатимат Малкандуева, Канимат Гемуева и другие продали государству по 100 кг картофеля. А 60-летняя Шаги Таумурзаева сказала: «Двое моих сыновей сражаются за спасение Родины. Пусть мои 50 кг картофеля будут крупинкой в деле ускорения разгрома врага».

С большой любовью и надеждой на скорую победу трудящиеся готовили подарки для доблестных воинов к 26-й годовщине Красной

Армии. Было собрано и отправлено на фронт 4 вагона подарков, в том числе 3 тысячи носовых платков, 2500 пар варежек, 15 бурок, 2 тонны колбасы, 3 тысячи кур, более 5 тонн мяса, 3 тонны фруктов, вагон овощей, 3 тысячи литров спиртных напитков и много других продуктов и вещей. С ноября 1941-го по май 1942 года бойцы получили свыше 3,4 тысячи вагонов коллективных и индивидуальных посылок.

А жены офицеров-фронтовиков Нальчика в феврале 1944 года со словами «пусть эти средства помогут нашим воинам добить фашистского зверя в его собственной берлоге. Да здравствует Красная Армия!» внесли свои сбережения в сумме 10 300 рублей на новые самолеты «Боевая подруга».

Важную роль в укреплении связей фронта и тыла имели шефство трудовых коллективов над тыловыми госпиталями, переписка трудящихся с воинами, поездки на фронт делегаций от промышленных предприятий, колхозов и совхозов, концертных бригад, оказание помощи инвалидам войны, детям-сиротам и семьям фронтовиков. Всенародная поддержка и забота о Красной Армии и Военно-морском флоте явились могучим источником силы, важным вкладом в укрепление боевого могущества страны, в достижение победы над гитлеровским фашизмом.

Социалистическое соревнование мобилизовало творческую энергию советского народа на развитие военной экономики. Развернулось массовое патриотическое движение двухсотников, трехсотников – тех тружеников, кто перевыполнял производственные нормы в 2, 3 и более раз, обслуживал много станков одновременно, движение за овладение смежными специальностями, за обучение новых кадров рабочих. В промышленности, на стройках и транспорте, в сельском хозяйстве рождались трудовые почины, которые привлекали тысячи последователей и вносили достойный вклад в общее дело. Основным обязательством соревнующихся была борьба за выпуск сверхплановой продукции для фронта, повышение производительности труда.

Во второй половине 1942 года в соревнование включились коллективы предприятий 52 отраслей народного хозяйства. Широкий размах приняло соревнование комсомольско-молодежных бригад за присвоение звания фронтовых. Получивших право так называться было 10 тысяч, в них трудились около 100 тысяч человек. В дальнейшем это движение охватило и сельское хозяйство. В октябре 1944 года в нашей республике за досрочное выполнение плана хлебосдачи государству и дополнительно Красной Армии соревновались районы, совхозы, МТС. Первым выполнил обязательства колхоз им. Андреева с. Кенже (председатель Жакомухов), а колхозники артели «Нартан» (председатель Шибзухов, секретарь парторганизации Барагунов) брали обязательство сдать сверх плана 6000 пудов хлеба. На деле удалось это количество довести до 13 200. Желая усилить помощь фронту, трудящиеся артели им. Ленина вместо обещанных 1 200 дали 1 800 пудов, а затем взяли обязательство

дополнить еще 600. В газете «Кабардинская правда» за 18 ноября 1944 года рассказывалось, как, на 600 пудов превышая свои обязательства, помог армии колхоз им. Молотова, а потом было решено передать еще 1 200.

За годы войны республика сдала государству 278 130 тонн зерна, 47 399 тонн подсолнечника, 56 275 тонн картофеля, 19512 тонн овощей, 164 165 гектолитров молока, 9025 центнеров шерсти, Красной Армии передано 27 тысяч лучших кабардинских коней, внесено в фонд обороны страны и на займы государству 160 580 566 рублей.

До временной немецкой оккупации в республике было расположено 14 эвакогоспиталей с общей пропускной способностью в 13 000 койкомест, которые оказались необходимы 60 тысячам раненых и больных воинов с июля 1941-го по 1942 год.

Советское правительство высоко оценило трудовой героизм народа. За успешное выполнение и перевыполнение заданий в 1942 году 53 промышленных предприятия были удостоены высоких государственных наград, около 32 тысяч наиболее отличившихся рабочих и руководителей промышленности и сельского хозяйства получили ордена и медали. Без их помощи невозможно было приблизить и всемирно-историческую победу нашей великой Родины над фашизмом.

В НЕБЕ – ЯСТРЕБ!

«Канкошев – это олицетворение мужества, героизма, волевой командир, храбрый летчик-истребитель, отлично владеет техникой пилотирования, умело ее использует в борьбе с фашистскими стервятниками, в воздушных боях проявляет отвагу, бесстрашие и тактическое умение. Под командованием товарища Канкошева, прикрывая наступление наших войск в район Черноерковская, группа в составе пяти ЯК-1 вела воздушный бой с десятью МЕ-109. Ведя бой с двумя МЕ-109, тов. Канкошев умелыми атаками зажег один МЕ-109Ф, который упал горящим в 5 км западнее Казачий Ерик, другой МЕ-109, подбитый, ушел курсом на запад».

Так говорилось о бесстрашном сыне Кабарды летчике-истребителе Ахмед-Хане Таловиче Канкошове в листовке военных лет.

За образцовое выполнение боевых заданий командования, за сбитые лично четыре и в составе два самолета противника приказом 4-й Воздушной армии 17.06.1943 года награжден орденом Красного Знамени.

Ахмед-Хан Канкошев родился 7 мая 1914 года в с. Дейское Терского района, в семье крестьянина-бедняка. Мальчику было всего 7 лет, когда умерла мама Дыщэнэху. Мать ему заменила жена старшего брата Шамаула – Ула Ибраковна. Позже отец женился на Ануне Цуцовне, которая полюбила Ахмед-Хана и его брата как родных.

Отец – Тала Эльмурзович работал в колхозе. Был награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Был делегатом на первом съезде колхозников-ударников в Ростове-на-Дону. Награжден орденом «Знак Почета».

Ахмед-Хан Канкошев после окончания 7 класса поступает в железнодорожный техникум г. Орджоникидзе. С началом Второй мировой войны прозвучал призыв к молодежи овладевать военными профессиями. И вот приехала комиссия из г. Батайска по отбору курсантов для поступления в авиационную школу. Отобрали всего семь человек, в том числе и Ахмед-Хана. После ее окончания его направляют в Москву, в аэроклуб им. В. П. Чкалова, для испытания и переподготовки летчиков на новые самолеты. В 1938 году его направляют в Йошкар-Олинский аэроклуб им. Наты Бабушкиной Марийской АССР, для прохождения дальнейшей службы. Работал инструктором, готовил летчиков-истребителей. С первых дней Великой Отечественной Ахмед-Хан рвался на фронт, полагая, что там он больше нужен. Однако командование считало целесообразным, чтобы Канкошев продолжал выпускать кадры авиаторов для армии. Не раз пришлось ему писать рапорт для отправки на фронт. Вот заявление А. Т. Канкошева Председателю Государственного комитета обороны СССР И. В. Сталину и командующему ВВС СССР генерал-лейтенанту Жигареву с просьбой о направлении его в действующую армию. Декабрь 1941 года:

«В период Отечественной войны, когда все способные носить оружие находятся на поле сражения, я больше не в силах терпеть, и моя коммунистическая совесть не позволяет сидеть, как я сижу уже в течение 5 месяцев без выполнения прямого задания. Неужели у нас так много летчиков, именно хороших летчиков, имеющих богатый опыт летной работы, особенно по высшему пилотажу, что нет возможности использовать нас на полях сражения Отечественной войны? Я вынужден сидеть и смотреть в качестве постороннего наблюдателя, в то время, когда десятки моих воспитанников сражаются с фашистскими стервятниками, защищая нашу Родину, честь и свободу нашего народа. Я тоже считал бы себя счастливым применить то, чему учился, готовился и работал в течение 8 лет, а именно сражаться в воздухе с врагами нашей социалистической Родины. Поэтому убедительно прошу Вас направить меня в одну из авиационных частей, действующих на фронте. Не раз я писал заявления и рапорты о направлении меня на фронт через свой военкомат, но еще не получил положительного ответа, поэтому решил обратиться к Вам лично.

К сему мл. лейтенант запаса Канкошев Ахмед-Хан Талович (подпись). Мой адрес: Марийская АССР, г. Йошкар-Ола, аэроклуб им. Н. Бабушкиной».

В конечном счете командование удовлетворило его просьбу. На фронт он прибыл в декабре 1942 года. 14 марта 1943 года А. Т. Канкошев

вылетел в составе группы на перехват самолетов противника в район Темрюк – Коса Чушка. В районе цели произвели штурмовку вражеского аэродрома. А. Т. Канкошев с бреющего полета поджег один ФВ-189 и четыре самолета повредил. При выходе из штурмовки завязался воздушный бой: семь ЯК-1 против десяти МЕ-109Ф. Умелыми действиями Канкошев в этом бою сбил один самолет. 14 мая 1943 года Канкошев в паре с Горбуновым, прикрывая свои войска в районе Крымская, заметил шесть вражеских самолетов, которые пытались бомбить передний край нашей обороны. Стремительными атаками их разогнали, Канкошев сбил один МЕ-109Ф, который упал в районе Аманат.

3 июня 1943 года Канкошев вылетел на отражение налета бомбардировщиков на район Киевское. В районе цели наши восемь истребителей встретили более ста вражеских бомбардировщиков. На глазах у наземных войск нашего участка фронта всю эту армаду противника разогнали. Они в панике разбросали бомбы, частично на головы своих войск и частично по чистому полю. Канкошев один связал боем восемь МЕ-109, и здесь наш земляк оказался победителем, сбив бомбардировщик, который упал в 3-5 км южнее Киевского. И хотя самолет Канкошева получил до 15 пробоин, он все же сумел благополучно посадить свой истребитель на аэродром.

За два месяца до гибели славный сын кабардинского народа, Герой Советского Союза Ахмед-Хан Канкошев обратился с письмом к молодежи Кабардино-Балкарии.

«Мои дорогие земляки, – писал он, – комсомольцы и комсомолки Кабардино-Балкарии! В день 25-летия славного Ленинского комсомола примите от меня, вашего земляка, воспитанника Кабардино-Балкарской комсомольской организации, пламенный боевой привет.

Эту замечательную дату мы отмечаем в радостные дни победоносного наступления Красной Армии. В первых рядах наступающих советских частей идут комсомольцы-фронтовики, увлекаемая своим подвигом всю армейскую молодежь. В дни Отечественной войны, как никогда более, комсомол показал себя верным помощником партии Ленина. Именно в дни войны у нашей молодежи с особой силой проявились качества, которые воспитывались в ней большевистской партией: отвага и смелость, беспредельная преданность своей Родине, великой партии. Сегодня, в день 25-летия ВЛКСМ, я клянусь биться с врагом до последнего дыхания. До тех пор, пока хоть один немец останется на советской земле, я не буду знать покоя, и мои руки не устанут бить проклятых захватчиков.

Товарищи земляки!

Призываю вас еще самоотверженнее трудиться в тылу. Помогайте Красной Армии громить и уничтожать немецко-фашистскую нечисть!». Газета «Социалистическая Кабардино-Балкария» опубликовала это обращение 29 октября 1943 года.

Боевой путь летчика-истребителя Ахмед-Хана Канкошева по времени равняется одному году. Смертью героя пал он в декабре 1943 года. За этот год советский ас в воздушных боях сбил двенадцать и в группе три самолета врага. У Ахмед-Хана был свой счет к фашистам. Они убили его брата и двух сестер. «Я знаю, что мне делать, – говорил Канкошев на митинге в части. – Фашист – мой кровный враг, и я жестоко отомщу ему за гибель брата и сестер». Эти слова молодого летчика звучали тогда как клятва. И он её выполнил. Вот один из боевых эпизодов, рассказанный газетой «Крылья Советов» в начале июля 1943 года:

– В составе группы Ахмед-Хан Канкошев летит над родной землей, временно захваченной противником. Вдруг внизу показался немецкий аэродром. «Приготовиться к штурмовке!» – приказал командир группы. Для Ахмед-Хана Канкошева не надо повторять команду. Он резко пикирует на стоянку фашистских машин. От меткого огня уже пылает первый стервятник. А когда на выручку немцам пришла группа «мессершмитов» и попытались воспрепятствовать штурму, гвардеец Канкошев загнал одного стервятника в озеро, а второго, зашедшего в хвост Горбунову, подбил и заставил удрать из боя других.

Свой «ястребок» Ахмед-Хан повел над облаками, которые покрывали морскую поверхность. Перед вражеским аэродромом снизился, но сразу попал под ураганный огонь зениток. Над самым аэродромом пройти не удалось. Возвращаться порожним – это не в правилах аса. Придется попробовать еще. Он оглянулся и похолодел. Сзади почти впритык и с небольшим превышением висели два «мессера», а сверху появилась другая пара. Это был капкан, к тому же уже закрытый. «Мессеры» даже не стреляли – ведь «Як-1» пойман, осталось только довести до своего аэродрома и посадить его. Это понял бы даже новичок.

Фашистские летчики знали, что перед ними ас: новичков поодиночке не посылают, да ещё через море. И они, торжествуя, усмехались, что он по их команде послушно ведет машину на посадку. Вот и аэродром. Несколько минут назад он встретил разведчика ураганным огнем, а теперь молчит.

Его сажали не сразу, а повели по большому кругу. Потом дали понять, чтобы садился первым, а они ещё стерегут: трое с одного, один с другого бока. Что же, первым так первым. И Ахмед-Хан стал действовать четко, инициативно, безошибочно. Его «Як» сделал разворот и пошел вниз. Но вдруг мотор дико взревел, и самолет понесся вдоль аэродрома, поливая его огнем. Перехватить его кинулся «мессер», который дежурил с одного бока. Но фашист не знал, что имеет дело с мастером высшего класса. Лишь на мгновение подставил «мессер» бок, и сразу его прошли очереди. Оставшиеся три самолета заметались беспорядочно, занимая удобные позиции вверху, чтоб свалить «ястребок», когда он по всем правилам рванется вверх. Но они просчитались. Откинув все каноны воздушного боя, Ахмед-Хан повел свою машину бреющим полетом над

самыми крышами Бердянска, едва не срезав верхушки деревьев, а потом над морской гладью... Вскоре он растаял вдалеке...

Родина высоко оценила его подвиг. 2 сентября 1943 года ему было присвоено высокое звание Героя Советского Союза, и он был награжден орденом Ленина: «За проявленное мужество, отвагу и героизм в воздушных боях, за сбитые лично восемь самолетов, в составе группы три и подбитые пять самолетов противника, за героическое отражение налетов вражеских бомбардировщиков от переднего края обороны наших войск, гв. лейтенанта Канкошева представляю к правительственной награде: к званию Героя Советского Союза.

Командир 42-го гвардейского ИАП гв. подполковник А. Гарбарец».

В 1984 году к 70-летию со дня рождения Героя Советского Союза, командира звена, гвардии старшего лейтенанта Канкошева Ахмед-Хана Таловича, геройски погибшего при выполнении боевого задания в декабре 1943 года, большая группа гвардейцев приехала в гости к родным героя.

«Уважаемые родственники. Жена – Зоя Хакяшевна, сын – Зелимхан Ахмедханович! Ваши дети и внуки! День рождения А. Т. Канкошева мы, воины-гвардейцы, отметили в нашем 42-м ГИТ КАП, – обратились они к хозяевам. – Нынешних авиаторов-гвардейцев мы воспитываем на героических подвигах, которые А. Т. Канкошев совершал в годы Великой Отечественной войны. Герой Советского Союза А. Т. Канкошев для нас – гвардейцев 80-х годов – образец мужества, героизма, образец выполнения приказов и распоряжений командования, верного служения Родине! Мы, воины-гвардейцы, заверяем вас, что будем бдительно стоять на страже мира, достойно выполнять свой воинский интернациональный долг за рубежом. Желаем вам, дорогие, крепкого здоровья, человеческого счастья, успехов в труде и долгих лет жизни».

«Память о моем муже бережно хранят и в Кабардино-Балкарии, и на второй родине Ахмед-Хана – Мари-Эл, – взволнованно говорит вдова героя Зулихан Хакяшевна. – Мемориальные щиты в его честь установлены на здании аэроклуба и на мемориальном кладбище в Йошкар-Оле. Одиннадцать героев Советского Союза дала стране Мари-Эл, двенадцатым считают Ахмед-Хана Канкошева. И когда бы ни приезжали Канкошевы в Марийскую республику, их здесь радушно встречают как самых близких людей».

Сама Зулихан Хакяшевна с 1941-го по 1943 годы заботилась о раненых бойцах в городе Йошкар-Ола Марийской АССР. А с 1944 года уже в Нальчикской горбольнице работала операционной медсестрой. После войны была депутатом Нальчикского горсовета, депутатом Верховного Совета КБАССР, заместителем Председателя Президиума Верховного Совета КБАССР 3-го созыва. Награждена медалью «За доблестный труд в период Великой Отечественной Войны 1941–45 гг.» и юбилейными медалями.

*Аскер ДОДУЕВ,
народный поэт КЧР,
заслуженный работник культуры ИР*

ДАРОВАНИЕ И ДОБРОСЕРДЕЧНОСТЬ

К. А. Мизиев

Дарование и добросердечность – это две прилежащие грани, что отличают от всех других многогранного, высоко эрудированного Каншаубия Адраевича Мизиева. Их сочетание делают его ни на кого не похожим и ни с кем не сравнимым, а значит, надежным и верным, слышащим биение сердца тех, кто рядом.

По воле счастливой судьбы, мне приходилось встречаться с Каншаубием Мизиевым в разные годы, в разных городах разных стран. Я не слышал, чтобы он когда-нибудь на кого-нибудь повысил голос или изменил тон своего голоса, чтобы он сказал что-то непристойное о ком-нибудь, включая своих врагов и недругов. Из всех, кого я знал, он был и остается одним из тех мужественных и сильных духом людей, которые могли держать однажды данное слово, не роняя свою честь и честь других. Изречение Кязима «наше имя – человек» Каншаубий Адраевич достойно пронес через всю свою нелегкую, но яркую и колоритную жизнь.

В 2011 году мы, делегация из Кабардино-Балкарии, писатели, артисты, журналисты, вместе с государственным телевидением (пятнадцать человек), приехали в Уфу, где нас встретили на высоком уровне, где проводили юбилейный вечер нашего земляка Каншаубия Мизиева, в это время представлявшего Башкортостан в Турецкой республике.

Президент Башкортостана Муртаз Рахимов, вручая высшую награду республики, сказал: «Каншаубий Мизиев – исключительно уважаемый человек, который помимо своей работы, переводит моего самого любимого поэта Мустая Карима на турецкий язык. Если бы не Каншаубий Мизиев, у республики не было бы таких тесных отношений со Стамбулом».

Президент Муртаз Рахимов этими словами приоткрыл лишь только одну сторону деятельности Каншаубия Мизиева, дипломата и политика, журналиста и писателя, строителя и переводчика.

Каншаубий Мизиев долгое время возглавлял строительную компанию ООО «Анмар», и в то же время создал другую компанию – ООО «Лавина». ООО «Анмар» управляла строительными фирмами по всему СНГ. Народный поэт Башкортостана, лауреат Ленинской премии Мустай Карим заметил: «Любое творчество – это благо, богатство. Произведения строителей – это богатство, которое будет жить долгие годы, может быть, столетия. Поэтому строители, архитекторы несут большую ответственность перед идущим».

«Строитель всегда должен чувствовать эту ответственность. Плохо написанную книгу можно отложить в сторону, плохую музыку отключить, но невозможно сделать вид, что вы не видите плохо построенное, некрасивое здание. Вы годами обязаны проходить мимо него или же вынуждены жить в этом доме. Такие здания огорчают, печалят. Здания, построенные турецкой строительной фирмой «Идиль», меняют облик нашего города, украшают его. Они построили эти здания, будут еще строить и возвратятся в свою страну. Наша задача – в Уфе сохранить эти здания.

У фирмы «Идиль» в Уфе самая хорошая, самая добрая репутация, и в этом большая заслуга моего старого друга Каншаубия Мизиева.

Каншаубий Адраевич Мизиев был переводчиком у Николая Викторовича Подгорного и сопровождал его в поездках в Турецкую республику.

Сотрудничал с первым каналом государственного телевидения Турции. Многие советские телезрители помнят первый турецкий телесериал «Король – птичка певчая», который блестяще перевел на русский язык Мизиев. Это было только начало. Благодаря ему зрители СССР увидели советско-турецкие кинофильмы «Любовь моя, печаль моя» по мотивам одноименного романа Назыма Хикмета, «Манкурт» по роману Чингиза Айтматова и многие другие. Он часто приезжал в Россию в составе киногруппы Первого канала турецкого телевидения, которая вела программу по изучению культуры, истории и этнографии народов России и СНГ. В это время я тоже работал на телевидении КБР и сопровождал их в разные уголки Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии. Меня приятно удивило то, что без ведома Каншаубия Адраевича ничего не происходило, все спрашивали, что снимать, а что нет. По завершении работы мы сделали передачу с их участием под названием «Терек – река дружбы».

Сборник стихов М. Ю. Лермонтова «Смерть поэта» в переводе Мизиева на турецкий язык выдержал три издания и презентовался в Пятигорске, в доме-музее великого поэта. Каншаубий Адраевич издал более двадцати книг классиков русской литературы вместе с известными поэтами и писателями в различных издательствах Турецкой республики.

Известный поэт, классик советской литературы Андрей Вознесенский точно сказал: «Для меня, конечно же, было великой радостью встретить в самом центре Стамбула – этого города из самой сказки – удивительного человека, который всем своим существом, творческим накалом, литературной деятельностью и обаянием олицетворял бы так неповторимо вечный образ моей любимой и прекрасной России!

Я уверен, что пока Каншаубий Мизиев оживляет бессмертные произведения наших русских классиков, которые жили на берегах Москвы и Невы, у самого Босфора, дух нашей необъятной Родины будет праведно слеπлен по-турецки чеканным слогом и образцово будет походить на образец оригинала».

Что касается чеканного и образцового слога, директор турецкого из-

дательства «Брой» Сейит Незир недвусмысленно высказал своё мнение, как издателя: «Антология балкарской поэзии» является праздником дружбы двух наших народов, двух наших республик. Каншаубий Мизиев своим беспримерным вкладом в это дело является первооткрывателем, первопроходцем и, думается, лидером укрепления этого братства. Внимательный читатель, вникая в содержание этой книги, ежеминутно будет ощущать его стремление к этому».

Хочу подчеркнуть, что Каншаубий Мизиев успешно переводил как с карачаево-балкарского, так и с русского оригиналов. «Антология балкарской поэзии», книга Кязима Мечиева «Огонь очага» и Кайсына Кулиева «Покуда стоят эти горы» выходили в свет два раза, вторые издания публиковались с некоторыми дополнениями.

Вместо перечисления его трудов, я бы хотел привести одно из высказываний профессора, известного поэта, автора многочисленных антологий на турецком языке Ахмета Неждета: «С приездом в Турцию Каншаубия Мизиева, а точнее – с началом его творческой деятельности, бесспорно, изменилась вся литературная палитра и жизнь моей страны. Это, как мне думается, случилось в связи с обширными публикациями Каншаубием Мизиевым русской и балкарской поэзии.

Чтобы воочию показать его большие заслуги в этой области, мне достаточно назвать лишь некоторые имена известных поэтов, которых мы с Каншаубием Мизиевым перевели на турецкий язык: Александр Пушкин (отрывки из романа в стихах «Евгений Онегин»), Михаил Лермонтов (сборник стихов «Смерть поэта»), Федор Тютчев, Николай Некрасов, Федор Глинка, Василий Жуковский, Иван Бунин, Валерий Брюсов, Велимир Хлебников, Борис Пастернак (сборник стихов из романа «Доктор Живаго»), Сергей Есенин (сборник стихов «Никогда я не был на Босфоре»), Кайсын Кулиев (сборник стихов «Пока стоят эти горы»).

Через некоторое время Ахмет Неждет и Каншаубий закончили и издали шедевр мировой литературы «Евгений Онегин» отдельной книгой, которая заслуженно стала «Книгой года в Турецкой республике» в 2003 году.

Успехи Каншаубия Мизиева в переводческой деятельности связаны еще и с тем, что он относился с глубоким уважением, я бы сказал, с почтением, к той стране, где жил и работал. Он ещё успевал переводить на русский и карачаево-балкарский языки лучших представителей славной и древней турецкой литературы. Его переводы и статьи печатались в центральных СМИ Москвы, Уфы, Нальчика, Черкесска, Казани и в других русскоязычных газетах и журналах СНГ.

Он дружил с многими известными литераторами, такими как Андрей Вознесенский, Олжас Сулейменов, Кайсын Кулиев, Расул Гамзатов, Евгений Евтушенко, Равиль Бикбаев и многими другими. Много было друзей в Анкаре, Анатолии, Стамбуле – артисты, журналисты, писатели, издатели, но никогда ему и в голову не приходило сменить своё гражданство или,

как говорят, получить второе гражданство. Говорил: «У меня страна одна, гражданство – одно, и жизнь у меня одна. Меня здесь знают как русского, если не русского по Кариму «не русский я, но россиянин», россиянином я и покину этот мир».

Вспомнил, как я однажды позвонил Мизиеву. Четыре дня проходили вечера в Турции, посвященные Исмаилу Семенову, классику карачаево-балкарской литературы. Вечера проходили в Анкаре, Конье и Эскишехире (нас было около тридцати человек). Немного устали, ехали в Стамбул на автобусе, оттуда собирались вылететь в Минводы. Рядом со мной сидел ректор СГА, профессор Али Хакимович Атабиев. Я его спросил: «Устал?» Он ответил: «Не то слово!» – «Отдохнуть не хотел бы?» – снова спросил я, в ответ услышал: «А как и где?». Молча набрал номер Каншаубия Мизиева, поставил на громкую связь. «Каншаубий Адраевич, я с Али Хакимовичем Атабиевым, который, как и Сергей Есенин, никогда не был на Босфоре». Никаких здравствуйте, никакого приветствия, вот так и разговариваем, как чегемцы, которые в середине или в конце беседы могут поздороваться, а могут и обойтись без этих сентиментальностей. Мизиев ответил: «Я сейчас в Анталии, здесь были кое-какие дела, но эти дела подождут. Заказываю билет на ближайший рейс до Стамбула, а за вами посылаю своего водителя, он вас найдет и присмотрит за вами, а я скоро буду...»

С полномочным послом Казахстана Дюсеном Касеиновым

Пока мы свою делегацию провожали, водитель нас ожидал в аэропорту «Сабиха» с табличкой «Я от Каншаубия Адраевича Мизиева». Наверное, Каншаубий раньше позвонил своему шоферу, поэтому он нас узнал и первым подошёл к нам: «Здравствуйте, я Йылмаз, а вы это два кучерявых, о которых мне говорил Каншаубий? – и, изучающе посмотрев на меня, добавил: – А вы, видимо, из "раньше" кучерявых. Поехали со мной». На стоянке нас ожидал новенький мерседес.

Йылмаз привёз нас в какой-то солидный ресторан, а сам уехал по своим делам. Ближе к ночи прилетел сам Каншаубий Адраевич и устроил нас в предварительно забронированные номера в гостинице того же ресторана, который назывался «Мави тюрк эви», знаменитый на весь мир, где выступали именитые танцовщицы и певцы. Там мы пробыли пять или шесть дней. Днём ходили по музеям, а вечером и до ночи в ресторане – наш стол с российским триколором был забронирован за нами на всё время нашего пребывания в Стамбуле.

В один из таких вечеров рядом с нами сидели американцы, человек двенадцать, отмечали какое-то событие. Танцовщица кружилась вокруг нашего стола, а от соседнего столика, где стоял американский флажок, постоянно

снимали нас на камеру телефона. Атабиев сказал Каншаубию: «Смотри, они же нам завидуют, давай закажем какую-нибудь песню на балкарском языке?» Я ухмыльнулся: «Это же не государственный ансамбль министерства культуры Турции, чтобы исполнять для тебя на балкарском». Действительно, в репертуаре ансамбля было аж семь народных песен на карачаево-балкарском языке, включая «Эльбрус» («Минги тау») (слова и музыка Исмаила Семёнова), с которой начинались памятные вечера поэта в Анкаре, Конье, Эскишехире.

Дальше говорю, хотя бы на русском языке что-нибудь бы. Заказали «Катюшу». Хорошо получилось, пели все. Американцы тоже что-то заказали, но мы не знали песню и не стали петь. Затем мы попросили спеть «Калинку». После чего американцы сидели тихо и ничего не заказывали. От нас тоже заявок не поступало, ибо мы знали, что кроме этих песен ансамбль ресторана ничего не знал. «Видишь, как мы их заткнули – не силой, так песней», – сказал Каншаубий. Быстро прошла эта неделя, пора и честь знать. В аэропорт нас привёз водитель Ыылмаз вместе с Каншаубием Мизиевым. Спустя несколько лет Каншаубий при нашей встрече в Нальчике спросил, помню ли я Ыылмаза. «Как не помню твоего водителя, такого интеллигентного, с галстуком и крутым юмором», – ответил я. «Так вот, чтобы ты знал, этот Ыылмаз владелец целой сети ресторанов и гостиничных комплексов в Стамбуле, таких как «Мави тюрк эви», – лукаво пояснил Каншаубий. «Ну ты даёшь», – подумал я и напомнил ему про случай с Кайсыном и Мустаем в Чегемском ущелье.

Когда закипел радиатор в машине, Кайсын с ведром шёл за водой к реке. Вдруг к Мустаю Кариму, который сидел в машине, подошла женщина и спросила: «Вон тот мужчина с ведром, это Кайсын Кулиев?» – «Да», – ответил Мустай с важным видом. Женщина снова спросила: «А вы кто будете?» На что он ответил: «Если мой водитель Кайсын Кулиев, то представьте себе, кто такой я...»

«Да, Каншаубий Адраевич, если твой водитель миллионер, я могу представить твоё состояние», – сказал я, и мы поехали отмечать нашу встречу.

Наша последняя встреча с Каншаубием Мизиевым состоялась 18 октября 2025 года. Восстанавливали памятник Кайсыну Кулиеву в муниципалитете Кечиорен города Анкара. Он приехал из Стамбула, я из Нальчика, из Алматы прилетел Дюсен Касеинов, полномочный посол Казахстана. Нас пригласили в посольство РФ в Турции, которому Каншаубий Мизиев подарил переведенные и изданные им на турецком языке книги классиков русской литературы. В посольстве был молодой состав, но они помнили его со слов старших коллег – предыдущих послов РФ в Турции Владимира Ивановского и покойного Александра Ершова.

Дюсен Касеинов при всех озвучил, что он обязательно организует 75-летие Каншаубия Адраевича Мизиева в Казахстане в городе Туркестан, в котором тот родился 17 февраля 1951 года. Но увы, он расстался с нами в канун нового 2026 года, за полтора месяца до своего юбилея, оставляя за собой тепло, свет и доброе имя человека с красивым и благородным сердцем.

КОНАН ДОЙЛ ТУРЕЦКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Интервью

Ахмет Умит в настоящее время в Турции – один из самых популярных, востребованных и растиражированных, а если сказать современным языком – раскрученных турецких писателей. Но он уже становится известным и на международной арене, романы писателя переведены на 25 языков мира. Так, например, в 2014 году он был удостоен оригинальной награды: «Звёзды экспорта» Союза экспортёров электрического и электронного оборудования и сервиса Турции в номинации «Писатель, чьи книги больше всех проданы за рубежом».

Думаю, российские читатели, а скорее всего переводчики и издатели, ещё не открыли для себя Ахмета Умита. Тем более интересно, что им предстоит, хоть и с опозданием для себя, приятное знакомство с турецким Конан Дойлом / Дэном Брауном.

Он, на мой взгляд, постепенно отходя от чисто детективного жанра, преобладающего в его первых произведениях и киносериалах, даже с постоянным героем – Комиссаром Неджатом, в дальнейшем в своих романах, вводя вместе с детективными – и исторические, с научной глубиной, сюжеты, а также сложные психологические образы своих героев, в том числе их политические, философские взгляды, трансформировался в «турецкого Дэна Брауна», как некоторые сейчас его и называют в Турции. Встреча эта для российского читателя может быть интересной, ибо как сказал поэт Николай Ушаков: «Чем продолжительней молчанье, / Тем удивительнее речь».

Мы встретились с Ахметом Умитом в его офисе в Бейоглу – сердце Стамбула. Здесь, на проспекте Истикляль, кстати, находится и Генеральное консульство России. Ахмет в этом старом районе Стамбула знает каждый камень, каждый закоулок, здесь же находится и его офис в старом, османских времён, доме, его любимое кафе «Ладес», где мы продолжили разговор после офиса, и книжный магазин, где продаются его книги и где он их и подписывает, когда приходят покупатели. Об этом районе – его роман «Самый лучший брат из Бейоглу». Разговор с Ахметом Умитом, которого я знаю давно, мы начали с замечания о том, что его, переведённого на многие языки мира, пока плохо знают в России. За столь категоричную постановку вопроса он упрёкнул меня: «Ну, почему же? Я встречался с российскими читателями ¹. Одна моя

¹ Русскоязычному читателю уже известны книги А. Умита «Стамбульский ребус», «Ласточкин крик», «Врата тайны»...

книга – «Шкатулка сказок» уже опубликована на русском языке». На что я тоже с улыбкой ответил: «Вот-вот! Твоему Комиссару Неджату это как раз и послужило бы материалом для расследования: побудило вскрыть эту шкатулку сказок и показать твоё истинное лицо – не сказочника, а писателя совсем другого – детективно-психологическо-исторического жанра».

С Ахметом я встречаюсь с большими перерывами – когда он пишет очередной роман, то закрывается в своём загородном доме, сосредотачиваясь только на новом произведении, которое завершает, по его словам, в среднем, за два года. Но, что он не позволяет себе пропустить даже в такие трудовые дни и месяцы – это встречи со своими читателями в стране и за рубежом. Я познакомился с Ахметом, когда он и не думал публично о литературной деятельности или, может быть, думал про себя, затаённо. От него я слышал, как он, в своё время, подобно многим его сверстникам, был вовлечён в орбиту политических течений, считал себя революционером, что для меня звучало отголоском далёких лет истории нашей страны, этот период мы до сих пор называем «дореволюционным». Его воспоминания о тяжёлых для Турции 70-80-е годах легли в основу документально-художественной картины «Здравствуй, моя прекрасная страна», где вторым героем фильма является великий турецкий поэт Назым Хикмет.

– Ахмет, вопрос не столько для меня, сколько для читателей: когда ты начал писать? И начал ли ты, как и многие литераторы, с лирических произведений с плавным переходом на прозу или сразу приступил к рассказам, романам?

– Конечно, лирические стихи были, хотя даже я сам их не принимал всерьёз. Мои первые литературные пробы были связаны с моей революционной деятельностью. В 1980 году в Турции произошёл военный переворот, и мы, турецкие коммунисты, вели подпольную борьбу против режима. Во время одной операции по расклеиванию афиш полиция арестовала некоторых моих товарищей, мне удалось скрыться. Я написал своему руководителю по партии отчёт об этой акции, на что он мне сказал, что я романтик, а это, скорее, материал для какого-то романа, но уж точно не отчёт. Мой старший товарищ, сам не замечая этого, заложил во мне первые ростки моего стремления к литературной деятельности. А этот «отчёт» в конечном счёте, плавно, как ты говоришь, перевоплотился в мой первый рассказ.

– Естественно, при тех обстоятельствах и в тот период, о котором ты рассказываешь, он не мог быть опубликован.

– Да, конечно, его публикация и моя подпись под первым своим печатным произведением – это отдельная история со своей предысторией. Когда стало известно, что полиция меня вычислила и предстоял неминуемый арест, руководство партии предложило мне поехать на

учёбу в Москву, и я нелегальными путями, как и Назым Хикмет, правда, он через Чёрное море, а я через Болгарию, доехал до столицы страны своей тогдашней мечты. Таким образом, я стал студентом Института общественных наук, который в коммунистическом движении назывался просто Международной ленинской школой, где обучали представителей братских партий основам марксизма-ленинизма.

– Этот период мирового коммунистического движения совпал с годами твоей учёбы, и это движение, благодаря горбачёвской «перестройке», благополучно шло к своему закату, и в конце концов как бы остановилось. Ты был свидетелем всех этих процессов?

– Да, это была середина 80-х годов, тогда я почувствовал спад этого движения и разочаровался в политике. Этот период совпал к тому же с приятным для меня в личном плане событием: свой «отчёт» я постарался переоплотить в первый рассказ, который, к моему удивлению и неожиданно для меня, с помощью моих наставников в Школе, был передан в Прагу, где тогда выходил журнал «Проблемы мира и социализма». Он был не только опубликован, а напечатан сразу же на языках тех стран, где он выходил, то есть – на 40 языках. Вы можете себе представить – первый рассказ, и сразу на десятках языков! Вот тогда я воспрянул духом, поверил в свои литературные способности и впервые серьёзно задумался о литературной работе. Затем и ситуация у меня в стране изменилась, партия вышла из подполья, и я мог уже свободно и спокойно заняться любимой работой. И, кстати, сюжет одного из моих первых детективных романов – «Запах снега» – о моих московских годах учёбы. За это время, когда я бросил политику (правда, она меня никак не бросает), я понял, что большое значение имеет диалог между людьми разных взглядов, между разными политическими течениями и что нельзя достичь успехов, только критикуя руководство страны, не предлагая свой выход из создавшейся негативной ситуации.

– А теперь я задам тебе традиционный вопрос: кто, кроме представителей родной турецкой литературы, оказал на тебя влияние? Спрашивая это, я уже знаю один из ответов – Достоевский, потому что я читал твою статью о нём в одной из публикаций в периодической печати.

– Да, его влияние на меня было огромным именно в отношении открытия внутреннего мира человека и его психологической сущности. Кроме него, на меня в разные годы в той или иной мере оказывали влияние и другие русские писатели, в их числе: Горький («Мать» и «Мои университеты»), Маяковский, Пушкин, Чехов, Гоголь. Богатая русская классика почти вся переведена на турецкий язык. Она оказала и продолжает оказывать влияние не только на деятелей литературы и культуры нашей страны или жителей мегаполисов, но и на простых жителей турецких провинций, чему я, совершая многочисленные по-

ездки по стране для встреч с читателями, являюсь живым свидетелем. На этих встречах очень многие, выходя за пределы тем моих выступлений, задают вопросы, касающиеся советской и русской литературы, о частной жизни того или иного писателя. Я даже горжусь этими простыми людьми, уважаю их за интерес к мировой, и в частности, к русской литературе, радуюсь этому и в силу своих знаний и опыта стараюсь ответить на их вопросы. Это я сравниваю с тем, что видел в России. Я знаю, что там до событий 1991 года читали невероятное количество книг. Практически каждого в метро я видел с книгой или газетой в руках. Даже с буфетчицей или работником кафе я беседовал о Толстом или Достоевском. Так ли это в сегодняшние дни, я, к сожалению, не знаю.

Что касается литературы других стран, я, конечно, глубоко интересуюсь, в первую очередь, «отцами детективного жанра». Довольно интересны жизнь и творчество некоторых из них именно потому, что они связаны с действительностью и культурой Турции. Пример – Жорж Сименон, бельгиец, писавший на французском языке. Это тяжёлая артиллерия нашего жанра, один из его отцов-создателей, прославившийся своим героем комиссаром Мегрэ и написавший около 450 произведений, распространившихся по всему миру тиражом более 550 миллионов экземпляров. И мне приятно, что его жизнь и творчество тесно связаны с нашей страной. Я тщательно изучил его биографию, и могу назвать себя небольшим знатоком-биографом Сименона, хотя бы по его жизни и творчеству, связанным с Турцией, и могу констатировать, что у него остались глубокие впечатления от нашей культуры, которая отражена в его произведениях. В 2016 году у нас была издана книга «Жорж Сименон в Турции», для которой я написал предисловие. А вашим читателям я могу рассказать интересные факты, связанные с Советским Союзом, Турцией и Сименоном, о которых, быть может, кто-то и не знает.

– *Прямо как в рубрике «А знали ли вы?..».*

– Да, в 1933 году молодой журналист Сименон, работавший в те годы в популярной французской газете Paris-soir, приехал в Стамбул, чтобы взять интервью у Льва Троцкого, которого Сталин сослал в зарубежную ссылку, вместо Сибири. После безуспешной попытки поселить его в ряде европейских стран, где его не принимали, он оказался в Турции, и по соображениям безопасности (в Стамбуле проживало ещё много белогвардейцев), ему подыскали дачу на Принцевых островах. Здесь Сименон и встретился с ним и написал свой известный репортаж «В доме у Троцкого».

Сименон, совершивший вояж по черноморскому побережью, после Турции посетил Советский Союз, в частности, Одессу и Батуми. О пребывании в Батуми он оставил прекрасную новеллу «Люди на про-

тивоположной стороне» о турецком консуле Адыл Бее, влюблённом в сотрудницу консульства Соню. Это рассказ об одиночестве, о любви, человеческих отношениях между людьми и отчуждении с позиции раннего экзистенциализма.

Кроме Сименона, я ценю Артура Конан Дойла и очень увлёкся другим начинателем детективного жанра – Агатой Кристи.

– *«Мамой» детективного жанра...*

– Да, если её можно так назвать. Пассажиры известного восточного экспресса, начинавшего свой маршрут в 1888 году из Парижа, посещали Стамбул. Среди них была и Агата Кристи. По мотивам её романа, кстати, и была снята, известная американская кинокартина «Восточный экспресс». Агата Кристи, как и пассажиры этого экспресса, останавливалась в гостинице «Пера Палас».

– *Действительно, это историческая гостиница, где, кроме Агааты Кристи, останавливались очень известные люди со всего мира – королева Елизавета II, шах Ирана Реза Пехлеви, Иосип Броз Тито, Эрнест Хемингуэй, Жаклин Кеннеди, Альфред Хичкок, да и сам первый президент современной Турции – Ататюрк, номер которого потом превратился в музей. А по его приглашению здесь останавливалась и наша советская делегация во главе с К. Ворошиловым, прибывшая на празднование 10-летней годовщины национального дня Турции. Но коль мы ведём речь о детективном жанре – здесь проживала и самая известная женщина-шпион Мата Хари. В этой гостинице, когда в 2003 году турецкие кинематографисты снимали документальный фильм о Назыме Хикмете, я сопровождал Андрея Вознесенского, и мы провели съёмки в одном из номеров отеля, где турецкие и зарубежные гости рассказывали о своих встречах с Назымом. Директор гостиницы с особой гордостью показал нам номер, где останавливалась Агата Кристи. По преданиям, на 11 дней она исчезла из гостиницы и в своих дневниках написала, что тайна её исчезновения кроется в ключе, спрятанном в № 411 отеля «Пера Палас». Я переводил рассказ директора отеля с турецкого языка для Вознесенского. Он с большим вниманием выслушал и задал единственный вопрос на английском языке, касающийся возможной находки ключа в 411-м номере. Впрочем, ключа этого, оказывается, до сих пор никто не нашёл, но каждый незаметно для других глазами искал тот тайник, где мог покоиться заветный ключ. «Баба Агата – очень богата... на фантазии, не найти эти ключи никому», – сострил тогда Вознесенский.*

– Да, в России у Назыма было очень много друзей. Я знаю, что он дружил с молодыми поэтами Евтушенко и Вознесенским. Я на турецком читал «Озу» Вознесенского и некоторые его стихи. Знаю, что он написал стихи, посвящённые Назыму.

– Да, для этого документального фильма *Вознесенский прочитал своё, как он считал, наивное стихотворение, которое написал в школьной тетрадке. Там есть интересные сравнения: «Он болен. Назым Хикмет. / Чтоб не простынуть в ветреный день, / Он обвёртывает грудь газетами / И идёт – / Куда глаза глядят – / В серый снег, / Который сам как газета – / В сырой и шуриющий снег. / Снег шуришит. / Шуришат листьями газеты. / На груди у поэта шуришат события. / Листья, / Листья...*

– К сожалению, в турецком переводе я не читал это стихотворение.

– *Но давай вернёмся к загадочному ключу, ты ведь даже написал на эту тему целый рассказ, в котором ключ был найден?*

– Да, я как раз и нашёл этот ключ, который все искали, правда, виртуально, в своём рассказе «Ключ Агаты», где показываю период развода Агаты Кристи с мужем и её приезд в Стамбул, знакомство с интересным человеком, Кямраном, влюблённым в её творчество, и Агата Кристи фактически раскрывает одно убийство, письменное свидетельство которого находилось в сейфе, а ключи были переданы писательнице. Я так для себя представил эти ключи, которые дали возможность раскрыть тайну смерти жены Кямрана, турецкого знакомого, а может, и любимого человека Агаты Кристи.

– *Твои первые произведения детективного жанра, я это указал и выше, начались с незамысловатых полицейских сюжетов. Таким образом ты вошёл в круг зачинателей этого жанра среди писателей своей страны. О тебе уже начали говорить как о турецком Симеоне, Конан Дойле, по твоим произведениям начали снимать телесериалы. Но затем последовали такие твои крупные произведения, как «Патасана», «Кукла», «Браслет Нинатты», «Стамбульский сувенир», «Карта человеческой души», «Прощай, моя прекрасная страна» и др. Благодаря этим романам ты поднялся, по-моему, на очень высокую ступень своего творчества и занял достойное место в рамках литературы своей страны. Это уже не полицейские отчёты-рассказы, а глубокий исторический, социологический, психологический анализ исторического разреза становления Турции и предшествующих стадий её развития, наследником которых она является. Здесь мы видим и историю хеттского периода, Римскую, Османскую империи, и твоя работа обогащается археологическими, этнографическими знаниями, примерами материальной культуры исследуемого периода. Есть линия, связанная с религиозной темой и с её суфийским течением, а также с выдающимся поэтом и мыслителем Средневековья Джелаладдином Руми. Поэтому, я вижу, некоторые критики тебя уже начинают сравнивать с Дэном Брауном. Как произошла эта трансформация, эта эволюция, это перевоплощение, если можно так выразиться?*

– Детектив раскрывает скрытые от других глаз преступление или необычайные события в жизни человека или общества. В нашей жизни этим занимаются полицейские или следователи прокуратуры, частные детективы. Если взять чистые детективные произведения, эти полицейские могли бы стать сами хорошими писателями этого жанра. В принципе, есть и такие писатели, вышедшие из недр полицейской жизни. Я тоже так начинал. Но этого для меня оказалось недостаточно. Я стремился узнать и внутренний мир человека. Почему то или иное преступление совершено и почему его совершил именно этот человек? Ведь одни из лучших писателей мира Достоевский и Шекспир тоже описывают преступления. При этом, отталкиваясь от преступления, они раскрывают нам человека, его внутренний мир. Разоблачение преступления самый лучший метод или путь для раскрытия психологии человека. Это сложно сделать в литературе, потому что вы обязаны не уходить в констатацию только сухих фактов в виде полицейских отчётов, хотя это соблазнительный путь. Но если вы хотите написать хороший детективный роман, вы должны использовать все богатства языка, создать яркие, сложные образы и характеры своих героев, и всё это соединить с увлекательным сюжетом, тогда читателю не будет скучно читать вашу книгу. Поэтому хорошие детективы считаются хорошими романами и у них очень много поклонников.

Но мне, человеку, живущему в такой стране, как Турция, колыбели многих цивилизаций, со Стамбулом – столицей трёх империй, с её богатой культурой было бы непрослительно не вовлечь всё это в орбиту своих литературных интересов. Я люблю свою страну, и поэтому пытаюсь сломать предрассудки и ложные стереотипы о Турции и жителях моей страны. В области спорта и искусства это делается наглядно и легко, а я стараюсь это сделать через литературу, что намного сложнее. Поэтому, продумывая, по возможности, острый сюжет того или иного произведения, я стараюсь, чтобы он был путеводной звездой, соединяющей пласты нашей истории, археологии, этнографии, чтобы мой читатель увлекался не только предложенным мной сюжетом, но и задумывался над вопросами, касающимися своей страны или общечеловеческих ценностей. А для того, чтобы достичь этого, я много читаю по теме своего будущего романа, изучаю архивные материалы, пропадаю в музеях, общаюсь и консультируюсь у специалистов, прислушиваюсь к их советам, а больше всего мне помогают изучить свои же произведения мои читатели во время многочисленных встреч с ними. Вопросы, которые я поднимаю в своих романах, находят отражение и в произведениях Дэна Брауна. И я не стараюсь подражать ему, я иду своим путём, изучая историю и реалии своей страны, с очень богатой историей и культурой, а если идут какие-то сравнения с ним (с Д. Брауном), так это, наверное, по методике нашей работы, по нашим взглядам на историю и психологию человека. Он в этих

вопросах сделал большой вклад в развитии современной литературы и поэтому заслуженно считается одним из авторитетов в данной области.

– Ахмет, в завершение нашей беседы я хотел бы поговорить о художественно-документальном фильме «Здравствуй, моя прекрасная родина!» (2019 г.). Надо сказать, что, действительно, есть параллели между великим Назымом Хикметом и тобой. Расскажи, как получилось, что эта картина связала ваши биографии? Поскольку я знаю сценарий фильма, хочу спросить, не получил ли ты какие-то критические отзывы от поклонников Назыма, что якобы сравнил себя с этим «голубоглазым великаном»?

– Как же не получить у нашей достопочтенной критики свою долю оплеух и шлепков в свой адрес? Разве они упустят такой шанс, такую прекрасно и кстати подвернувшуюся возможность в очередной раз навесить на меня свою порцию критических замечаний. Но, главное, этого не могли сделать большинство литераторов, знающих меня, и мои почитатели, потому что им известно моё трепетное отношение к Назыму, то, как я его уважаю, почитаю и люблю. Поэтому это не сильно ударило по моему самолюбию. Я ведь только показал факты моей биографии, которые независимо от моей воли удивительным образом совпадали с этой стороной биографии Назыма. Он, молодой революционер-романтик, поехал учиться марксизму-ленинизму в страну своей мечты в начале 20-х годов, я тоже, туда же, с теми же намерениями в 80-е годы, и оба стали писателями, востребованными в своей стране. И, может быть, когда я тоже стану знаменитым, как Назым (смеётся), всё станет на свои места. А пока моим сегодняшним критикам и всем моим читателям, смотревшим этот фильм, я говорю, что он «моё преклонение перед Назымом Хикметом, а Ахмета Умита не принимайте всерьёз». И я уверен, что этот фильм, многие сцены которого отсняты в Москве, увидят и российские зрители, которым через вашу «Литературную газету» я передаю огромный привет и самые тёплые пожелания.

– Спасибо, дорогой Ахмет, я тоже надеюсь, что российские зрители увидят этот фильм, а читатели нашей страны познакомятся с героями твоих многочисленных книг. Именно поэтому я в этой беседе не коснулся их содержания, их героев. Эти наши беседы впереди.

КНИГА, КОТОРУЮ Я УВАЖАЮ

Помимо «настольных книг» у меня есть ещё набор книг «дорожных»: тех, которые я беру с собой в долгие поездки. Неожиданно для меня самого в этом наборе оказался «Тихий Дон» Шолохова. Заключается же неожиданность в том, что все остальные книги из моего «дорожного набора» – в мягкой обложке и карманного формата, а «Тихий Дон» – полноформатный и в твёрдой обложке.

Познав этот для меня самого неожиданный факт, я подумал, что обойтись тут простой его констатацией, по-моему, никак нельзя, поскольку прямо-таки физически ощутил необходимость рассказать, по какой причине этот увесистый фолиант сопровождает меня наравне с «Террором» Дэна Симмонса (каковой чести ездить по миру в твёрдом переплёте всё же не удостоился).

Сразу оговорюсь, что не имею права причислять себя к знатокам творчества Михаила Александровича. О каком знатоке может идти речь, если из прочитанного в моём активе только «Тихий Дон» и «Донские рассказы», да и то не все? Но вот заявить о себе как о поклоннике «Тихого Дона» (романа, не экранизаций!) я вполне могу. Эту книгу я, как бы выразиться... уважаю.

Говорить о её литературных достоинствах, как обычно, не буду. Всё уже сказано до меня, причём людьми гораздо более компетентными и владеющими данными, которых хватит на целый склад диссертаций. Скажу лишь о своих отношениях с книгой.

Собственно, тут тоже можно сказать не так уж много. Но, думаю, хватит и этого, чтобы все оценили оказанный на меня романом эффект. Так вот: купив «Тихий Дон» и начав его читать, я понял, какую ошибку совершил, купив издание в мягкой обложке.

«Ну уж нет! – сказал я себе. – Это роман должен быть не таким! Этот роман должен быть большим, в твёрдом, богато иллюстрированном переплёте и на дорогой бумаге, с красивыми картинками! Или, как вариант: заслуженным, долго простоявшим на полке и зачитанным до дыр, с пожелтевшими страницами, примерно такой, какой стоял на полке у бабушки! А в таком непотребном виде пусть похождения какой-нибудь частной «детективки» Терезы Скорпионовой издают!»

Подумав так, я отложил «мягкообложечный» суррогат в сторону и опять пошёл в книжный магазин, где приобрёл увесистый фолиант со всеми вышеперечисленными достоинствами, каковой водрузил на при-

личествуящее ему место на полке, откуда регулярно достаю, чтобы с истинным наслаждением перечитать, пусть он и весит, как силикатный кирпич.

Одержимость эту разделяют не все. «Чего ты в этот совковый треш вцепился? – вопрошают зумеры уровня Терезы Скорпионовой. – Чего они там написать могли? Как Ленин на броневике Зимний дворец брал?»

«Сами вы совки, причём в прямом смысле! – парировал я в таких случаях. – И какого мусора в вас только не намели, импотенты вы интеллектуальные! Да вы знаете вообще, что роману Нобелевку по литературе дали, гаджеты вы неперепрошитые, а деньги от премии автор отдал на строительство сельских школ?! Или там тоже совки постарались, миллениалы вы плоскоэкранные?! Проваливайте, аниматроники!».

Можно, конечно, и всерьёз. Например, процитировать какой-нибудь из тех абзацев, что написаны так «вкусно», что хочется перечитать дважды. Вроде этого: «Редкие в пепельном рассветном небе зыбились звезды. Из-под туч тянул ветер. Над Доном на дыбах ходил туман и, пластаясь по откосу меловой горы, сползал в яры серой безголовой гадюкой. Левобережное Обдонье, пески, енды, камышистая непролазь, лес в росе – полыхали иступленным холодным заревом. За чертой, не всходя, томилось солнце». Или вот: «Всходит остролистая зеленая пшеница, растет; через полтора месяца грач хоронится в ней с головой, и не видно; сосет из земли соки, выколосится; потом зацветет, золотая пыль кроет колос; набухнет зерно пахучим и сладким молоком. Выйдет хозяин в степь – глядит, не нарадуется. Откуда ни возьмись, забрел в хлеба табун скота: ископытили, в пахоть затолочили грузные колосья. Там, где валялись, – круговины примятого хлеба... дико и горько глядеть. Так и с Аксиньей: на вызревшее в золотом цветенье чувство наступил Гришка тяжелым сыромятным чириком. Испепелил, испоганил – и все».

Сколько здесь непривычных слов, но какую, тем не менее, мощную картину они дают, собранные в одном абзаце? Или вот: «По Дону наискось – волнистый, никем не езженный лунный шлях. Над Доном – туман, а сверху звездное просо. Конь позади сторожко переставляет ноги. К воде спуск дурной. На той стороне утиный крик, возле берега в тине взвернул и бухнул по воде омахом охотящийся на мелочь сом».

Кто-то, конечно, скажет – деревенщина! Но пусть самый упёртый урбанист рискнёт заявить, что именно на этом абзаце он не ощутил себя на месте героев этой сцены – и я ему не поверю. И что интересно: ни один из таких абзацев не кажется затянутым и лишним! Напротив – читаешь, боясь пропустить какое-либо из «вкусных» слов.

Одно время я даже думал, что перечитываю роман исключительно из-за подобных мест. Хотя это, конечно, не так. Есть там, чем зачитаться и без этого. Одни боевые сцены чего стоят!

Теперь об экранизациях. Не помню точно, сколько их. Но три есть точно: старая советская, относительно новая голливудская и более-менее

свежая российская. Так вот: мне не нравится ни одна (при всём уважении к советскому кинематографу).

Думаю, что дело тут в том, что волей-неволей, но главного героя (и не только его) авторы экранизаций пытались идеализировать. По мне же, никакой симпатии там быть не может, потому что в романе он (и никто) никакой не положительный. В романе он такой, каким, скорее всего, был бы и в жизни. А в жизни, как известно, всё относительно. Да и нравы народные там описаны так, что симпатизировать кому-либо слабо получается. Большинство непривлекательных подробностей просто не вошло в экранизации. Описывать их не буду: кто хочет, может почитать сам – всё начинается в первом же абзаце. Вон – главу со свадьбой почитайте! Чего там симпатичного, спрашивается? Но именно это и «делает» историю.

Обычно я заканчиваю цитатами из «виновника торжества». Сегодня рискну ограничиться описанием «боёвки», которую считаю одним из самых мощных эпизодов романа, за то, что она бесподобно, хотя и непривычно – без героики и удалства – описывает первую настоящую смертельную схватку и ощущения человека, впервые попавшего на войну: «Озверев от страха, казаки и немцы кололи и рубили по чем попало: по спинам, по рукам, по лошадям и оружию... Обеспамятевшие от смертного ужаса лошади налетали и бестолково сшибались...»

ДУРКИНГ

У современной реальности много сюрпризов для неподготовленного человека вроде меня. Очередной из них называется дуркинг.

Выглядит это так: представитель поколения зумеров, уставший от схватки с обстоятельствами, добровольно ложится в психиатрическую больницу, пребывание в каковой (часто – со всеми вытекающими в виде лечения препаратами последствиями) зумеры на полном серьёзе считают отдыхом и возможностью избавиться от выгорания и снять стресс. Иные и в платные клиники обращаются. Этакий «больничный для души».

Я не шучу, не подумайте! Тренд есть и набирает популярность.

Сначала я посмеялся. Мол, дожило хлипкое поколение: то экстремальные виды спорта изобретут, то агротуризм (это когда представители хилого городского племени покупают тур в деревню, чтобы хлебнуть сельской жизни с головой).

«Перчику вам в жизни не хватает, видите ли! – говорило травоядным зумерам старшее поколение в таких случаях. – Любишь экстрим – иди в воздушно-десантные войска! А любишь деревенскую идиллию – добро пожаловать в аграрный сектор! В крайнем случае – на кошару к дедушке, тот только рад будет своего компьютерного внучка с косой в руках увидеть!»

Нет, я, конечно, давно подозревал, что всем нам немножко пора к пси-

хиатру. Да и мир чем дальше, тем сильнее напоминает дурдом («Дом дур», как говорила моя коллега по редакции газеты «Страна Калининград»). Но до сих пор как-то обходилось. В самый ответственный момент в нас срабатывал некий «основной инстинкт» и дело ограничивалось обычной переменной обстановки и элементарным отдыхом. У поколения постарше был способ понадежней – трудотерапия. «Любимый труд – всегда отдых!», – говорила моя бабушка, пережившая войну. Я, впрочем, уже тогда считал труд и вообще работу неизбежным злом. Тут моя позиция схожа с позицией товарища Новосельцева из «Служебного романа», который говорил: «Труд облагораживает человека. Лично я хожу на службу только потому, что она меня облагораживает». Но до дуркинга даже я пока не докатился!

Потом мне стало не до смеха. Потому как перемены обстановки и отдыха, видимо, хватать уже перестало. Можно было бы, конечно, свалить всё на хлипкость поколения. Но действительно ли всё так безобидно?

Я, верный привычке задумываться над ненужными вещами, как водится, заинтересовался темой досконально и полез в интернет – разбираться.

Оказывается, мода эта пришла к нам с Запада (кто б сомневался). Там есть такое явление как «grippy sock vacation» — «отпуск в антискользящих носках». Такие носки выдают пациентам в психиатрических стационарах (век живи – век учись!), и это выражение стало ироничным обозначением пребывания в клинике. В дуркинге «антискользящими носками» пользуются молодые люди, затюканные повседневным стрессом, дошедшие до последней стадии выгорания и просто уставшие от бешеного ритма жизни.

«Ну, допустим», – подумал я, решив не судить со своей колокольни.

Однако потом я прочитал кое-что, меня изрядно насторожившее: оказывается, добровольно в частную психиатрическую клинику часто ложатся не столько для лечения, сколько для «перезагрузки»: наладить сон, отдохнуть от гаджетов и бесконечного потока тревожных новостей после «думскроллинга» (прокрутки лент соцсетей).

Это что ж получается? Не такие уж и больные зумеры эти? Ведь психиатрия – это не про отдых или перезагрузку! Это про лечение от серьёзных заболеваний, причём с использованием препаратов далеко не безобидного воздействия! А если требуется всего-навсего отдохнуть от гаджетов и наладить сон – то так уж ли необходимо ложиться в клинику, да ещё и психиатрическую?

Покопавшись в анналах ещё, я обнаружил ещё одну любопытную вещь: оказывается, дело не только (и не столько) в необходимости, сколько в моде. Сегодня любой может найти в интернете симптомы депрессии, тревожного расстройства или СДВГ (синдром дефицита внимания и гиперактивности). Ну а там, конечно же, все симптомы тут же найдутся и у тебя! Знаем, читали «Трое в лодке»! Стало быть, у нас тут – старая добрая необразованность. Раз!

К этому – старый добрый маркетинг: платные клиники вполне могут распылить на весь интернет страшные прогнозы о том, что у всех нас

дружно свистит фляга и вот-вот будет поздно. А потому – все за «антискользящими носками»! Тоже знаем! В пандемию вы тоже охали вовсю: мол, сейчас в самоизоляции все выйдем от стресса, который приобрели, поливая комнатные растения. Два!

Поэтому у меня вопрос: не кокетничают ли тут современные травоядные очередной раз? И не будет ли тут достаточно проверенных способов вроде перемены обстановки или дедушки с косой, раз уж зумерам чуть ли не старуха с ней мерещится?

ЛЮБИМЫЙ БЛОГЕР МОЖЕТ СПАТЬ СПОКОЙНО

Мы с племянником повадились по воскресеньям играть в одну популярную в Нальчике интеллектуальную игру по типу «Что? Где? Когда?», где у нас с данным представителем подрастающего поколения (во всех прочих смыслах достойнейшим) произошло форменное разделение труда: если вопрос в игре касается литературы – так отвечает дядя, а если какого-нибудь теглайна или маскота – так племянник. И всё бы ничего, да вот на последней игре он не смог угадать Шуру Балаганова из «Золотого телёнка». Я не удивился: давно знаю, что его поколение почти сплошняком книг не читает и воевать с ветряными мельницами не намерен. Настораживает другое: информацию-то им где-то брать надо, да вот беда – больше одного абзаца (да и то примитивного) мозг не вмещает. Но мозг наш устроен так, что информацию где-то брать надо, и тут очень важно, кто эту нишу займёт. В случае с поколением моего племянника вышло, что в этой нише вовсю «рулят» блогеры. И настаораживает даже не это, а то, что как-то незаметно блогеры начали думать за них. А это уже опасно: блогеры-то – они разные бывают!

Причина тут, на мой взгляд, в открытом мною недавно парадоксе: блогеры ставят свою аудиторию в зависимость от своих перлов, но и сами парадоксальным образом ставят себя в зависимость от своей аудитории. Объясняю: действуя примерно по тому же принципу, что и пропагандисты, они работают на некоторую определённым образом (консервативно или ещё как-то) настроенную часть общества. Особенно хорошо это получается у псевдоучёных и псевдоисториков. Аудитория потребляет данный продукт, в ответ азартно подкидывая блогеру донаты и лайки. Но вот проблема: аудитория требует ещё! И блогер подбрасывает – того же, что и первый раз. А потом ещё. А в один прекрасный день понимает, что стал заложником ситуации: начини он подбрасывать что-то другое – аудиторию он растеряет, а вместе с ней и донаты. Заяви завтра очередной такой сумасшедший, что на самом деле пирамиды построили не инопланетяне, как он говорил вчера, а египтяне, потому что есть Лондонский керн – подписчики его в «продавшиеся» официальной

науке запишут! Или ещё хлеще – скажи, что прививки на самом деле полезны! Почему аудитория (подписчик) требует ещё? Да потому, что блогер подпитывает именно его, подписчика, точку зрения, подбрасывая ему вместе с информацией очередную порцию самовнушения в том, что он, подписчик, очередной раз оказался прав. В конце концов подписчик «подсаживается» на блог и смотрит его исключительно затем, чтобы получить не информацию, а очередную такую «порцию»! Это же здорово – быть правым! Значимости придаёт! Самооценка опять же подпрыгивает! Вон – целый кандидат наук думает так же, как и я! Можно в каком-нибудь споре демагогически на него сослаться. А то, что кандидат просто тоже подсел – на те самые донаты – как-то уже и неважно. Получается похоже на басню «Кукушка и петух». А потом происходит самое ужасное: блогер становится авторитетом не только в вопросах исключительно профессиональных – а вообще в любых. Этаким «властителем дум». Для дум неокрепших эта категория особенно опасна.

Я спросил прямо: книг ты не читаешь, научных пособий, научно-популярной литературы – тем более. Откуда же у тебя столь непогрешимое мнение по всем вопросам? Кого-то же ты читать или хотя бы слушать должен? И тут выяснилось, что у нас в любимейших авторитетах маячит как раз такой вот блогер-историк. Фамилию называть не буду – он обидчивый, как школьница, к тому же, как сказал Жорж Милославский, она «слишком известна, чтобы я её называл». Не буду оценивать историческую составляющую блога – на то историки есть. А вот про его ипостась властителя дум выскажусь, пускай и предельно коротко – не пущать его в таковые! Сплошные самовлюблённость и павлинья напыщенность. Даже вполне здравые вещи, им сказанные, из-за этого лёгкое отвращение вызывают. Жаль, не у всех – он настолько окопался во «властителях дум», что ему даже чуть ли не расизм прощается и элементарное неуважение к собеседнику!

В итоге у подписчиков таких вот «властителей дум» формируется какая-то «избирательная глухота»: какие-то вещи они знают, но о других, о которых любимый блогер скромно умолчал – понятия не имеют, и самое главное – проигнорируют их, если вы им про них скажете. Вы же не любимый блогер с кандидатской степенью. Так что любимый блогер может спать спокойно.

А ведь любимый блогер-то как раз книги читает! Целый список есть, которые он рекомендует! Уж не вышло ли так, что отсутствие привычки читать в принципе породило зависимость от тех, кто напротив – читать не бросил?

Но ведь выходит, что он такой умный в том числе и потому, что книги читает? Так не лучше ли вместо того, чтобы очередной раз пойти блог включить, самому читать начать? Гляди, и расизм научишься различать. И даже в том, что пирамиды построили сами египтяне, удостоверись. А главное – думать начнёшь сам за себя. Начать можно с того же «Золотого телёнка», а там, глядишь, и до Лондонского керна доберёшься.

МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

(Мифы в художественной литературе)

Миф с давних пор вызывает интерес ученых, функционирует отдельная наука мифология, которой занимаются фольклористы, литературоведы, представители гуманитарных наук. В словаре русского языка С. И. Ожегова дается определение мифа: «Древнее народное сказание о легендарных героях, богах, о происхождении явлений природы, М. о Прометее. 2. Переносное значение. О недостоверном рассказе, выдумке» [1: 304]. С тех пор определение мифа расширилось, как и сферы, в которые проникли мифы. Исследователи пытаются определять, что в мифах реального, а что выдуманного. Появились работы, рассматривающие проблему «Мифы и реальность». Их количество растет с каждым годом, но до сих пор нет четкого определения этого вида общественного сознания.

В сознании широких масс миф в основном считают результатом фантазии, формой сказочных сюжетов, не имеющим реальной, жизненной основы. Миф в основном считают принадлежностью сознания далекого прошлого. Но это не совсем верно. Миф – явление историческое, мифы в той или иной мере присутствуют в общественном сознании разных эпох. В далеком прошлом они были значительной частью мышления людей, или объясняли явления природы, которые зависели от воли разных божеств, отношений людей и т.д.

Соотношение реальности и плода фантазии людей менялось с каждой эпохой. Некоторые мифы уходили со сцены со временем, а мифы, созданные отдельными народами, существовали дольше, некоторые из них дошли до нас, например, греческие мифы, ставшие известными во всем мире. Мифы занимают значительное место и у народов России, в частности в северокавказском регионе, о чем будет речь в нашей работе.

В мифах сосуществуют реальное и выдуманное. Мифы возникли потому, что древние люди не могли объяснить окружающий мир. Страх перед явлениями природы порождал многие мифы. Поэтому человек объяснял явления действительности в соответствии с тем, как это ему представлялось. Но, не имея достаточных знаний, он заменял их своей фантазией. А в ней свое место занимали не только положительный опыт, но и плоды воображения. Так появляются мифы о сотворении нашего мира, о появлении людей на земле, о божествах – покровителях неба, земли, животного мира отдельных ремесел и пр. Со временем они складывались в развернутые повествования с героями, их противниками, волшебными предметами, чудесами. Постепенно на основе этих

повествований возникали настоящие произведения словесного искусства с захватывающими событиями, увлекательными приключениями и часто – со счастливой концовкой, где добро обязательно побеждало. Такое построение сюжета становилось общим правилом и как принцип могло перейти и в литературу. Конечно, накопленный в мифах человеческий опыт не просто заимствуется писателями. Он присутствует в литературном произведении как первооснова, на которой современный автор строит свое представление о таких неизменных понятиях, как добро и зло, правда и ложь, высокая духовность и безнравственность.

В силу всего этого мифы, которые первоначально имели свое узкое предназначение – объяснить какое-то явление, заменять реальную историю или положительные знания, становились сами произведениями искусства. Это давало им вторую жизнь – далее они существуют как явления культуры.

Еще один пример. Известна библейская история о первоначальной гармонии в природе: все существа мирно живут в райском саду, никто никого не обижает, не убивает, не ест, царят согласие и изобилие. Но эта гармония нарушается, и одни люди начинают враждовать с другими, одни животные поедают других. В адыгском фольклоре тоже есть сказание на подобный мотив. Первоначально из маленького кусочка бараньего ребра можно было сварить столько мяса, что его могло хватить целому отряду наездников, а из нескольких зернышек проса получался огромный котел крутой пшенной пасты. Но рождается некий злосчастный человек, с появлением которого бывшее изобилие навсегда исчезает. Здесь тоже идея одна и та же, но формы выражения разные. Все дело в том, что именно это разнообразие и создает многоцветье современных культур, неповторимый колорит сказаний и верований каждого народа.

Когда писатели решаются использовать в своем творчестве подобного рода особенности, это привносит в их произведения и национальный колорит, и индивидуальное своеобразие, а кроме того сами произведения передают читателю мудрость, которая сохранялась на протяжении многих веков.

Мифология это такая область сознания, которая присутствует в истории каждого народа. На ранней стадии цивилизации она вмещает в себя и знания, и верования, и искусство. В ней все совмещено, а с развитием цивилизации она расщепляется на разные отрасли познания, на систему восприятия мира, на различные виды искусства. Поэтому накопление положительных знаний не приводит к исчезновению мифов, просто их суть изменяется, и мифологические образы продолжают существовать, но уже как образы поэтические, наполненные философским и эстетическим содержанием. При этом у разных народов могут быть одинаковые представления о вечных духовных ценностях, а потому и

мифологические образы могут быть во многом схожими по своей сути, но очень разными по конкретным признакам и форме выражения.

Так, например, мифологические сказания о том, как человек добыл огонь, существуют у многих народов. В древнегреческой мифологии это связано с тем, как Прометей похитил огонь и принес его людям. А у адыгов на основе той же темы, эпический герой нарт Сосруко встречается с великаном-иныжем, который обладает огнем, побеждает его и доставляет живительный огонь замерзающим нартам. Здесь цель одна, но формы ее достижения у разных народов разные. В этом и заключается своеобразие.

В последние десятилетия в литературах России оживился интерес к мифам, которые стали источником создания оригинальных сюжетов произведений разных авторов. Касательно адыгской (адыгейской, кабардинской, черкесской) литературы – это Нальби Куёк (1938-2007), Юнус Чуяко (1940-2020), Алим Кешоков (1914-2001), Хабас Бештоков (1943 г.р.), Борис Утижев (1940-2008) и другие.

Нальби Куёк в 1997 году написал повесть-притчу «Черная гора», используя миф, похожий на библейский сюжет. Центральным образом и мифологемой стала Черная гора, которая воплотила образ зла. Один из значительных героев Мазаг живет двести лет по примеру библейских пророков. Он скрывался от недобрых глаз, может пройти по воде, как Иисус Христос. Другой персонаж, Нарыч, живет сто лет, но еще молод. Черная гора живет и меняется во времени. Облик оборотня доминирует в романах Хабаса Бештокова «Каменный век» и Юнуса Чуяко «Железный волк».

В другом романе Н. Куёка «Вино мертвых» использованы мифо-фольклорные традиции в описаниях подземелья, поисках отца, быстрого роста, путешествий (зехо). Здесь реальное сочетается с мифическими фантазиями. Произведения Н. Куёка высоко оценены критиками и читателями.

Совершенно по-другому мифы нашли место в творчестве Алима Кешокова. Он использовал черкесский миф о том, что во время Всемирного потопа один дерзновенный всадник спас лошадей, уведя их по небу по дороге, позже получившей название «Млечный путь». Искры из-под копыт лошадей теперь по ночам освещают дорогу, и эту дорогу адыги называют Шыхульгагуэ» («Путь всадника»). Этот миф помог поэту создать прекрасный образ в стихотворении «Путь всадника». Приведем часть стихотворения:

*Никто не знает кто он и откуда,
Не сохранилось имя седока...
Но путь его, сверкающий, как чудо,
Незыблемым остался на века.
Наездников умелых много тысяч*

*Добром Земля могла упомянуть,
Но лишь один сумел отважно высечь
На вечном небосводе Млечный путь.*

Стихотворение заканчивается высоким и прекрасным образом, утверждающим предназначение человека:

*О, если б мне чудесный конь достался,
Не стал бы я на нем сидеть в седле:
Вскочил бы на хребет его, помчался
И Млечный путь провел бы по Земле.*

(Перевод С. Липкина)

Что важнее, чем указать дорогу людям?! Вспомним персонаж А. М. Горького «Данко», который вырвал сердце и осветил дорогу людям. В искусстве, в частности в литературе, мифологии занимают значительное место при создании оригинальных образов. Касательно адыгских литератур можно подробнее прочитать в книге доктора филологических наук К. Н. Паранук. «Мифопоэтика и художественный образ мира в современном адыгском романе» (Майкоп, 2012, 352 с.).

Алим Кешоков к мифам обращался и в более поздний период и в своей прозе, в частности, в романе «Корни» (Львипсэ), опубликованном в 1991 году, получившем высокую оценку российской критики. Роман удостоен Государственной премии КБР в области литературы и искусства (2000 г.). В сюжете переплетаются события Кавказской войны и современность.

А. Кешоков использовал неожиданный сюжет, выбрав главным персонажем женщину – врача-гинеколога Дафарадж. При этом события далекого прошлого автор передает через бабушку Дафарадж, а современные – через внучку врача Дафарадж. Писатель обращается к элементам мифа. Старшая Дафарадж живет почти двести лет, к ее образу писатель часто обращается посредством воспоминаний, которые передаются в рассказах внучки. Сдвиг времени позволяет ему создать эффект присутствия. В романе рассмотрены важные проблемы разных эпох: отношения мужчин и женщин, страдания последних в прошлом передаются через судьбы больных Дафарадж. Однако главное место в нем занимают вопросы истории адыгов разных эпох в контексте истории России, которые содержат много фактов. Хотя в нем имеются элементы мифов и легенд, роман в основном основан на реальных фактах, которые раскрываются и напоминают жанр устных рассказов, обогащенных этнографизмами, ссылками на исторические источники.

Жанры мифа и легенды имеют некоторые сходства и различия. Они используют средства вымысла, фантазии, поэтому их иногда путают. Так, например, исследователь кабардинской литературы М. Шакова утверждает, что известный драматург Б. К. Утижев при создании трагедии «Эдип» «использовал античный сюжет древнегреческой легенды

о фиванском царе Эдипе» [3: 144]. На самом деле это известный «миф в греческой мифологии, где Эдип – сын царя Фив Лая – по приказанию отца, которому была предсказана гибель от руки сына, был брошен младенцем в горах. Спасенный пастухом он, сам того не подозревая, убил отца и женился на матери, став царем Фив. Узнав, что сбылось предсказание оракула, полученное им в юности, Эдип ослепил себя» [4: 1526].

Общеизвестно, что миф о царе Эдипе стал основой для пьес, созданных в разные эпохи классиками мировой литературы – Софоклом, Сенеком, Боккачо, Вольтером, Корнелем, Шекспиром, и каждый из них подходил к мифу в силу своей творческой индивидуальности и фантазии, но сохраняя костяк сюжета, так как он был самым необычным и раздирающим. Борис Утижев тоже последовал за предшественниками, сохранив ядро сюжета, но внося свои изменения в сюжетные линии и систему персонажей. Он резко уменьшил роль хора в отличие от предшественников. Тиресий стал «разоблачителем» Эдипа, ввел лирическую статью. Кроме художественной задачи Б. Утижев, как он сам признался, хотел выяснить, сможет ли младописьменный кабардинский язык показать высокие чувства и страсти, на которых оттачивались мировые языки, обратившись к одному из великих мифов античности. То, что эту задачу автор выполнил, свидетельствует успех пьесы, поставленный во многих театрах северокавказского региона и за его пределами, хотя сценическая судьба трагедии «Эдип» Б. Утижева в начале была омрачена невежеством некоторых чиновников и журналистов, принявших автора за переводчика. Недоразумения были вызваны и тем, что никто из современных драматургов кроме Б. Утижева не решался описать трагедию, произошедшую тысячелетия тому назад (Со всеми этими вопросами и сравнительным анализом произведений Б. Утижева и его великих предшественников можно подробно ознакомиться в специальной статье [5: 144-152].)

Несмотря на сложность темы трагедии, Б. Утижеву удалось создать свою оригинальную версию известного сюжета, созданную им в стихотворной форме. Автор подготовил не только текст, но принял активное участие в режиссуре, создании картин и облика персонажей. Это тоже сыграло свою роль в определении качества постановки, в которой роли исполняли известные актеры Кабардинского театра. Высокий пафос пьесы, в которой главное не действие, а слово, дал возможность проявить себя актерам, трое из которых были удостоены государственной премии Кабардино-Балкарии. Пьеса «Эдип» была показана на фестивале театров Северного Кавказа во Владикавказе в 2000 году и стала призером.

К мифу обращался в своем творчестве известный абхазский писатель Баграт Шинкуба. В своем романе «Рассеченный камень» он использовал миф об Абрскиле, богоборце и защитнике народа. Боги с неба пустили на него камень, но летящий камень Абрскил рассек своим мечом надвое.

Этот миф писатель передает из уст героя романа дедушки Бежана, носителя народной культуры. По его утверждению, и его жизнь распалась надвое, одна половинка – это прошлое, а вторая – будущее. Через жизнь отдельного человека писатель передает историю Абхазии, которая полна драматизма. Первая половина прошла в период Русско-Кавказской войны, а вторая связана с издержками коллективизации и строительства социализма. Эту историю Бежан рассказывает своему внуку Лагану, который верит в реальность мифа.

Исследователь мифопоэтики в романе К. Н. Паранук находит схожесть подхода к мифу Баграта Шанкубы и Юнуса Чуяко в названном романе и романе Ю. Чуяко «Сказание о Железном Волке», хотя у них разные сюжеты: «В этих двух романах немало сходного: и в раскрытии истории семьи через преемственность трех поколений: дедушки – отца – сына, и в присутствии ярко выраженной фольклорно-мифологической стихии в контексте, и в характере главного героя, рефлексии которого отражают его духовно-нравственные поиски. В обоих произведениях в основу названия легла мифологическая символика, ставшая впоследствии семантическим и структурным ядром повествований... образ Рассеченного камня – свидетельство того, как природное явление (камень) превращается в фольклорный образ, а фольклорный – в литературный» [6: 59].

Роман Ю. Чуяко «Сказание о Железном Волке» опубликован в 1993 году. Автор первым в Адыгее обратился к мифу как к средству семантической и структурной организации текста. В нем переплетается прошлое и настоящее. Основным персонажем в нем является Железный Волк – носитель Зла, пожирающий целые аулы, даже сердца людей. Люди, «лишенные сердец» способны на многие преступления, которые совершались царской Россией во время колонизации Кавказа в XIX веке. Долгое время о трагедии черкесов, рассеянных по многим странам в результате этой войны, история умалчивала, но времена изменились, демократические отношения, наступившие в России в последние десятилетия, позволили осветить эту тему, и одним из первых к ней обратился Юнус Чуяко. Его роман в прекрасном переводе русского писателя Гария Немченко был опубликован в «Роман-газете», предисловие к нему написал тоже известный русский писатель Валентин Распутин, который дал в нем такую оценку: «Как должно в наше время любить свой народ». Роман получил широкий резонанс среди читателей страны, он был удостоен премии журнала в качестве лучшего произведения года. Это свидетельствует о том, что «Мифологическое сознание разных народов обнаруживает много общего, и их возвращение к своим истокам обретает особую важность, оно равносильно обретению вновь духовности, человечности» [7: 51].

В оппозиции к Железному Волку в романе действует семья Мазлоковых: главный персонаж Сэт, его дед Хаджекиз – носитель мифического

сознания, внук, которого хотят воспитать в соответствии с адыгским этикетом. В сюжет романа вплетено большое количество преданий, народных обрядов, песен, сказаний, включая и героев нартских сказаний, создающих фольклорно-мифологический контекст. Много в нем пословиц, поговорок, притч. Все это созвучно мифопоэтическому сознанию. Как утверждает К. Н. Паранук: «Мифы занимают в романе доминирующее положение по сравнению с фольклорными источниками, используемыми в контексте» [8: 52].

Примечания

1. *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М., 1986. – С. 304.
2. *Хакуашева М. А.* Мифологические образы и мотивы в фольклоре, литературе и искусстве. Нальчик, 2014. – С.159.
3. *Шакова М. К.* Утижев Борис Кунеевич / Адыгские (Адыгейские, кабардинские, черкесские, черкесского зарубежья) писатели XIX-XXI вв. Нальчик, 2023. – С. 144.
4. Адыгская (черкесская) энциклопедия. М., 2006. – С. 1526.
5. *Баков Х. И.* Античные мотивы в кабардинской драматургии / ж. Известия КБНЦ РАН, Нальчик, 2009. № 3. – С. 144-152.
6. *Паранук К. Н.* Мифопоэтика и художественный образ мира в современном адыгском романе. Майкоп, 2012. – С. 59.
7. Там же. С. 51.
8. Там же. С. 52.

ОСОБЕННОСТЬ ХУДОЖЕСТВЕННОГО КОНФЛИКТА В ИСТОРИЧЕСКИХ ДРАМАХ Ж. ТОКУМАЕВА И Д. МАМЧУЕВОЙ

Введение

С конца 80-х годов прошлого века, с началом процесса перестройки в стране, демократизацией общества, снятием цензуры, литературы народов России обогатились целым рядом новых тематических направлений. «Российская литература, творившая много десятилетий, руководствуясь только единственно признанным методом создания художественных произведений – методом социалистического реализма – сбрасывает с себя путы, сковывавшие ее весь советский период, вдыхает в себя свежий воздух долгожданных перемен в обществе» [Машуков, 2022:164]. Ветер перемен доходит и до карачаево-балкарской словесности, в драматургии начинается новый этап развития. Неслучайно, что этот переломный момент в истории национальной сценической литературы стал временем возрождения жанра трагедии. Пьесы Ж. Токумаева «Чума», Д. Мамчуевой «Акбилек – последняя звезда Алании», А. Теппеева «Артутай», также трагедии, написанные на фольклорной основе – «Каншаубий и Гошайх», «Тахир и Зухра» М. Ольмезова, «Бийнёгер» А. Теппеева, «Бийнёгер» С. Семеновой, «Мурат и Зумрат», «Рамазан и Акбийче» Д. Мамчуевой – несомненно, расширили жанрово-тематический диапазон национальной драматургии.

Как известно из истории русской драмы, в период радикальных перемен она первая наравне с публицистикой откликнулась на общественно-политические изменения в стране. Во время гласности и всеобщей демократизации сценическая литература осталась верна себе. «Прежде всего, драматургия перестройки пережила всплеск жанра политической драмы в атмосфере общего интереса к «белым пятнам» истории, переосмысления устоявшихся оценок, в частности, демифологизации отдельных событий и персонажей, – пишет М. Громова. – В этом отношении писатели опередили учёных-историков, создавая художественные версии на исторические, недавно запретные темы, среди которых главенствовали «антисталинская» тема, тема ГУЛАГа, новый взгляд на некоторые события Октябрьской революции и Гражданской войны» [Русская драматургия...]. Карачаево-балкарская драматургия исключением не являлась. Драмы о тотальной депортации балкарцев (1944 г.) и карачаевцев (1943 г.) заняли заметное место в национальной литературе. Соглашаясь с мнением Н. Громовой, их можно причислить к политическим пьесам. Кроме того, на рубеже XX–XXI вв. в карачаево-

балкарском театре стремительно развивалась историческая драма (Ж. Токумаев «Чума», Д. Мамчуева «Акбилек – последняя звезда Алании», А. Тепшеев «Артутай»).

Неподдельный интерес авторов к данной рубрике, на наш взгляд, объясняется тем, что в 90-е годы многие архивные материалы были рассекречены; во-вторых, выявился живой интерес к принципам самоидентификации народа, к его прошлому; авторы стремились так или иначе найти место карачаево-балкарского этноса в общей истории тюркских народов. Именно в эти годы активизировалась работа историков. Монографии М. Джуртубаева, Н. Будаева, М. Кучинаева, Р. Тебуева, Р. Хатуева, Т. Моллаева и др. составили серьезный вклад в изучение формирования карачаево-балкарского этноса.

Известно, что историческая драма возникает как реакция эстетического сознания на значимые социально-политические изменения в обществе и государстве. Так, после Французской революции 1848 г. в России была введена жестокая цензура над театром, литературой, публицистикой, что привело их к упадку. Только после начала царствования Александра II отметились оживление любой мысли, пробудились искусство и литература.

Однако именно в этот период родились великие исторические произведения русских писателей и драматургов: роман Л. Н. Толстого «Война и мир», трилогия А. К. Толстого («Смерть Иоанна Грозного», «Царь Федор Иоаннович», «Царь Борис»). К судьбоносным событиям прошлого обратился крупнейший драматург А. Н. Островский («Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский», «Козьма Захарыч Минин-Сухорук», «Тушино», «Василиса Мелентьева» и др.). Появляются другие произведения из русской истории.

И. Ростоцкий пишет: «Во время создания исторических драм Островский обращался к огромному количеству источников, использовал документы эпохи, стремясь в поведении и речах персонажей передать быт и колорит времени. Драматург проделал большую работу учено-исследователя, создавая правдивую, исторически верную картину времени. Насыщенность его произведений серьезными политическими и общественными проблемами делало их современными и актуальными» [Ростоцкий, 2004: 234].

В данном контексте нам важна мысль И. Ростоцкого о современности и актуальности исторических драм во второй половине XIX в. Мы акцентируем на этом внимание, потому что в разных выступлениях и статьях в местной печати в 90-х гг. прошлого века можно было прочитать упреки в адрес национальных драматургов, что они, мол, обращаясь к истории своего народа, уходят от современных проблем, скрываясь за экзотикой прошлых столетий. Например, режиссер театра Б. Кулиев в статье «Проблемы современной драматургии» считал, что многие писатели, в част-

ности, А. Теппеев и М. Ольмезов, «находятся в оцепенении». Поясняя свою мысль, он пишет: «Я... сомневаюсь, что такие зрелые авторы не хотят писать о сегодняшних проблемах, о тех трудностях, которые наше общество видит каждый день, живет, преодолевая их. Потому метания и бегство в прошлое, напрямую не связанные с сегодняшней жизнью, не позволяют мне назвать проблемы балкарской драматургии иначе как тупиковыми» [Кулиев, 2003, № 1].

Конечно, в первые годы перестройки, всеобщей дозволенности и в постперестроечное время среди писателей и деятелей театра наблюдалась некоторая растерянность. Не всем удалось найти свою тему, найти адекватный язык, художественно выразить настроение современного общества и изменения в государстве. Но все же, обращение к истории, к корням своего народа было продиктовано не столько желанием скрыться от реальной жизни, сколько стремлением разобраться в событиях, перипетиях истории и, конечно же, патриотическими побуждениями авторов. Они, как Островский, считали, «что живое, правдивое воскрешение истории... на сцене воздействует на душу и разум широкого народного зрителя, способствует его образованию и воспитанию» [Ростоцкий, 2004: 233]. Также «обострившийся интерес к «белым пятнам» истории обусловлен, прежде всего, острой необходимостью социально-философского осмысления переломных этапов в истории народа с позиций современности» [Сарбашева, 2009: 171]. Возникновение такого рода пьес в карачаево-балкарской сценической литературе было потребностью времени, продиктовано социально-политическим, экономическим положением общества. Это был сублимированный ответ национальных авторов на исчезновение привычных «официальных» представлений о ценностных приоритетах народа, на актуальную неопределенность идентификационных этнических параметров, сложившихся в ментальном пространстве социума Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии.

Так, о неравной войне предков карачаево-балкарцев с войском Хромого Тимура независимо друг от друга было написано две трагедии: «Чума» («Эмина», 1992) Ж. Токумаева и «Акбилек – последняя звезда Алании» («Акьбилек – Аланны ахыр жулдузу», 2006) Д. Мамчуевой.

В этих произведениях воссоздавались картины средневековой жизни и быта, показывались обряды и обычаи, которые играли огромную роль в судьбе каждого героя и народа в целом. Представленные в данных трагедиях перипетии, перекликались с современным состоянием общества: с растерянностью перед новым строем, с проблемой нравственного выбора, выбором между долгом и чувством, борьбой за власть и т.д. Отсюда – непреходящая актуальность художественного конфликта в исторических драмах 90-х гг., в постперестроечное время и в наши дни.

До сих пор этой важной и непростой проблеме не уделено должного внимания в карачаево-балкарском литературоведении и театроведе-

нии. В монографиях, посвященных эволюции балкарской драматургии [Сарбашева, 2009] и ее поэтике [Сарбашева, 2015], литературовед А. Сарбашева ограничивается лишь причислением трагедии Ж. Токумаева к историческим драмам [Сарбашева, 2009: 169].

3. Хабичева-Боташева в своей монографии об истории Карачаевского театра, к сожалению, очень скупо касается самой трагедии «Акбилек – последняя звезда Алании», лишь вскользь упоминая о незначительных изъянах произведения. Согласно своей задаче она, в основном, акцентирует внимание на спектакле, удачных работах режиссера и актеров [Хабичева-Боташева, 2012: 464–465].

На наш взгляд, обход пьес данной рубрики современными исследователями продиктован сложностью их конструкции, перипетиями «давно минувших дней», нежеланием прикасаться к малоизученным и спорным темам, определенными упущениями авторов и т.д.

Потому пришло время посмотреть на национальную историческую драму, как на необходимый и своевременный феномен в исторической литературе, возникновение которого было закономерно, и реализовывалось как показатель чуткости, озабоченности драматургов социально-политическим, экономическим климатом в стране. Назрела необходимость проанализировать трагедии «Чума» Ж. Токумаева и «Акбилек – последняя звезда Алании» Д. Мамчуевой об истории нашего народа согласно современным требованиям, учитывая актуальность проблем и конфликтов, рассматриваемых в этих пьесах.

Как известно, «специфика драматического действия определяется в первую очередь конфликтом. Это центральное понятие драматической формы» [Карягин, 1971: 155]. Всем видам искусства присущ конфликт, но в драме он приобретает особое значение, ибо «конфликт – её движущая сила, в нем – сердцевина драмы, ее нравственный пафос» [Сахновский-Панкеев, 1969: 11].

В нашей статье мы попытаемся выявить драматический конфликт в трагедиях А. Тепшеева и Д. Мамчуевой, противостояние антагонистических сил, межклассовую борьбу, определить его характер и разновидности.

Тема прихода Хромого Тимура на Северный Кавказ «крупным планом» появилась в карачаево-балкарской драматургии в постперестроечное время. До этого в местной печати были редкие публикации ученых и писателей, касающиеся того трагического времени в истории этноса. В основном, публиковались легенды, отрывки из песен, сохранившиеся до наших дней. В книге «Аланский историко-героический эпос» [Аланский... 2015] ее составитель М. Джуртубаев собрал практически все словесные памятники, сделав их народным достоянием. В монографии «Историко-героические песни карачаево-балкарского народа (конец XIV–XVIII века)» [Малкондуев, 2015] фольклорист Х. Малкондуев так-

же уделил большое внимание данному циклу, их композиции, другим художественным средствам и дал общий анализ песенных текстов.

Драматурги Ж. Токумаев и Д. Мамчуева каждый по-своему попытались представить, реконструировать действия и коллизии того трагического периода. Они, используя доступную по тем временам информацию, сохраняя имена исторических личностей (в трагедии «Акбилек – последняя звезда Алании» – Болат и Утурку), введя в действие вымышленных героев и обогатив событиями, создали свои версии пьес о нашествии грозы степей Хромого Тимура в Карачай и Балкарию.

Трагедия Ж. Токумаева «Чума»

Ж. Токумаев (1935–2012), дав своей трагедии название «Чума» («Эмина»), ассоциировал геноцид карачаево-балкарского народа со стороны Хромого Тимура с дважды разразившейся чумой в Балкарии и Карачае: в конце XVII и в начале XIX в., после которых этнос был на грани исчезновения [Аланский... 2015:17].

По тексту пьесы и действию в первой ее части, поход Темирлана на Северный Кавказ для героев является полной неожиданностью, автор даже не намекает о приближении войск Хромого Тимура. Народ готовится к празднику молотьбы «Эрирей». Только в самый разгар народного гуляния приходит страшная весть о надвигающейся беде. Но в доме князя еще до тревожного известия воздух накален, домочадцы пребывают в состоянии тяжелого ожидания. Драматург эмоционально и психологически точно создает атмосферу беспокойства, душевное томление героев, предчувствия неминуемой беды.

Ж. Токумаев уделяет большое внимание внутреннему миру своих героев, их психологическому раскрытию. Сталкиваясь в различных ситуациях и борясь за любовь Чолпан, неравные статусом и возрастом соперники – военачальник Состар и молодой Болат – пребывают в экстремуме эмоций и настроений: конкурентные, любовные, патриотические переживания динамично сменяют друг друга.

В трагедии силен мотив предопределенности, влюбленные Болат и Чолпан, княжеская чета – все они живут в предощущении беды, что, собственно, и обуславливает фатальный характер их поведения и поступков: в первой сцене Чолпан в ожидании Болата вырывается от служанки и бежит на край обрыва, где внизу течет бурная река; в финале пьесы, после смерти Болата, она, сойдя с ума, бросается вниз; в любовных сценах главных героев, они постоянно ощущают присутствие третьего, чувствуют тень Состара, бояться, что он не даст им быть вместе; перед смертью Болат слышит голос умершего отца, а Чолпан голос богини воды – Демметтир; княгиню мучают ночные кошмары – будто бы чума свирепствует на их земле и т.д. Все эти знаки предначертанности становятся зримыми символами надвигающейся катастрофы.

Верховный князь также раздираем внутренней борьбой. Пообещав своему другу Ёртену воспитать его сына Болата, как родного, он сдерживает свое слово. Но со временем вынужден огорчить смелого, отважного воина, преданного, благородного Болата. Дав слово другому другу – Бараку – породниться с ним, и выдав свою единственную дочь Чолпан замуж за его сына Состара, князь находится меж двух огней – долгом и честью. Так автор раскрывает психологическое, эмоциональное состояние князя, усиливает его тревогу, обостряя общий драматический конфликт. Плюс ко всему, ему снится вещий сон, который в скором времени сбудется в точности...

Подарок Состара – знак близкой свадьбы – усиливает страдания возлюбленных. Чолпан, как дочь своего отца и князя, вынуждена подчиниться его воле, но сердце отказывается смириться с решением старших. Болат также мучается жестоким противоречием между долгом и чувством. Благодарность князю велика, переступить через вековые обычаи народа он не может, но отказаться от Чолпан юноша не в силах.

Положение Состара в психологическом плане ничуть не лучше положения соперника. Будучи военачальником, он вынужден отвечать двойному морально-психологическому вызову, борется за свое личное счастье и безопасность народа. Наблюдая, как развивается любовь между его нареченной и Болатом, он не желает уступить предназначенную ему Чолпан молодому конкуренту. У него своя правда. В последнем монологе, перед тем как убить Болата, раздираемый ревностью и злобой Состар, говорит: «Я не хотел проливать кровь сироты, поэтому сдерживал себя. А ты не понял. Не ушел с моей дороги. Теперь я не виноват» [Токумаев, 1995: 561]. (Перевод с карачаево-балкарского здесь и далее автора статьи – А. С.)

В пьесе «Чума» различные виды конфликта составляют ее основной стержень. Военный конфликт является внешним фоном, в то время как любовный – эмоционально сильнее его, он выписан ярче, рельефней. По сути, драматург показывает любовный треугольник. Завязавшиеся драматические узлы в произведении развязываются с приходом врага, подданного Темирлана – мингбашчы Саламбека – и финал приобретает трагический исход.

В трагедии заявлен еще один, довольно любопытный, но до конца не доведенный конфликт – религиозный. Саламбек ставит условие князю: если его народ откажется от своих языческих богов и примет ислам, на его земле не будет пролита кровь. После публичных переговоров князя и противника принимается решение выставить по одному бойцу с каждой стороны, и противостояние решит честный поединок. Побеждает Болат. Саламбек сдерживает слово. При этом добавляет, что красота Чолпан спасла народ от уничтожения. И на прощание бросает многозначитель-

ную реплику: «Я ухожу. Но не могу вам дать слово, что острый меч Хромого Тимура когда-нибудь не дойдёт до вас» [Токумаев, 1995: 559].

Ситуация разрешается достойно, по-мужски, честно. Однако напрашивается вопрос: «Если в открытом бою, один на один, можно было определить: кто сильнее, отстоять свою свободу и религию – стоило ли драматургу подкреплять и без того крепкий любовный конфликт исторической темой как «вспомогательным материалом»? Ведь исторические факты говорят совершенно другое [Кучинаев, 2004: 237–241]. Даже если допустить, что это художественное произведение, такой благородный финал, что представил Ж. Токумаев в трагедии, не соответствует жизненной, исторической и художественной правде, не соответствует он и заявленному автором символическому названию: чума – геноцид, чума – катастрофа. Она забирает с собой только лишь влюбленных. А ведь на кону стоит вопрос «быть или не быть этносу?». Смерть влюбленных Болата и Чолпан – это, конечно же, трагедия, но не народная, ее можно рассмотреть как частный случай. Видимо, именно поэтому во время постановки пьесы в Балкарском театре (1993 г.) режиссер М. Атамурзаев представил свой финал: Саламбек возвращался и уничтожал селения (народ). В конце на сцену выходили дети, которым удалось спрятаться от страшного врага, что символизировало будущее возрождение народа...

Если все же попытаться ответить на вопросы: «Почему драматург, замахнувшись на столь сложную историческую тему, сошел с нее, не смог довести ее до конца? Почему главный, магистральный конфликт – военный, как можно было ожидать по названию пьесы, жанру, идее, заложенной в ней, был подменен на любовный?», думается, надо обратиться к статье Ж. Токумаева «Эминаны юсюнден не айтадыла?» («Что говорят про «Чуму»?». Она вышла после премьеры спектакля «Чума» в Балкарском театре. В публикации автор декларирует, что основная тема произведения – это «любовь, верная, сильная любовь! Если я вознамерился писать о ней, то должен был показать жизнь, быт, обычаи, традиции, войну своего народа. Без них пьеса не была бы пьесой, спектакль – спектаклем» [Токумаев, 1993, № 246].

Тем не менее, в статье перечисляется научная и художественная литература, использованная при создании пьесы. И сам этот список убеждает – основной идеей автора было создание исторической драмы о приходе Хромого Тимура в Балкарию. Но драматург неправильно определил для себя задачу, не продумал основной конфликт. Как известно, Ж. Токумаев до этого в основном писал комедии для театра. Жанр трагедии был для него новым, неосвоенным. Некоторое пренебрежение законами жанра и недооценка важности драматического конфликта, думается, сыграли здесь свою негативную роль.

Анализ пьесы показывает, что драматурга больше увлекла внешняя сторона действия. Преизбыток фольклорно-этнографических элементов:

праздник молотьбы «Эрирей», массовая сцена с танцем и ряженым-кеппай (козел), обрядами, историческими костюмами, благопожеланием и т.д. придают пьесе яркую, специфическую атмосферу, долю архаичности, но в тоже время – неуместный для данного жанра оттенок излишнего этнографизма. Можно констатировать – в 90-е гг. прошлого столетия, когда народы были озабочены изучением своих традиции и обрядов, драматург Ж. Токумаев проделал большую работу по реконструкции языческого праздника «Эрирей» и довольно органично вклинил его в пьесу. Но, как нам кажется, именно слишком сильная увлеченность автора внешней стороной этнического бытия делает произведение несколько «обыкновенным», приземленным, оттого ему не удалось осилить поставленную перед собой задачу. Ведь трагедия – жанр высокий и на протяжении веков у нее остается твердый признак: она «всегда изображала конфликты максимального общественного значения» [Волькенштейн, 1969: 138].

Таким образом, можно сделать промежуточный вывод, что первая историческая карачаево-балкарская драма Ж. Токумаева «Чума» не вполне соответствует требованию жанра. Драматург, взяв историю Болата и Чолпан за центральную тему, ярко и эмоционально показал их любовь, придав пьесе этнографический флер, и разбавил ее военным конфликтом. Первая художественная задача доведена до логического финала при нарушении исторической, художественной правды второй – и основной. Мастеру комедии, коим до этого зарекомендовал себя драматург, не удалось развить драматический конфликт пьесы «Чума» до трагедии общенационального масштаба, что должно было стать сверхзадачей автора.

Трагедия Д. Мамчуевой «Акбилек – последняя звезда Алании»

Совсем в ином ключе, в другом стиле решает данный вопрос в трагедии «Акбилек – последняя звезда Алании» карачаевский драматург Д. Мамчуева (род. в 1953 г.). Пьеса написана стихом, который временами перемежается с прозой. Д. Мамчуева выдерживает законы теории драмы практически во всем. Высокий стиль и поэтический язык произведения придают ему некую строгость и возвышенность, что присуще данному жанру. Действия в ней происходят в 1394–1396 гг.

Буквально с первой сцены автор вводит читателя в атмосферу тягостного ожидания известием о походе Хромого Тимура на Северный Кавказ. Верховный князь Карачая Болат озабочен этой новостью, его окружение – тоже. Князя терзает вопрос: «Как спасти аланский народ?», а его придворные заняты личной проблемой – борьбой за власть. Это и есть основной драматический конфликт трагедии.

Надо отметить, автор в своей пьесе в значительной степени придерживается известной на сегодняшний день канве исторических событий. Верховный князь Карачая Болат и эмир Тохтамыш Утурку, нашедший приют у первого – реальные исторические личности. Утурку в трагедии

отведена эпизодическая роль. Драматург по-своему воссоздает события более чем шестисотлетней давности, и пишет воистину трагическое, социально-политическое произведение, где поднимаются нравственно-этические и философские вопросы.

Пьеса местами из разряда художественного произведения переходит в просветительское, что сделано драматургом намеренно. «В ней есть сцены, посвященные, нравам, обычаям и истории алан» [Хабичева-Боташева, 2012: 464]. Порою исторические «хроники» кажутся чересчур длинными, но используя данный ход, Д. Мамчуева концентрирует внимание читателя и зрителя на историческом прошлом своего народа. Драматург с самого начала действия показывает солидарность с верховным князем Болатом. Даже больше – личное отношение к событиям, происходящим в трагедии и личную боль: бесстрашный, мужественный народ и страна Алания с богатым прошлым могут исчезнуть с исторической орбиты с приходом Хромого Тимура.

Введенный в пьесу образ Времени в своеобразном прологе рассказывает о времени расцвета Алании, о растерзании ее монголами, после чего аланы разделились на четыре племени. По мнению автора, именно раздробленность, нежелание подчиниться одному центру, одному князю, борьба за главенство среди племен становится главной причиной победы Темирлана и приводит к катастрофе.

Главный герой трагедии Болат – князь самого многочисленного аланского племени. Смелый, мудрый лидер, готовый ради своего народа пойти на смерть, но слишком доверчивый, окружил себя недостойными людьми. Это становится его роковой ошибкой. Метивший на место верховного князя визирь Тутар с советником Данашем ведут скрытую борьбу против Болата. У Тутара грандиозный план – убрав Болата, стать верховным князем Карачая и сделать сына Айгура военачальником. На нартских играх Айгуру предстоит испытать свои силы с аланским военачальником Азарбием. Отравленный и обессиленный аланский военачальник проигрывает бой. Тут появляется Акбилек, сестра Азарбия, в мужской одежде. Она спасает честь Алании и честь брата, после чего девушка становится учителем и воспитанником единственного сына Болата – Карчи.

Так в трагедии набирает оборот женская линия, «женский» конфликт. Супруга верховного князя Кызжибек, взяв себе в наперсницы римскую танцовщицу, хитрую, циничную Руфиниду, становится жертвой ее с Тутаром интриги. Римлянка придумывает план внесения раздора в супружеские отношения Болата и Кызжибек. Между супругами начинается любовно-бытовой конфликт, переходящий в политический. Кызжибек мучает супруга в тяжелый для него момент ревностью к Акбилек, отказывается подчиниться ему, тем более отдать Карчу на воспитание девушке на случай их гибели. Княгиня еще более обостряет и без того напряженное состояние князя и отношение между ними.

Ведомый жаждой власти Тутар, со своим поделщиком Данашем перехватывают письмо Хромого Тимура к верховному князю Карачая, где тот выдвигает Болату два условия. Первое, выдать ему нашедшего спасение у него эмира Тохтамыша – Утурку; второе, отречься от многобожия и принять ислам. В ответ Тимур обещает мир и покровительство.

Тутар с Данашем меняют текст письма Темирлана, после чего оно приобретает враждебный характер. Так тройца Тутар – Данаш – Руфина умело продолжает скрытую борьбу во дворце Болата против него. В нее втягивают его супругу Кызжибек и Акбилек. Скрытый, имплицитный конфликт в трагедии строится довольно искусно и театрально.

Карачаевский театровед З. Хабичева-Боташева не без основания пишет, что сценам с женскими образами в пьесе было уделено излишнее внимание [Хабичева-Боташева, 2012: 465]. Будучи солидарны с ней, в оправдание автора мы можем сказать: это не просто интересные, красивые, с большим мастерством выписанные персонажи трагедии, но вполне функциональные актанты, усиливающие интригу и конфликты.

Говоря об открытом конфликте, автор временами использует прием времен французского классицизма: все военные действия, убийства в пьесе происходят за кулисами, про них мы узнаем со слов Времени, Акбилек, Карчи, из авторских ремарок.

Драматург удивительно точно, на высокой эмоциональной ноте строит кульминационный совет трех аланских князей, отсылая читателя и зрителя к современной действительности. Как справедливо пишет историк Карачаевского театра, сцена «показывала отсутствие единства в обществе – каждый алан (читай: карачаевец) считает себя правым и не хочет слушать другого» [Хабичева-Боташева, 2012: 465].

Князья Атауул и Науруз приходят на совет к верховному князю Болату по его приглашению. Четвертый князь Темиркул даже не почтил сход своим присутствием, считая, что он по возрасту старше Болата, его родословная гораздо древнее. Он убежден, что Болат сам должен явиться к нему, хотя вопрос стоит о дальнейшем существовании Алании и аланского народа. Болат предлагает объединить усилия всех четырех племен и держать оборону вместе. Вот тут начинается уже открытая борьба за верховное правление Аланией, межклассовый конфликт или борьба между «своими».

Атауул – князь самого малочисленного аланского племени – полагает, что им удастся скрыться от Тимура, и они не будут ввязываться в войну с ним. А при случае объединении племен, Атауул ставит условие: его военачальник будет командовать войсками, а он выдвинется в верховные князья. Амбиции Науруза менее выражены – ему достаточно, чтобы его смелый военачальник был главным на войне. Болат не уступает им, твердит, что его войско более многочисленное и боеспособное. Еще раз предлагает встретить врага подальше от родных мест и вместе встать на защиту своей земли.

Агрессивно настроенный Атауул ищет повода рассориться с верховным князем, повторно указывает, по его мнению, на главную ошибку Болат – сокрытие у себя Утурку. Болат категоричен в этом вопросе – он не нарушит закон предков – не откажет в помощи никому, даже врагу.

Князья расходятся, не приходя к общему мнению. Болат сильно озабочен, он не знает, как объединить племена. «Что я должен сделать для этого?!» – мучает его вопрос.

Открытый и военные конфликты с приходом врага разрешаются ожидаемо жестоко. Главной причиной тому, по мнению автора, является гордыня князей, нежелание сплотиться в единый кулак. Мистический образ трагедии – Время, рассуждая с высоты сегодняшних дней, сетует: «Нет двух князей, понимающих (поддерживающих) друг друга, если нет единства, то нет и счастья» [Мамчуева, 2013: 216]. Еще раньше в сцене Болат – Акбилек князь спрашивает совета у девушки: на кого он может опереться в трудное время, когда решается судьба народа? Она также видит его спасение только в единстве. Затем Акбилек выражает глубокую мысль, истинный смысл которой не понять тутарам, темиркулам и наурузам: «Насколько я понимаю, быть главой народа – значит служить ему. Ради спасения своего народа, своей земли склонить голову перед кем бы то ни было – это не унижение, не трусость, это – мудрость, умение смотреть вперед, думать о будущем. Вступить в войну и умереть, как герой – легко. Унижаясь, сохранить народ – это самое трудное и сложное дело» [Мамчуева, 2013: 189].

Д. Мамчуева в трагедии «Акбилек – последняя звезда Алании» продолжает тему – важность объединения народа, начатую в карачаево-балкарской драматургии в начале 80-х годов (И. Маммеев, «Нарт Ёрюзбек», Ш. Алиев «Ходжа и Азраиль»). Если она раньше просто обозначалась, и в текстах говорилось о ее важности для сохранения этноса в истории, то в данной пьесе проблема зримо поднята и показана в развернутом виде.

Видимо, неслучайно, что данный вопрос на рубеже веков поднимал и кабардинский драматург Б. Утижев в своей трагедии «Князь Кучук» (1998 г.). Там действие происходит в начале XIX в., после покорения генералом Ермоловым Кавказ. В пьесе герои собираются в импровизированную Хасу, чтобы обсудить и найти решение, какой-то выход из сложившейся трудной ситуации. В ходе развития действия каждый из присутствующих выдвигает свой вариант спасения Кабарды от российского насилия, царской власти. Один предлагает «держаться стороны Турции, державы истинного ислама», другой видит спасение в союзе с Персией. Несколько выступающих, чтобы «не навлекать на себя еще больший гнев Ермолова», только с Россией связывают дальнейшую судьбу Кабарды, считают, что «богатство и мощь России настолько велики, что и постигнуть их обычным умом невозможно». Несогласный с пророссийской ориентацией герой видит в России дальнейшую угрозу и, что еще болезненнее для народа, считает он, некоторые выходы из

него и есть самые страшные их враги: получив прекрасное образование, достигнув высоких чинов, они, услужливая перед царем, «топят землю в крови», «сменив веру и имя», «сжигают аулы, губят души». Поступает предложение «уйти в горы и оттуда обрушиться на этих супостатов». Разгоряченные люди, не согласные друг с другом, считая только свое предложение единственно верным, не сдержавшись, хватаются за оружие.

Раздосадованный, огорченный услышанным и увиденным князь Кучук, говорит: «Да, и на княжеской Хасе случалось, что, нет-нет да кто-то скажет хлесткое слово, но не бывало еще, чтобы вот так за оружие хватались! Посему видно, до чего низко мы пали. Скатились до того, что и следа в нас не осталось от хабза наших достойных предков...» [Утижев, 2010: 261]. Далее старый князь высказывает еще более горькую мысль: казалось бы, что на Хасе все озабочены судьбой раненого воина (имеет в виду Кабарду – А. С.), «но вглядываясь в лица окружающих, все больше и больше убеждался, что присутствующие уже успели забыть об этом славном воине. Изредка произнося его имя, каждый из них выпячивал свои личные дела и интересы» [Утижев, 2010: 262].

Некоторые из собравшихся на Хасу ее члены и молодые отпрыски кабардинских князей, в том числе сын Кучука – Жамбот, считают политику валия Кабарды неверной, слишком мягкой и терпимой по отношению к российскому влиянию в Кабарде. В откровенном мужском разговоре с отцом Жамбот говорит ему, что не осталось «в старших ни сил, ни желания защищать Родину. Вы ослабили не только телом, но и духом. И нет среди вас более вожака, который призывным словом собрал бы народ под свое знамя» [Утижев, 2010: 246].

Нелегко выслушивать князю такие обвинительные речи от родного сына и от другого своего сородича, смелого, открытого Казбулата. На что выдавший много в своей жизни, от того умудренный жизненным опытом Кучук отвечает: «...Бывает и так, что я приноравливаюсь к прихотям врага, одолевшего нас. Бывает, что переступаю через свою гордость. Но Всевышний видит – не корысти ради я смиряюсь в таких случаях. Для личного блага я ни перед кем не склонялся. Для Родины нашей я это делаю. Для Кабарды... Коль доведется узнать, что где-то есть средство, которое спасет ее от гибели, я буду неустанно искать и добиваться его. Не то что наклоняться – готов на брюхе ползти ради такого выхода и средства...» [Утижев, 2010: 262–263].

Известный журналист Т. Машуков, анализируя произведения о Кавказской войне, упоминает также пьесу Б. Утижева «Князь Кучук» и приходит к мнению, что: «...произведения разных жанров содержат в себе огромный публицистический заряд, так как, обращаясь к далеким историческим фактам и событиям, одновременно поднимают одну из важнейших задач сегодняшнего дня – необходимость сохранения и

упрочения мира и согласия на Северном Кавказе, дружбы и тесного сотрудничества с Россией» [Машуков, 2022: 162–182, 165].

На наш взгляд, драматург Б. Утижев в своей трагедии все же во главу угла ставит вопрос консолидации этноса, напоминает, что сила его в единстве. Именно это предлагает главная героиня трагедии «Акбилек – последняя звезда Алании» и к такому итогу стремится верховный князь Болат. Но охваченные страстью, желанием власти уже немолодые «герои» не в силах понять мудрую, спасительную политику настоящих лидеров, стремящихся к объединению и сплочению. Потому верховный князь Карачая Болат, живший в конце XIV века, всеми силами попытавшийся спасти Аланию, как и верховный валий Кабарды Кучук в начале XIX века, в конце концов признают: «Выходит, главный недруг – это наша разобщенность» [Утижев, 2010: 247].

Вывод

Обобщая вышеизложенное, мы приходим к выводу, что Д. Мамчуева в своей трагедии «Акбилек – последняя звезда Алании» размышляет о прошлом, настоящем и будущем своего народа, призывает учесть горький опыт прошлого и работать на сплочение и объединение, без которых этносу не удастся выжить, сохранить свою самоидентификацию в общем потоке современной действительности, не говоря о военном времени. Примечательно, что и кабардинский драматург Б. Утижев, обратившись к сложному периоду из истории своего народа, приходит к аналогичному мнению. Стремление национальных писателей осмыслить переломные этапы этноса через призму современности подчеркивает художественную зрелость авторов, умение разработать драматический конфликт. Только наличие борьбы разных сторон, различных мировоззрений и стремлений позволяет говорить о качестве драматического произведения. Если на начальном этапе зарождения исторической драмы Ж. Токумаев написал пьесу с частичными нарушениями закона жанра, то спустя недолгое время Д. Мамчуева представила произведение национального масштаба со множеством сюжетных линий и конфликтов, которые позволили автору более театрально и ярко выстроить целый ряд интриг, коллизии и прийти к логической и трагической развязке.

Список источников и литературы

Аланский... 2015 – Аланский историко-героический эпос / Сост., предисловие, подстр. пер. и коммент. М. Ч. Джуртубаева. В III т., т I. – Нальчик: Тетрограф, 2015, – 655 с.

Волькенштейн, 1969 – *Волькенштейн В. М.* Драматургия, издание пятое, дополненное. – М.: Советский писатель, 1969. – 335 с. с илл.

Громова – *Громова М. И.* Русская драматургия конца XX века – начала XXI века // [электронный ресурс]. 2005. URL: <https://itexts.net/avtor-margarita-ivanovna-gromova/117609-russkaya-dramaturgiya-konca-hh-nachala-xxi-veka-margarita-gromova/read/page-1.html> (вр. обращ. 13.02. 22).

Карягин, 1971 – *Карягин А. А.* Драма как эстетическая проблема. – М.: Наука, 1971. – 222 с.

Кулиев – *Кулиев Б.* Проблемы балкарской драматургии // Зов культуры 2003, № 1.

Кучинаев, 2004 – *Кучинаев М. Ю.* История Балкарии с древнейших времён и до конца XX века. Книга 1. – Нальчик: Изд. центр Эль-фа. 2004. – 411 с.

Малкондуев, 2015 – *Малкондуев Х. Х.* Историко-героические песни карачаево-балкарского народа (конец XVI–XVIII века). – Нальчик: Печатный двор, 2015. – 312 с.

Мамчуева, 2013 – *Мамчуева Д. Т.* Акбилек – последняя звезда Алании // Сокровенное слово: Стихи, поэмы, трагедия. – Черкесск: Карачаево-Черкесское республиканское книжное издательство, 2013. – 237 с. С. 139–237. (На карач. яз.)

Машуков – *Машуков Т.* Публицистика и литературный процесс во второй половине XX века // Литературная Кабардино-Балкария. 2022. № 5. С. 162–182.

Ростоцкий, 2004 – *Ростоцкий И. Б.* Театр и драматургия 50–70-х годов XIX века // История русского драматического театра: от его истоков до конца XX века: Учебник. – М.: Изд-во ГИТИС, 2004. – 736 с. С. 224–286.

Сарбашева, 2009 – *Сарбашева А. М.* Балкарская драматургия: этнофольклорная традиция и эволюция жанра. – Нальчик: Изд-во КБИГИ, 2009. – 240 с.

Сарбашева – *Сарбашева А. М.* Поэтика балкарской драматургии. – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2015. – 148 с.

Сахновский-Панкеев, 1969 – *Сахновский-Панкеев В. А.* Драма. Конфликт. Композиция. Сценическая жизнь. – Ленинградское отделение изд-ва «Искусство», 1969. – 230 с.

Токумаев, 1995 – *Токумаев Ж. З.* Избранное: Отрывки из трагедии «Кинжал мести», повесть, рассказы, пьесы. – Нальчик: Эльбрус, 1995. – 608 с. (На балк. яз.)

Токумаев – *Токумаев Ж.* Что говорят про «Эмину» // Заман, 1993, 25 дек. № 246.

Утижев, 2010 – *Утижев Б.* Грани. Избранное. – Нальчик. ГП КБР Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г., 2010. – 498 с.

Хабичева-Боташева, 2012 – *Хабичева-Боташева З. Б.* Карачаевский театр: Истоки. Самодеятельность. Профессиональное искусство. – М.: Российский университет театрального искусства. – ГИТИС, 2012. – 524 с.

БИБЛИОТЕЧНОЕ ПРОСТРАНСТВО А. С. ШУМАХОВОЙ

А. С. Шумахова

С Кабардино-Балкарской республиканской библиотекой имени Н. К. Крупской (ныне Государственная национальная библиотека КБР имени Т. К. Мальбахова) Анна Сахатовна Шумахова (1928-2011 гг.) связала свою судьбу в 1960 г. после назначения ее директором этого учреждения культуры. Ее приход в библиотеку совпал с важным событием: библиотека обрела новое, специально для нее построенное здание.

По всеобщему мнению, годы работы А. Шумаховой (1960-1994 гг.) стали золотым веком этого учреждения культуры. В этот период времени библиотека числилась в передовых не только в местных масштабах, но и пользовалась огромным авторитетом сначала в СССР, а с 90-х годов прошлого столетия и в Российской Федерации. И в этом большая заслуга Анны Сахатовны.

Для этой области культуры характерно множество новаций, требующих не только простого ознакомления, но и практического внедрения в работу. Анна Сахатовна относилась к числу людей, которые впитывают в себя все новое, но не потому, что поддаются каждому поветрию моды. Она прекрасно понимала, что уровень профессионализма библиотекарей напрямую зависит от знакомства со всеми новинками в своей области.

С особой гордостью А. Шумахова вспоминала историю централизации кабардино-балкарской библиотечной системы, которая позволила ей поставить библиотечное дело в республике на научную основу. Познакомившись с идеей данного эксперимента, который проводился министерством культуры РСФСР в трех российских областях, она загорелась желанием осуществить его на базе Майского и Урванского районов республики. Это было рискованное мероприятие, поскольку дотаций на его проведение Москва не выделяла. Тем не менее, эксперимент прошел удачно и принес А. Шумаховой заслуженное признание. В Москве неоднократно были отмечены не только библиотека имени Н. К. Крупской, но и курируемые ею сельские библиотеки, не раз занимавшие призовые места.

Заслуг у Анны Сахатовны много, один их перечень занял бы не-

мало места. Вот лишь некоторые из них. В Государственной национальной библиотеке Кабардино-Балкарии хранится немало изданий, ставших библиографической редкостью, в сохранении и приобретении которых огромную роль сыграла А. С. Шумахова. Среди них старинные фолианты, рукописные книги, восходящие к XVI-XVII векам, а также факсимильная книжная продукция. Часть коллекции сформировалась из национализированных дореволюционных частных библиотек. Она пополнилась также за счет книг, либо переданных в дар, либо полученных в порядке обмена. Серьезным подспорьем стали и букинистические магазины, в которых порой попадались весьма интересные печатные издания. Эти уникальные памятники культуры составили сектор редкой и ценной книги.

Первоначально бесценные письменные источники вместе с остальной литературой хранились в общем фонде. Определяющую роль в выделении редких изданий в отдельный фонд сыграло письмо из министерства культуры РСФСР, в котором был сделан запрос об их наличии в Кабардино-Балкарской научной библиотеке им. Крупской. Именно тогда родилась мысль создать сектор ценных книг. Практическая же реализация этой идеи началась в 60-х годах во время работы с фондами. В ценный фонд начали выделять редкие и старинные издания. Отобрали книги, вышедшие в свет и не в столь отдаленные времена. По воспоминаниям Анны Сахатовны Шумаховой, когда она получила циркулярное письмо из обллита об изъятии из фондов общего пользования и дальнейшем уничтожении печатных трудов крупных советских политических деятелей Зиновьева, Ежова и других, она не стала их уничтожать, а просто из основного фонда перенесла в закрытый. Наверно, чем-то при этом она и рисковала, но, слава Богу, все обошлось. А оставили их исключительно по той простой причине, что они имеют безусловную ценность, поскольку демонстрируют изменение во времени политической линии КПСС и советского государства, их приоритетов. При нынешней общественно-политической ситуации они понадобятся лишь узкому кругу специалистов, которых интересуют политические проблемы, что нисколько не снижает их культурную и политическую значимость. Она никогда не пожалела о сохранении этих изданий, считая, что это ценное достояние республики.

А. Шумахова часто повторяла, что прошлое не изменить, а потому безнравственно постоянное переписывание истории, уничтожение памяти об ее отдельных страницах. Как бы ни заблуждались авторы книг, нельзя их вычеркивать из нашего прошлого. Ведь ошибки прошлого нередко бывают очень поучительны. Кроме того, исключив часть печатных изданий из нашей истории, мы прерываем живую связь времен.

В закрытом фонде ГНБ сегодня хранятся также такие бесценные книги, как «Житие святых» – рукописная книга XVI века, «Грамматика славянская» (XVII век), «Регламент духовный» (1721 г.), «Книга степенная» (1775 г.) – издание, содержащее тексты государственных актов России от Владимира Святославича до Ивана Грозного (кстати, там есть и документ о присоединении Кабарды к России – факт иной раз оспариваемый политическими деятелями с националистической окраской), «Юности честное зерцало» (1717 г.). Особую ценность имеет изданная сравнительно недавно (1895 г.) книга – «Потерянный рай. Возвращенный рай» Д. Мильтона, оформительское искусство которой на очень высоком уровне. Такого же рода классику представляет собой и оформление «Истории живописи» И. Грабаря, многих других книг. Есть здесь и небольшая коллекция дореволюционной литературы о кавказцах, к примеру, периодическое издание «Кавказцы, или Подвиги и жизнь замечательных лиц, действовавших на Кавказе». отдельные тома «Сборника сведений о Кавказе».

Богата библиотека и дореволюционными журналами, подшивки некоторых из них обладают известной полнотой. Названия журналов поражают своим разнообразием: «Русский архив», «Русское богатство», «Слово», «Северные записки», «Свободное воспитание», «Русская старина», «Старые годы», «Труд», «Трудовой путь», «Семья и школа», «Мусульманин», «Отечественные записки» и многие другие.

Руководство библиотеки было озабочено не только проблемой пополнения ценного фонда, но и выполнением серьезной исследовательской работы по отысканию источников поступления литературы, имеющей большую ценность, изучением истории бытования, легенд, связанных с книгами. Огромную работу по обработке книг и журналов, по их систематизации и каталогизации, которая продолжается и ныне, начали еще при А. Шумаховой.

Являясь обладателями столь ценного имущества, работники библиотеки не забывали о том, что необходимо обеспечить его сохранность от хищения и порчи. Утраты были характерны для разных периодов истории библиотеки. Тяжкие последствия для библиотеки имела фашистская оккупация. В годы военного лихолетья книгохранилище сильно пострадало от пожара. Да и в мирные годы ценнейшие издания нередко поедались грызунами, либо гибли, подвергаясь порче от неблагоприятных условий хранения.

После войны началась кропотливая работа по восстановлению и комплектованию книжного собрания библиотеки. Особенно активизировалась эта работа в бытность директором А. С. Шумаховой. Благодаря усилиям коллектива, много времени посвятившего восстановлению довоенного фонда, количество столь необходимых

книг, особенно касающихся истории и этнографии коренных народов – кабардинцев и балкарцев, резко возросло. На просьбу о помощи в пополнении фондов откликнулись многие библиотеки Москвы, Ленинграда, Киева и других городов бывшего Советского Союза.

Под руководством Анны Сахатовны были созданы новые отделы, в частности, национальной и краеведческой литератур, роль которых в деле развития языков и культур коренных народов Кабардино-Балкарии была поистине неоценима. Значительное место в работе библиотеки отводилось и многочисленным традиционным мероприятиям: обзорам книжных новинок, лекциям, книжно-иллюстративным выставкам, встречам с интересными людьми, тематическим вечерам, читательским конференциям и диспутам. Неоднократно А. Шумахова и сотрудники библиотеки принимали активное участие в научных конференциях, выступая на них с докладами, участвовали в Днях литературы и искусства в Дагестане, Северной Осетии, Калмыкии, Абхазии, Адыгее, на Ставрополье. Приезжали в Нальчик и их коллеги из других регионов. Те дни были для сотрудников РНБ самыми насыщенными в творческом отношении.

Библиотекари обращали серьезное внимание и на поиск новых форм и методов работы с читателями. Большой популярностью пользовались мероприятия, которые позволяли вести прямой диалог с аудиторией (вечера-диалоги, обсуждения, диспуты и другие виды массовой работы). Эти мероприятия проводились в тесном контакте с Кабардино-Балкарским научно-исследовательским институтом истории, филологии и экономики, обществами «Знание» и «Книголюбы», Кабардино-Балкарским госуниверситетом, творческими союзами, театрами, Госфилармонией, музеями, правоохранительными органами, СМИ. Были организованы клубы «Любителей прекрасного» и «Общение». Одной из удачных форм работы стал «Клуб любителей прекрасного», в деятельности которого принимали участие писатели, артисты, композиторы, художники, искусствоведы, журналисты. Его заседания всегда проходили на фоне выставок произведений художников Кабардино-Балкарии.

Под руководством директора активизировалась и издательская деятельность библиотеки имени Н. К. Крупской: увидели свет первая в истории республики «Летопись печати КБАССР», новые библиографические пособия, адресованные широкому кругу читателей. Научно-методический отдел подготовил и издал методические материалы в помощь библиотекарям сельских и городских библиотечарей: «С книгой по жизни», «Сыны и дочери Кабардино-Балкарии на фронтах Великой Отечественной Войны», «Военно-патриотическое воспитание молодежи в библиотеке», «В единой семье братских народов» и много других методических пособий. Библиографическим отделом в

70-80-х годах минувшего века была издана серия библиографических указателей «Что читать о Кабардино-Балкарии». Отделом национальной и краеведческой литературы были подготовлены указатели «Просветители Кабардино-Балкарии», «Культурное строительство КБАССР», которые также увидели свет.

При непосредственном участии Анны Сахатовны в течение многих лет сотрудники библиотеки разрабатывали методико-библиографические материалы, посвященные творчеству поэтов и писателей, в частности кабардино-балкарских, проводили исследования в области библиотечного дела, оказывали практическую и методическую помощь библиотекам республики.

Осознание специфики современной ситуации, необходимость оптимизации процесса поиска нужной литературы привели руководство библиотеки к решению составить биобиблиографические словари, которые позволят получить полное представление о всей печатной продукции и аудиовизуальных средствах по отдельным видам искусства и о творческом наследии деятелей культуры Кабардино-Балкарии. Для этого были отобраны и изучены статьи в периодической печати, научные монографии, документы, хранящиеся в архивах. Немало лет библиотекари посвятили составлению биобиблиографических словарей по различным видам искусства Кабардино-Балкарии и таким образом сумели удовлетворить запросы читателей библиотеки.

К примеру, издание «Вокальное искусство Кабардино-Балкарии» в известной степени стало путеводителем, который знакомил читателей с этим видом творчества. Словарь снабдили биографическими данными справочного характера. Значительную часть издания посвятили местным исполнителям, получившим почетные звания. Наряду с ними в словарь вошли и имена талантливой молодежи, победителей конкурсов молодых исполнителей – региональных, российских, международных. По такой же схеме составлены и другие словари.

Действительно, биобиблиографические словари, подготовленные отделом искусств ГНБ КБР, представляют немалую ценность и будут использованы при работе над «Энциклопедией КБР». В Институте гуманитарных исследований КБНЦ РАН дали высокую оценку работе сотрудников отдела искусств ГНБ. Кабардино-балкарские ученые отметили, что словари соответствуют всем требованиям, предъявляемым к подобного рода трудам.

Биобиблиографические словари служат для читателей Национальной библиотеки КБР важным подспорьем при необходимости ориентироваться в море статей по культуре, которых вроде бы и много, но целостной картины развития и нынешнего состояния

искусства они, однако, не дают. Снять проблему дефицита литературы по искусству возможно, лишь удовлетворив потребность читателей в капитальных трудах по различным видам искусства, прослеживающим историю их развития от истоков до сегодняшних дней. Иного пути, кроме того, чтобы заказать их специалистам, по своим творческим масштабам способным справиться с подобной задачей, нет.

Внедрение новых информационных технологий в различные сферы жизни не могло не отразиться и на деятельности ГНБ КБР. Количественно и качественно изменились ее фонды, расширился перечень оказываемых читателям услуг, все отделы библиотеки оснащены компьютерной техникой. С начала 90-х годов проводится автоматизация основных библиотечных процессов, открыт зал доступа к информационным ресурсам через сеть Интернет. Сотрудники библиотеки прекрасно понимают, что уровень их компетенции в области новых информационных технологий должен соответствовать требованиям времени, что заставляет их особенно активно изучать все новейшие способы подачи информационно-библиотечных материалов.

А. С. Шумахова постоянно внедряла новейшие достижения в области библиотечного дела, порой преодолевая консерватизм и инерцию части коллектива. Параллельно с внутренней перестройкой деятельности ГНБ, здесь проводились семинары, научно-практические конференции, на которых работники библиотеки щедро делились накопленным опытом с библиотекарями республики. К ним приезжали также и из соседних республик, краев и областей. Какое бы мероприятие ни организовали в ГНБ, всегда в них значительную роль играла Анна Сахатовна, не просто как руководитель, а как признанный лидер, пользующийся всеобщим уважением, умеющий объединить вокруг себя единомышленников. А это право ей дали и обширные познания в библиотечном деле, и эрудиция, и глубокая человечность. А главное, Анна Сахатовна всегда верила в воспитательную силу книги, была убеждена в том, что она несет в себе огромный духовный и нравственный потенциал.

Богатство и разнообразие фондов библиотеки, профессионализм её сотрудников, конечно же, в значительной степени способствовали успехам читателей в учебе и научной деятельности. Директор А. С. Шумахова четко осознавала роль республиканской библиотеки, а потому очень серьезно и ответственно подходила как к формированию её информационного фонда, так и к подбору сотрудников. Благодаря заложенным А. Шумаховой основам деятельности ГНБ, она и сегодня работает как отлаженный механизм.

Еще один аспект деятельности республиканской библиотеки:

подготовка высокопрофессиональных специалистов в этой сфере. Ведь многие библиотекари республики фактически прошли обучение в Республиканской библиотеке. По признанию всех, кто знаком с ее деятельностью, она всегда была настоящей кузницей кадров. И действительно, профессиональные навыки, полученные в ГНБ, дают возможность легко адаптироваться к работе в библиотеке любого профиля и с самым разнообразным контингентом читателей.

А. С. Шумахова 34 года проработала директором Республиканской научной библиотеки (в 1992 году она была переименована в Государственную национальную библиотеку имени Т. К. Мальбахова). Она внесла неоценимый вклад в развитие библиотечного дела республики. Многолетний плодотворный труд руководителя крупного учреждения культуры был отмечен орденом «Знак Почета», почетными званиями «Заслуженный работник культуры КБАССР» и «Заслуженный работник культуры РСФСР», многочисленными дипломами и Почетными грамотами. На заслуженный отдых она ушла в 1994 году, но до конца жизни не порывала связей со своим детищем.

В номере:

Зураб Бемурзов. Мужской дом. Гл. из романа	2
Аскер Додуев. Стихи (перевод В. Латынина)	33
Людмила Шауцукова. Марьянины рассветы. Зимняя ночь. Рассказы	46
Сакинат Мусукаева. Если бы... Тысячу лет вперед... Странствие. Рассказы.....	58
Наталья Тимофеева. Стихи	69
Юлия Крюкова. Адажио осени. Рассказ	80
Башир Хубиев, Хамитби Мамсиров, Зарема Атабиева. Эволюция национальной культуры в научных трудах М. Х. Герандокова. Статья	86
Наши юбиляры. Мухамеду Хафицэ – 80. Статьи	99
Иосиф Рогаль. О сущном и вечном. Статья	127
Альберт Дышеков. Хранитель традиций. Статья	131
Султан Пишибиев. Освобождение Кабардино-Балкарии от немецко-фашистских оккупантов. Фонд обороны родной земля. В небе – ястреб! Статьи.....	133
Аскер Додуев. Дарование и добросердечность. Статья	144
Каншаубий Мизиев. Конан Дойл турецкой литературы. Интервью	149
Асхат Мечиев. Книга, которую я уважаю... Эссе	157
Дана Абукова. Мифы и реальность. Статья	163
Асият Саракуева. Особенность художественного конфликта в исторических драмах Ж. Токумаева Д. Мамчуевой. Статья	170
Жаухар Аннаева. Библиотечное пространство А. С. Шумаховой. Статья	184

ЛИТЕРАТУРНАЯ КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ

*Литературно-художественный
и общественно-политический журнал*

Свидетельство о регистрации средства массовой информации.
Управление Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
по Кабардино-Балкарской Республике
ПИ № ТУ 07-00126 от 11.01.2018 г.
Подписной индекс П5892

Компьютерная верстка *Ш. С. Ахматова*
Дизайн первой страницы обложки *Юрия Сабанчиева*

Сдано в набор 29.12.2025. Подписано к печати 03.02.2026.
Выход в свет 24.02.2026. Формат 60×90 ¹/₁₆. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. п. л. 12,0.

Тираж 700 экз. Заказ №205. Стоимость одного номера по подписке
через ФГУП «Почта России» – 106,02 руб., за 6 мес. – 318,06 руб.

В розницу – цена свободная.

Адрес редакции, издателя: 360000, КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 5.
Тел.: главный редактор – 40-25-81,
редакторы – 42-75-22,
сайт: smikbr.ru/lkb,
e-mail: literaturnayakb@mail.ru

Отпечатано в ООО «Издательство «Южный регион»,
357600, Ставропольский край, г. Ессентуки, ул. Никольская, 5а.

Материалы для журнала принимаются в распечатанном виде с электронной версией.

Редакция не вступает в переписку с авторами. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Мнение авторов публицистических статей может не совпадать с точкой зрения редколлегии. Авторы сами несут ответственность за достоверность своих материалов. Редакция не принимает рукописи ранее опубликованных материалов на русском языке. При перепечатке материалов ссылка на «Литературную Кабардино-Балкарию» обязательна. Статьи принимаются в объеме, не превышающем 5-ти стандартных страниц (А4), с приложением личных данных (ИНН, страховое пенсионное свидетельство, паспортные данные, номер контактного телефона).

Общественный совет и редакционная коллегия журнала «Литературная Кабардино-Балкария» объявляют творческий конкурс, посвященный «Году единства народов России». Конкурс призван способствовать росту профессионального мастерства авторов, выявлению и популяризации произведений, благотворно влияющих на эстетическое и нравственное сознание общества.

Принимаются оригинальные прозаические и поэтические произведения литераторов нашей республики – всех категорий и возрастов. Рассматриваются рукописи, ранее не опубликованные в других изданиях и поступившие в редакцию «ЛКБ» до 26 сентября в электронном виде. Победители конкурса (три первых места в жанровых категориях) будут отмечены денежными призами.

Отбор и оценку текстов проведет экспертная комиссия, в составе которой профильные специалисты в области литературоведения, обществознания, поэты и прозаики – члены Союза писателей России.

Адрес эл. почты журнала «Литературная Кабардино-Балкария»:
literaturnayakb@mail.ru

8 МАРТА

*Поздравляем наших дорогих
читательниц с праздником
Весны, Красоты и Любви!*